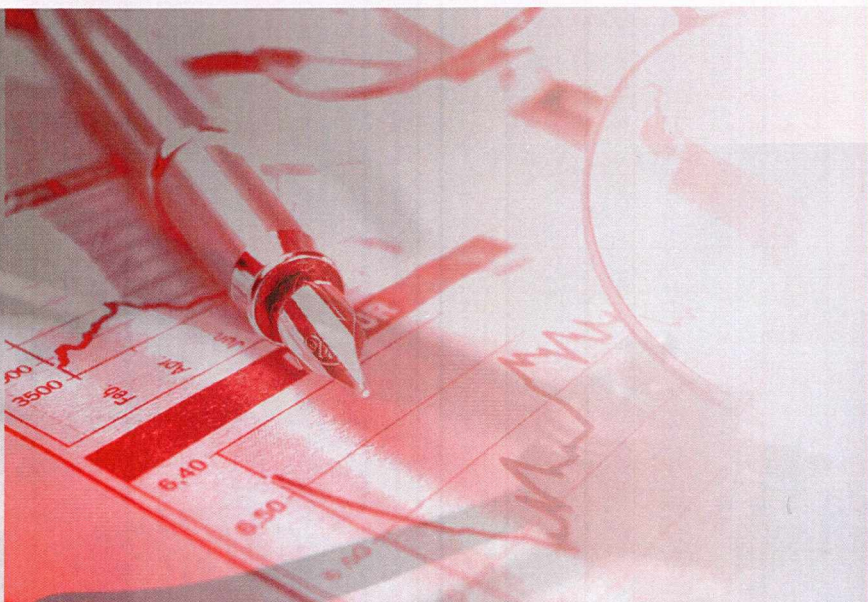

ISSN 2414-5815

ПРАВО ЭКОНОМИКА ПСИХОЛОГИЯ

№ 3(39)

2025
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год. Издаётся с января 2015 года

2025 № 3(39)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

С.В. Агиевец (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
Е.М. Бахмат, В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенок, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев,
Е.Ф. Ивашкевич, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, С.В. Лауткина,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, Е.Е. Фролова,
И.А. Фурманов, И.И. Шматков

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазиллов (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень
научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:
210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 33 398 50 51

E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

ПРАВО

Сабуни Р.М. Исполнительный протокол как фундаментальный компонент реализации Соглашения между Республикой Беларусь и Европейским союзом о реадмиссии нелегальных мигрантов: необходимость его разработки и правовые особенности применения 3

Сухарев А.А., Янч В.В. Правовая энтропия как угроза устойчивости правопорядка в обществе 9

ЭКОНОМИКА

Богатырёва В.В., Костюкова С.Н., Капусто А.В. Развитие методов сетевого планирования и управления в приложении к анализу денежных потоков подрядчика в сфере строительства 16

Wang Jianbo. Some Theoretical and Methodological Problems of Cost Management Efficiency Assessment 27

Побяржина Т.П., Трищенко А.В. Современная политика импортозамещения на национальном и региональном уровнях на примере Витебской области 35

Трацевская Л.Ф. Криптовалютный рынок в Республике Беларусь: состояние, регулирование и перспективы развития 41

ПСИХОЛОГИЯ

Пастушеня А.Н. Психологическая сущность личной позиции по профессиональной занятости 47

Крестьянинова Т.Ю., Никитенко П.А. Феномен алекситимии у детей, выросших в семьях с алкогольной зависимостью 56

Киричик Е.С. Особенности представлений женщин о качествах матери 61

Гермацкая Е.И. Психологические факторы эффективного профессионального отбора кандидатов на службу в органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям 70

Голованов Р.А. Социально-психологическая подготовка военнослужащих на начальном этапе становления обучающихся учебных заведений специальной направленности 78

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year. Published since January 2015

2025 № 3(39)

Founder: Educational Establishment
"Vitebsk State P.M. Masherov University"

Editor-in-Chief:

V.V. Bogatyreva

Editorial Board:

S.V. Agiyevets (in charge
of the Law Studies section),
E.V. Pavlysh (in charge
of the Economics Studies section),
S.L. Bogomaz (in charge
of the Psychology Studies section),
E.M. Bakhmat, V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev,
E.F. Ivashkevich, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, S.V. Lautkina,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenshchik,
L.F. Tratsevskaya, E.E. Frolova,
I.A. Furmanov, I.I. Shmatkov

Editorial Council:

T.V. Voronovich (Belarus),
S.A. Trakhimenok (Belarus),
V.M. Khomich (Belarus),
N.A. Adamov (Russia),
L.V. Vinnitski (Russia),
R.A. Kurbanov (Russia),
V.A. Mazilov (Russia),
K.V. Pavlov (Russia),
A.I. Savenkov (Russia),
S.M. Shingayev (Russia)

Scientific and practical journal
"Law. Economics. Psychology"
is included in the List of scientific
publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 33 398 50 51
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

Sabuni R.M. The Executive Protocol as a Fundamental Component of the Agreement Between the Republic of Belarus and the European Union on the Readmission of Illegal Migrants: The Need for its Development and Legal Specifics of Application 3

Sukharev A.A., Yanch V.V. Legal Entropy as a Threat to the Stability of the Legal Order in Society 9

ECONOMICS

Bogatyreva V.V., Kostiukova S.N., Kapusto A.V. Development of Network Planning and Management Methods in the Application to the Analysis of the Contractor Cash Flows in the Sphere of Construction 16

Ван Цзяньбо. Некоторые теоретико-методологические проблемы оценки эффективности управления затратами 27

Pobyarzhina T.P., Trishchenkova A.V. Modern Policy of Import Substitution at the National and Regional Levels on the Example of Vitebsk Region 35

Tratsevskaya L.F. Cryptocurrency Market in the Republic of Belarus: the State, Regulation and Development Prospects 41

PSYCHOLOGY

Pastushenia A.N. Psychological Essence of the Professional Employment Personal Position 47

Krestyaninova T.Yu., Nikitenko P.A. The Phenomenon of Alexithymia in Children who Grew up in Families with Alcohol Dependence 56

Kirichik E.S. Peculiarities of Women's Ideas about the Qualities of a Mother 61

Germatskaya E.I. Psychological Factors of Effective Professional Selection of Candidates to Serve in the Ministry of Emergency Situations Units 70

Golovanov R.A. Social and Psychological Training of Military Personnel at the Initial Student Maturation Stage at Special Education Establishments 78

УДК 341.24:343.343.6

Исполнительный протокол как фундаментальный компонент реализации Соглашения между Республикой Беларусь и Европейским союзом о реадмиссии нелегальных мигрантов: необходимость его разработки и правовые особенности применения

Сабуни Р.М.
Витебск, соискатель

В представленной статье рассматривается важность разработки и внедрения исполнительного протокола к соглашению между Республикой Беларусь и Европейским союзом о реадмиссии лиц, находящихся на территории без соответствующего разрешения. Анализируется текущая ситуация и проблемы, связанные с нелегальной миграцией в регионе, а также необходимость эффективной координации действий для реализации соглашения. Особое внимание уделяется роли исполнительного протокола как ключевого инструмента для обеспечения соблюдения соглашения и упорядочения процедур реадмиссии. Затрагиваются вопросы структуры, содержания и особенностей применения предлагаемого протокола, а также его значимость для обеих сторон соглашения. Автор подчеркивает актуальность данной темы в контексте современной миграционной политики и призывает к совместным усилиям по созданию эффективного механизма реализации соглашения о реадмиссии.

Целью данной статьи является рассмотрение важности разработки и внедрения исполнительного протокола к соглашению между Республикой Беларусь и Европейским союзом о реадмиссии нелегальных мигрантов, а также выявление основных причин и проблем, связанных с данным процессом.

Материал и методы. Для проведения исследования изучены научные труды [1], положения международных договоров [2; 3], аналитические материалы Международной организации по миграции [4], публикации в периодической печати [5–7]. Методологическую основу исследования составили метод анализа, синтеза и сравнительно-правовой.

Результаты и их обсуждение. Изучен вопрос об использовании исполнительного протокола как необходимого инструмента для эффективной реализации соглашения о реадмиссии между Беларусью и Европейским союзом. Данный протокол определяет конкретные процедуры и механизмы возвращения незаконных мигрантов, устанавливает обязательства сторон и регулирует вопросы сотрудничества в этой области. Особое внимание уделяется разработке четкого и прозрачного механизма, который бы учитывал интересы и права всех сторон и предотвращал возможные проблемы в процессе реализации. В статье отмечена необходимость соблюдения международных стандартов прав человека при возвращении нелегальных мигрантов, а также обучения и подготовки персонала, занимающегося реализацией протокола. Отмечено, что исполнительный протокол должен стать одним из основополагающих элементов в урегулировании процессов нелегальной миграции.

Заключение. Разработка исполнительного протокола к Соглашению о реадмиссии между Беларусью и ЕС представляет собой неотложную задачу, обусловленную необходимостью недопущения обострения миграционной ситуации на границах. Как свидетельствуют данные, в 2021–2023 годах наблюдался резкий рост нелегальной миграции – количество задержанных увеличилось с 78 до почти 4 тысяч человек, причем основной поток составляют выходцы из кризисных регионов Ближнего Востока и Африки. Отсутствие четкого механизма реализации соглашения 2020 года существенно осложнило управление миграционными процессами, что подтверждает необходимость скорейшей разработки исполнительного протокола.

Ключевые слова: реадмиссия, исполнительный протокол, нелегальная миграция, миграционный кризис, права мигрантов.

The Executive Protocol as a Fundamental Component of the Agreement Between the Republic of Belarus and the European Union on the Readmission of Illegal Migrants: The Need for its Development and Legal Specifics of Application

Sabuni R.M.
Vitebsk, applicant

The presented article examines the importance of developing and implementing an executive protocol to the agreement between the Republic of Belarus and the European Union on the readmission of individuals residing in the territory without proper authorization. The current situation and challenges related to illegal migration in the region are analyzed, along with the need for effective coordination of actions to implement the agreement. Special attention is given to the role of the executive protocol as a key instrument for ensuring compliance with the agreement and streamlining readmission procedures. The article addresses the structure, content, and application specifics of the proposed protocol, as well as its significance for both parties to the agreement. The author emphasizes the relevance of this topic in the context of contemporary migration policy and calls for joint efforts to establish an effective mechanism for implementing the readmission agreement.

The purpose of this article is to explore the importance of developing and implementing an executive protocol to the agreement between the Republic of Belarus and the European Union on the readmission of illegal migrants, as well as to identify the main causes and challenges associated with this process.

Material and methods. *In the research, scholarly works [1], provisions of international treaties [2; 3], analytical materials from the International Organization for Migration [4], and periodical publications [5–7] were examined. The methodological framework of the study included analysis, synthesis, and the comparative legal method.*

Findings and their discussion. *The study examines the use of an executive protocol as an essential tool for the effective implementation of the readmission agreement between Belarus and the European Union. This protocol defines specific procedures and mechanisms for the return of illegal migrants, establishes the obligations of the parties, and regulates cooperation in this area. Particular attention is paid to the development of a clear and transparent mechanism that takes into account the interests and rights of all parties and prevents potential issues during implementation. The article highlights the need to comply with international human rights standards when returning illegal migrants, as well as the importance of training and preparing personnel responsible for implementing the protocol. It emphasizes that the executive protocol should become one of the fundamental elements in regulating illegal migration processes.*

Conclusion. *The development of the executive protocol to the agreement between the Republic of Belarus and the European Union on the readmission of individuals is an essential tool conditioned by the need to prevent aggravation of the migration situation at the borders. According to the data, in 2021–2023 an increase of illegal migration was observed – the number of the detained rose from 78 to about 4 000, the largest number being people who come from crisis regions of Near East and Africa. The lack of a clear mechanism of the 2020 Agreement implementation considerably aggravates the migration process management which confirms the need for the prompt development of the executive protocol.*

Key words: readmission, executive protocol, illegal migration, migration crisis, rights of migrants.

В современных условиях глобализации и усиления миграционных потоков вопросы регулирования нелегальной миграции приобретают особую актуальность. Одним из ключевых инструментов в этой сфере являются соглашения о реадмиссии, позволяющие упорядочить процесс возврата лиц, незаконно находящихся на территории государства. Особое значение в данном контексте приобретает Соглашение между Республикой Беларусь и Европейским союзом о реадмиссии, которое

было призвано создать правовые основы для взаимодействия сторон в сфере миграционного контроля. Однако эффективность подобных соглашений во многом зависит от наличия детализированного исполнительного протокола, который конкретизирует процедурные аспекты и механизмы реализации договоренностей.

Актуальность разработки такого протокола особенно ярко проявилась в ходе миграционного кризиса 2021 года, когда отсутствие четких

процедур привело к значительным сложностям в применении соглашения на практике. Резкий рост числа нелегальных мигрантов на границе Беларуси и ЕС (по данным Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, их количество увеличилось в 17 раз) показал, что без детально прописанных механизмов взаимодействия даже самые прогрессивные договоренности остаются малоэффективными. В этой связи создание исполнительного протокола становится не просто технической необходимостью, а важнейшим условием для обеспечения стабильности и безопасности в регионе.

Важность данного документа обусловлена и тем, что он призван обеспечить соблюдение международных стандартов в области прав человека. Как отмечается в Глобальном договоре о миграции (2018), любые меры по регулированию миграционных процессов должны учитывать интересы и права самих мигрантов, особенно уязвимых категорий — детей, жертв торговли людьми, лиц, ищущих убежища. Исполнительный протокол позволяет закрепить соответствующие гарантии, создавая баланс между эффективностью процедур реадмиссии и защитой фундаментальных свобод.

Кроме того, разработка протокола имеет стратегическое значение для развития двустороннего сотрудничества между Беларусью и ЕС. Отсутствие четких правил и процедур не только затрудняет практическую реализацию соглашения, но и создает почву для политических споров и взаимных обвинений. Внедрение прозрачных и понятных механизмов взаимодействия способствовало бы укреплению доверия между сторонами, создавая основу для совместного решения не только миграционных, но и других актуальных вопросов.

Таким образом, необходимость разработки исполнительного протокола к Соглашению о реадмиссии между Беларусью и ЕС очевидна. Этот документ станет не просто дополнением к существующим договоренностям, а ключевым элементом эффективного управления миграционными процессами. Его принятие позволит не только упорядочить процедуры возврата нелегальных мигрантов, но и минимизировать риски возникновения кризисов, обеспечив при этом соблюдение прав человека и интересов всех участников данного процесса. В условиях роста глобальной миграционной нестабильности такой шаг представляется не просто целесообразным, а жизненно необходимым.

Цель статьи — рассмотрение важности разработки и внедрения исполнительного протокола к соглашению между Республикой Беларусь и Европейским союзом о реадмиссии нелегальных мигрантов, а также выявление основных причин и проблем связанных с данным процессом.

Материал и методы. Для проведения исследования изучены научные труды [1], положения международных договоров [2; 3], аналитические материалы Международной организации по миграции [4], публикации в периодической печати [5–7]. Методологическую основу исследования составили методы анализа, синтеза и сравнительно-правовой метод.

Результаты и их обсуждение. Теоретические основы реадмиссии и исполнительного протокола раскрывают сущность и значение этих институтов в современном международном праве. Понятие реадмиссии, возникшее во второй половине XX века, определяется как процедура передачи и принятия лиц, незаконно находящихся на территории государства, между компетентными органами разных стран. Согласно глоссарию терминов СНГ в пограничной сфере (2018), реадмиссия представляет собой механизм, направленный на упрощение регулирования миграционных потоков и борьбу с нелегальной миграцией, одновременно способствуя защите прав мигрантов и снижению бюрократической нагрузки [1]. В Европейском союзе эволюция правового регулирования реадмиссии прошла путь от национальной компетенции государств-членов до передачи этих полномочий наднациональным структурам после вступления в силу Амстердамского договора в 1999 году [2, ст. 79].

Особую роль в практической реализации соглашений о реадмиссии играет исполнительный протокол, который детализирует процедуры, определяет компетентные органы, устанавливает сроки рассмотрения ходатайств и регламентирует финансовые вопросы. Отсутствие такого протокола к Соглашению между Республикой Беларусь и ЕС 2020 года существенно затруднило его применение на практике, что особенно ярко проявилось во время миграционного кризиса 2021 года [3]. Международный опыт, включая типовое соглашение ЕС о реадмиссии 1994 года и протоколы к соглашениям с Турцией и странами Северной Африки, демонстрирует важность четких механизмов идентификации, ускоренных процедур возврата и гарантий правовой защиты, которые должны быть адаптированы к специфике конкретного региона и обеспечивать баланс интересов всех сторон [4, с. 20].

Анализ миграционного кризиса 2021 года на границе Беларуси и ЕС выявил системные проблемы, связанные с отсутствием исполнительного протокола, противоречиями между национальными законодательствами и политизацией вопросов миграции. Как отмечают эксперты, фрагментарные попытки стран самостоятельно решить проблему нелегальной миграции не приносят желаемого результата. Перспективы развития института реадмиссии связаны с необходимостью разработки комплексных решений, включающих унификацию процедур в соответствии с международными стандартами, создание системы мониторинга и оценки, подготовку кадров и развитие регионального сотрудничества. Только такой подход может обеспечить эффективное управление миграционными процессами при соблюдении прав человека и интересов всех участников данного процесса.

По данным Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, в 2021 году число задержанных нелегальных мигрантов на границе с Литвой увеличилось в 17 раз [5]. Основной поток мигрантов составляют граждане нестабильных регионов — Ирака, Сирии, Афганистана и африканских стран, что связано с продолжающимися вооруженными конфликтами и экономическими проблемами в этих государствах.

Отсутствие четких процедур реадмиссии создает серьезные проблемы в управлении миграционными потоками. Особенно остро это проявилось во время кризиса 2021 года, когда отсутствие исполнительного протокола к Соглашению о реадмиссии между Беларусью и ЕС (2020) значительно затруднило практическую реализацию соглашения [3]. Поэтому необходимы согласованные механизмы для обеспечения безопасности границ и защиты прав мигрантов.

Разработка исполнительного протокола дает существенные преимущества:

Упрощение процедур возврата — протокол устанавливает четкие сроки и порядок рассмотрения ходатайств о реадмиссии, что ускоряет процесс возврата нелегальных мигрантов. Как показывает практика ЕС, такие регламентированные процедуры позволяют сократить время принятия решений в среднем на 30–40%.

Четкое распределение обязательств — документ конкретизирует ответственность каждой из сторон, включая вопросы финансирования, организации транспортировки и документального оформления. Это особенно важно для транзитных стран, каковой является Беларусь.

Соблюдение международных стандартов — протокол закрепляет гарантии соблюдения прав человека, включая специальные процедуры для уязвимых категорий (детей, жертв торговли людьми и т.д.), что соответствует Цели 12 Глобального договора о миграции.

При этом, как подчеркивал Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, Республика Беларусь не является источником миграционных потоков, а выступает скорее транзитной территорией [6]. Это подтверждает необходимость комплексного подхода к решению проблемы, где исполнительный протокол стал бы важным, но не единственным элементом.

Необходимость разработки исполнительного протокола к Соглашению о реадмиссии между Республикой Беларусь и ЕС обусловлена комплексом факторов, выявленных в ходе анализа текущей миграционной ситуации. Как отметил советник постоянного представительства Беларуси при ООН В. Пахомчик на 12-й сессии Конференции государств — участников Конвенции ООН, против транснациональной организованной преступности на границе Беларуси и ЕС наблюдается непростая ситуация с растущим неконтролируемым притоком мигрантов, что подтверждается статистическими данными: в 2020–2021 годах задержано 19 групп незаконных мигрантов численностью 78 человек. В 2022–2023 годах наблюдался резкий рост их количества: в 2022 г. в Беларуси выявлено 163 группы общей численностью 1099 мигрантов, в 2023 г. — 596 групп численностью почти 4 тыс. человек. За 9 месяцев 2024 г. — 307 групп в составе более 2,1 тыс. человек [7].

Основной поток мигрантов формируется гражданами кризисных регионов — Ирака, Сирии, Афганистана и африканских стран, что связано с сохраняющейся нестабильностью в этих государствах. Отсутствие четких процедур реадмиссии создает значительные сложности в управлении миграционными процессами, что особенно ярко проявилось во время кризиса 2021 года, когда приостановленное Соглашение 2020 года не могло быть эффективно реализовано именно из-за отсутствия детализированного исполнительного протокола.

Как отмечалось ранее, разработка такого протокола позволит решить ключевые проблемы. Во-первых, существенно упростит процедуры возврата нелегальных мигрантов за счет установления четких сроков рассмотрения ходатайств и стандартизации документооборота. Во-вторых, обеспечит прозрачное распределение

обязательств между сторонами, включая вопросы финансирования, организации транспортировки и документального оформления, что особенно важно для Беларуси как транзитной страны. В-третьих, гарантирует соблюдение международных стандартов прав человека, включая специальные процедуры для уязвимых категорий мигрантов (детей, жертв торговли людьми и других), что соответствует положениям Глобального договора о миграции 2018 года.

Вместе с тем важно учитывать, что Республика Беларусь выступает транзитной территорией для миграционных потоков, что требует системного подхода к решению проблемы. Разработка исполнительного протокола должна сопровождаться мерами по гармонизации законодательства, укреплению доверия между сторонами и созданию механизмов оперативного реагирования на кризисные ситуации. Особое значение имеет обеспечение баланса между эффективностью процедур реадмиссии и неукоснительным соблюдением прав человека, что соответствует как международным обязательствам сторон, так и целям устойчивого развития.

Разработка исполнительного протокола к Соглашению о реадмиссии между Беларусью и ЕС представляет собой насущную необходимость в современных условиях. Как показывает практика, отсутствие детализированного механизма реализации международных договоренностей значительно снижает их эффективность. В случае с реадмиссией это проявляется особенно остро, поскольку речь идет о сложных административных процедурах, требующих четкой регламентации сроков, порядка взаимодействия и распределения ответственности между сторонами.

С правовой точки зрения исполнительный протокол выполняет несколько критически важных функций. Он конкретизирует положения основного соглашения, устанавливая понятные и прозрачные правила для всех участников процесса. Это касается как технических аспектов (перечень документов, сроки рассмотрения запросов, порядок передачи лиц), так и содержательных вопросов (критерии идентификации, условия содержания, медицинского обеспечения). Особое значение имеет закрепление гарантий соблюдения прав человека.

Опыт миграционного кризиса 2021 года наглядно продемонстрировал, что отсутствие четких процедур приводит к двояким последствиям. С одной стороны, затрудняется оперативное реагирование на возникающие вызовы, с другой —

создаются условия для возможных злоупотреблений и нарушений прав мигрантов. Разработанный с учетом лучших международных практик исполнительный протокол позволил бы минимизировать эти риски, создав понятные правила для всех участников процесса.

При этом необходимо понимать, что эффективность протокола будет напрямую зависеть от готовности сторон к конструктивному сотрудничеству. Речь идет не только о формальном выполнении процедур, но и о создании атмосферы доверия, обмена информацией, совместного мониторинга ситуации. Только такой комплексный подход может обеспечить устойчивое решение проблем, связанных с нелегальной миграцией, при соблюдении как интересов государств, так и прав человека.

Заключение. Разработка исполнительного протокола к Соглашению о реадмиссии между Беларусью и ЕС представляет собой неотложную задачу. Как свидетельствуют данные, в 2021–2023 годах наблюдался резкий рост нелегальной миграции — количество задержанных увеличилось с 78 до почти 4 тысяч человек, причем основной поток составляют выходцы из кризисных регионов Ближнего Востока и Африки. Отсутствие четкого механизма реализации соглашения 2020 года существенно осложнило управление миграционными процессами во время кризиса 2021 года, что подтверждает необходимость скорейшей разработки исполнительного протокола.

Значение такого протокола для урегулирования миграционного кризиса трудно переоценить. Он призван решить три ключевые задачи: упростить процедуры возврата за счет стандартизации документооборота и установления четких сроков (что по опыту ЕС сокращает время принятия решений на 30–40%), обеспечить прозрачное распределение обязательств между сторонами, а также гарантировать соблюдение международных стандартов прав человека, особенно для уязвимых категорий мигрантов. В то же время следует учитывать, что Беларусь выступает преимущественно транзитной территорией, что требует особого подхода к разработке механизмов реадмиссии.

Для дальнейшего совершенствования системы реадмиссии рекомендуется: во-первых, ускорить разработку и принятие исполнительного протокола с учетом лучших международных практик; во-вторых, обеспечить его гармонизацию с национальными законодательствами стран-участниц; в-третьих, создать механизмы постоянного мониторинга и оперативного реагирования на изменения

миграционной ситуации. Особое внимание следует уделить балансу между эффективностью процедур и защитой прав мигрантов, а также развитию атмосферы доверия и конструктивного сотрудничества между всеми заинтересованными сторонами. Только комплексный подход, сочетающий формальные процедуры с политической волей к сотрудничеству, позволит найти устойчивое решение проблемы нелегальной миграции.

Литература

1. Лемешев, А.И. Глоссарий по миграции / А.И. Лемешев, А.В. Бубич, Г.Г. Зинкевич. — Минск: Информ. центр при МИД Респ. Беларусь, 2000. — 51 с.
2. Договор о функционировании Европейского союза [рус., англ.] // Право Европейского Союза. — URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 14.05.2024).
3. О ратификации Соглашения между Республикой Беларусь и Европейским союзом о реадмиссии лиц, пребывающих без разрешения: Закон Респ. Беларусь от 09.04.2020 № 2–3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь /

Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2025.

4. Международная организация по миграции. Руководство по реадмиссии: опыт избранных стран по вопросам реадмиссии и возвращения. — Москва: Бюро МОМ в Москве, 2009. — Т. 1. — 156 с.

5. ГПК: число нелегальных мигрантов на границе с Литвой возросло в 17 раз // БелТА. — URL: <https://www.belta.by/society/view/gpk-chislo-nelegalnyh-migrantov-na-granitse-s-litvoj-vozroslo-v-17-raz-440308-2021/> (дата доступа: 24.05.2024).

6. Генсек ООН подтвердил, что Беларусь не является ни источником, ни причиной потоков беженцев // БелТА. — URL: <https://www.belta.by/politics/view/gensek-oon-podtverdil-chto-belarus-ne-javljaetsja-ni-istochnikom-ni-prichinoj-potokov-bezhentsev-470363-2021/> (дата доступа: 28.05.2024).

7. Беларуси удалось снизить число стремящихся в ЕС нелегальных мигрантов до уровня 2020 года // БелТА. — URL: <https://belta.by/society/view/belarusi-udalos-snizit-chislo-stremjaschihsja-v-es-nelegalnyh-migrantov-do-urovnja-2020-goda-668759-2024/> (дата доступа: 28.05.2024).

Поступила в редакцию 26.07.2024

Правовая энтропия как угроза устойчивости правопорядка в обществе

Сухарев А.А., Янч В.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Статья посвящена исследованию рисков, которые создает правовая энтропия в отношении устойчивости правового порядка в обществе. Важнейшим условием гарантированности правопорядка выступает выполнение гражданами и должностными лицами своих юридических обязанностей. Следует отметить, что в обеспечении правопорядка участвует не только правовое регулирование, но и иные социальные нормы, а также такие факторы, как свойства народа (менталитет), нравственная сила народа, система воспитания, уровень общей и правовой культуры населения. В отличие от правовых норм другие социальные нормы (например, моральные, религиозные) обладают большей неопределенностью, меньшей формализованностью и силой воздействия, в силу чего отсутствие тесной связи данных норм с правом может способствовать нарастанию энтропийных тенденций в правовой жизни общества.

Цель статьи – изучить риски и угрозы энтропии для устойчивости правопорядка в обществе, определить пути и способы их профилактики.

Материал и методы. Материалом исследования являются различные концепции и подходы отечественных и зарубежных ученых к проблеме энтропии в социальной и правовой сферах, правоприменительная практика, научные публикации. В качестве основных методов использовались: общенаучные методы научного познания, а также частно-научные (компаративистский и метод правового прогнозирования).

Результаты и их обсуждение. Значительная распространенность энтропийных тенденций в системе правового регулирования показывает, что при исследовании их влияния на правопорядок основное внимание уделяется качеству правового регулирования и при этом недооцениваются социальные факторы, а также процесс их взаимодействия с правовыми средствами. Динамичные изменения в общественной жизни могут порождать противоречия в правовой сфере, то есть право не всегда своевременно реагирует на такие изменения и в этой связи не оказывает должного воздействия на форму возникающих общественных отношений.

Заключение. Энтропийные проявления в социальной и правовой сферах обуславливаются всякой нестабильностью, неопределенностью, дезорганизацией управления, особенно в переходные периоды. Диалектика развития правопорядка показывает перманентное наличие борьбы противоположностей и разрешение противоречий: упорядоченности и дезорганизации, законности и беззакония, управления и хаоса, правопорядка и преступности. Для профилактики правовой энтропии в плане обеспечения устойчивости правопорядка необходимо осуществлять превентивные меры: профилактика семейного неблагополучия; совершенствование системы правового воспитания; повышение уровня правовой культуры населения на основе правовой идеологии и психологии; совершенствование законодательства с целью своевременного реагирования на происходящие в обществе процессы; широкое вовлечение граждан в активную правовую жизнь общества; обеспечение эффективной деятельности институтов социального контроля.

Ключевые слова: энтропия, правовая энтропия, неустойчивость, нестабильность, неопределенность, anomia, переходное общество, система воспитания, нравственная сила народа, социализация личности, общая и правовая культура.

Legal Entropy as a Threat to the Stability of the Legal Order in Society

Sukharev A.A., Yanch V.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article is concerned with the study of the risks that legal entropy creates in relation to the stability of the legal order in society. The most important condition for the guarantee of law and order is the fulfillment by citizens and officials of their legal duties. It should be noted that not only legal regulation, but also other social norms, as well as such factors as the properties of the people (mentality), the moral strength of the people, the education system, the level of general and legal culture of the population participate in ensuring law and order. Unlike legal norms, other social norms (moral, religious, for example) have greater uncertainty, less formalization and force of influence, due to which the absence of a close connection of such norms with the law can contribute to the growth of entropic tendencies in the legal life of society.

The purpose of the article is to study the risks and threats of entropy for the stability of the legal order in society, to determine the ways and means of their prevention.

Material and methods. The material of the study includes various concepts and approaches of domestic and foreign scientists to the problem of entropy in the social and legal spheres, law enforcement practice, scientific publications. The main methods that were used were general scientific methods of scientific cognition, as well as specific scientific methods (comparative and legal forecasting methods).

Findings and their discussion. The significant prevalence of entropic tendencies in the system of legal regulation shows that when studying their influence on the legal order, the main attention is paid to the quality of legal regulation, while social factors

and the process of their interaction with legal means are underestimated. Dynamic changes in public life can give rise to contradictions in the legal sphere, that is, the law does not always respond to such changes in a timely manner and, in this regard, does not have the proper impact on the form of emerging social relations.

Conclusion. Entropic manifestations in the social and legal spheres are caused by any instability, uncertainty, disorganization of management, especially in transition periods. The dialectic of the development of the legal order shows the permanent presence of the struggle of opposites and the resolution of contradictions: order and disorganization, legality and lawlessness, management and chaos, law and order and crime. In order to prevent legal entropy in terms of ensuring the stability of law and order, it is necessary to implement preventive measures: prevention of family problems; improvement of the legal education system; raising the level of legal culture of the population based on legal ideology and psychology; improvement of legislation in order to promptly respond to the processes occurring in society; broad involvement of citizens in the active legal life of society; ensuring the effective operation of social control institutions.

Key words: entropy, legal entropy, instability, volatility, uncertainty, anomie, transitional society, education system, moral strength of the people, socialization of the individual, general and legal culture.

Понятие энтропии используется во многих науках для описания явлений, связанных с неопределенностью, беспорядком, хаосом, изменением, случайностью. Чем меньше элементы какой-либо системы подчинены порядку, тем выше энтропия. Энтропию в праве можно рассматривать как социальное явление, содержащее правовые, политические, экономические и культурные характеристики, в своей совокупности оказывающие влияние на систему правового регулирования и правопорядок как ее конечную цель.

Под правовым порядком понимают особое состояние урегулированности общественных отношений, которое достигается за счет соблюдения режима законности всеми субъектами правовых отношений. Можно сказать, что правопорядок — это качественное выражение законности. Правопорядок является составной частью общественного порядка. Важнейшим показателем устойчивости правопорядка выступает соблюдение и выполнение гражданами правовых норм, правильное их применение. В то же время эффективность правового регулирования недостаточна без взаимодействия с такими социальными факторами, как система воспитания, культура, нравственная сила народа, традиции, семейные ценности и др.

Дефициты гуманитарной составляющей современного общества выступают как один из источников социальной неопределенности и неустойчивости, что может являться причиной энтропийных тенденций. Ярким примером таких тенденций является кризис семьи как социального института. Например, по данным национального статистического комитета в 2024 году в Беларуси было зарегистрировано около 46,2 тыс. браков и 34,9 тыс. разводов [1]. Приведенные данные свидетельствуют о неблагополучии в семейной сфере, что негативно сказывается на процессе социализации молодежи, уровне

воспитания, общей и правовой культуре населения. Ослабление действенности определенных социальных норм, которые без поддержки права не в состоянии в должной степени регулировать социальные отношения, способствует нарастанию правовой энтропии.

Цель статьи — изучить риски и угрозы энтропии для устойчивости правопорядка в обществе, определить пути и способы их профилактики.

Материал и методы. Материалом исследования являются различные концепции и подходы отечественных и зарубежных ученых к проблеме энтропии в социальной и правовой сферах, научные публикации, правоприменительная практика. В качестве основных методов использовались: общенаучные методы научного познания, а также частно-научные (компаративистский и метод правового прогнозирования).

Результаты и их обсуждение. Термин «энтропия» (от др.-греч. *ἐντροπία*) означает «обращение», «превращение». Вначале он широко использовался в физике для обозначения меры неопределенности или хаоса в системе. Чем выше уровень неопределенности или беспорядка, тем больше энтропия. Понятие энтропии впервые было введено немецким физиком и математиком Рудольфом Клаузиусом в 1865 году. Исследуя термодинамику, он установил, что энтропия замкнутой системы со временем может оставаться неизменной или возрастать, но никогда не убывать. Примером энтропии может быть таяние льда. Сам лед представляет собой упорядоченную структуру, в которой молекулы воды связаны в кристаллической решетке. Когда же он тает, молекулы высвобождаются, становятся более свободными и хаотично двигаются в жидкой воде. При этом энтропия нарастает. В то же время не следует понимать энтропию как собственное свойство системы. У системы есть определенная энергия, импульс, потенциал, но у нее нет

определенной энтропии. По-другому, энтропия — это то, как мы описываем ту или иную систему.

Являясь одним из самых сложных явлений в социальной сфере, энтропия является объектом научного интереса социологов, психологов, культурологов, философов, юристов. В целом энтропия отождествляется с неопределенностью, неизвестностью и беспорядком, присущим любой системе — от капель дождя до человеческих отношений и функционирования социальных институтов. В юриспруденции энтропию принято рассматривать во взаимосвязи с неопределенностью, нестабильностью и неустойчивостью правовой системы (Ю.В. Павлова) [2]. Эти неопределенность и неустойчивость содержат в себе риски неконтролируемой энтропии, результатом которой может быть системный и структурный кризис государственно-правовых институтов и всей системы правового регулирования.

Одним из важнейших направлений деятельности государственной власти в сфере противодействия неконтролируемой энтропии является построение общественного порядка и правопорядка как его основы через тесное взаимодействие нормативных и ненормативных регуляторов. Среди нормативных регуляторов право занимает особое место, так как основано на принудительной силе государства и определяет место и роль иных нормативных регуляторов в жизни общества. Ненормативные регуляторы (ценностный, информационный, социальный институт предсказаний) не обладают формальной определенностью, присущей нормативным регуляторам, однако в силу своей образности, эмоциональной окрашенности оказывают существенное влияние на поведение людей и социальных групп. Они подпитывают систему социального регулирования в том числе путем трансформации социальных и правовых ценностей, оказывающих регулятивное, ориентационное воздействие на мотивы поведения субъектов.

Проблему устойчивости правопорядка в обществе исследовали многие известные мыслители, криминологи, социологи, психиатры. Так, итальянский психиатр, основатель антропологического направления в криминологии и уголовном праве Чезаре Ломброзо (1835–1909) определил систему факторов, детерминирующих преступность: воспитание и просвещение, благосостояние населения, семейное положение, отношение к труду, пол, возраст, алкоголизм, миграция, влияние города и деревни, скученность населения, цены на продукты питания, времена года, ланд-

шафт и др. По его мнению, большинство человеческих поведенческих актов зависит от теплоты. Холод оказывает тормозящее влияние на нервную систему. Например, эскимосские племена настолько миролюбивы, что в их языке вообще отсутствуют ругательные слова. Самой выразительной реакцией на оскорбления и обиду у них является молчание. По данным Ломброзо, в Англии, Франции и Италии большинство убийств и изнасилований совершается в жаркие месяцы. Преступления против собственности (кражи) совершаются больше зимой, что обусловлено увеличением потребностей и уменьшением возможностей удовлетворять их.

Бельгийский социолог Адольф Кетле (1796–1874) был уверен в том, что у законодателя есть реальные возможности для принятия законов, способных существенно изменить к лучшему социальные условия в обществе и тем самым снизить уровень преступности. Но для этого он должен установить «равновесие» между тремя силами: нравственной силой народа, силой общественного мнения и силой законов.

В этом же контексте мыслит и Жан-Жак Руссо (1712–1778), который в своей работе «Об общественном договоре, или Принципы политического права» предупреждает законодателя о распространенных ошибках в случаях руководства разнонаправленными принципами. Например, когда один ведет к социальной справедливости, другой к накоплению ценностей; один к свободе, а другой к рабству; один к миру, другой к завоеваниям. С его точки зрения, данные противоречия незаметно приведут к утрате устойчивости правопорядка в государстве [3, с. 177].

В представлении английского философа и экономиста Джона Милля (1806–1878) для установления прочного правопорядка в обществе необходимо соблюдение следующих трех условий:

- создание гармоничной системы воспитания;
- наличие в обществе устойчивых и не подлежащих сомнению ценностей, которые не должны пересматриваться ни при каких переменах (вера в Бога, лояльность к руководителю, монарху; принципы «индивидуальной свободы», политического и социального равенства, важные традиции и др.);
- сильный принцип связи между членами общины или государства, то есть чувство солидарности между теми, кто живет в одних и тех же границах, под одним и тем же управлением.

Таким образом, ретроспективный анализ показывает, что для установления прочного правопорядка помимо эффективного законодательства

необходимо наличие других соответствующих социальных условий — достаточный уровень воспитания, общей и правовой культуры населения, действенность сложившихся традиций и обычаев. Следует отметить, что социальные нормы в отличие от правовых обладают значительно большей подвижностью и неопределенностью.

Важным опосредованным фактором устойчивости правопорядка выступает процесс социализации личности несовершеннолетних, в том числе правовой. В целом в Беларуси большая часть несовершеннолетних проходит социализацию успешно. Подтверждением этого является устойчивое снижение подростковой преступности. Так, например, по данным МВД Республики Беларусь детская преступность снизилась за последние 10 лет, начиная с 2015 года, в два раза, не считая преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков и незаконным оборотом банковских платежных карточек [4]. Наряду с этим вызывает озабоченность эмоциональное неблагополучие во многих семьях, что является одной из главных причин расторжения браков. Данная тенденция получила распространение на значительную часть развитых стран (70–75% разводов). Конфликты между родителями, их жесткие, импульсивные и непоследовательные требования к детям зачастую приводят к формированию у них психических аномалий, таких как неврозы, акцентуации характера, психопатии, различные аддикции. Психические аномалии могут выступать опосредованными криминогенными факторами. В целом деформации личности в процессе социализации часто обуславливают девиантное и делинквентное поведение.

Негативные последствия неуспешной социализации могут выступать в виде таких энтропийных явлений, как распространенность школьного буллинга, нецензурной лексики, моббинга, правового нигилизма, снижения в обществе эмпатии и альтруистического поведения, хулиганства, коррупционных устремлений, мелких правонарушений. К мелким правонарушениям относят: выбрасывание мусора в неустановленных местах, публичное распевание неприличных песен, появление в неприличном виде в общественных местах, безбилетный проезд в общественном транспорте, слушание громкой музыки, граффити, попрошайничество, некорректное поведение болельщиков на спортивных матчах, запуск петард и фейерверков в неустановленное время и место, прыжки через турникет в метро и др. Непресечение уполномоченными лицами

данных правонарушений ориентирует индивидов на массовое совершение аналогичных или более серьезных проступков и даже преступлений. В этой связи американскими социологами Д. Келлингом и Д. Уилсоном была разработана криминологическая теория (1982), рассматривающая мелкие правонарушения как активный фактор преступности в целом.

Существенным социальным фактором профилактики энтропии является наведение порядка в среде жизнедеятельности людей: наличие на улицах достаточного количества урн для мусора и общественных туалетов, парковок для велосипедов, содержание в надлежащем виде подъездов, интенсивное озеленение городов и сельских населенных пунктов, приближение природной биологической среды к городским условиям, создание новых скверов и парковых зон и т.п.

В отличие от действия иных социальных норм, правовое регулирование характеризуется значительной эффективностью и определенностью. Так, например, в Беларуси успешно решили проблему распития алкогольных и слабоалкогольных напитков и пива в общественных местах введением в 2010 году соответствующей административной ответственности [5]. Анализ динамики потребления ликероводочных изделий на душу населения по территории Республики Беларусь показывает, что по итогам 2023 года на одного жителя пришлось 12,1 литров. Это на 7% меньше, чем 10 лет назад, когда потребление составляло 13 литров. За этот же период на 40% сократилось потребление виноградных и плодовых вин с 18 литров до 11 литров в год. В то же время за последние 10 лет потребление коньяков увеличилось на 140%, с 0,5 до 1,2 литра в год. Потребление пива за 10 лет сохраняется на прежнем уровне и составляет 49,7 литров на человека в год [6]. Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что потребление алкогольных напитков в стране сохраняется в достаточно высокой степени.

В то же время это говорит о значительном перемещении употребления алкоголя из общественных мест в жилые помещения, что создает риски для увеличения количества бытовых конфликтов и домашнего насилия. Так, например, по данным Следственного комитета Республики Беларусь ежегодно за помощью от домашнего насилия в правоохранительные органы обращаются более 10 тысяч пострадавших, из них 90% — женщины. В стране функционирует 136 кризисных комнат. На профилактическом учете состоит около 14 тысяч

граждан [7]. Нередко семейные конфликты заканчиваются нанесением тяжких телесных повреждений. Также известно, что большинство убийств происходит именно на семейно-бытовой почве.

Рассмотренные аспекты семейного неблагополучия, неуспешной социализации несовершеннолетних подводят к осознанию насущной необходимости усиления в жизнедеятельности общества таких социальных факторов, как активное приобщение граждан к общей и правовой культуре, возрождение и закрепление белорусских традиций и обычаев, ориентацию широких слоев населения на здоровый образ жизни и организацию содержательного досуга, расширение в системе образования духовно-нравственного компонента.

В контексте права и правовой реальности термин «энтропия» часто используется для отражения уровня неопределенности в законе или в правовой системе, а также обозначения последствий непродуманных юридических решений. Примером в данном случае может служить объявленная Указом Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года амнистия [8]. Эта амнистия стала самой крупной за всю историю СССР — было освобождено около 1 300 000 человек. Согласно Указу Министерства юстиции было поручено в месячный срок внести в Совет Министров СССР предложения по изменению уголовного законодательства, направленного на замену уголовной ответственности за некоторые бытовые, должностные и хозяйственные правонарушения на административную или дисциплинарную ответственность. Вместе с тем в силу большой организационной поспешности и масштабности амнистии были допущены серьезные просчеты и в результате среди амнистированных на свободе оказалось немало закоренелых и неисправимых уголовников, причастных к бандитизму, умышленным убийствам и другим тяжким преступлениям. Также оказались плохо проработанными многие другие организационные вопросы: транспортировка, трудовое и бытовое устройство. Последствием стало резкое увеличение в стране опасных криминальных проявлений: хулиганство, убийства, изнасилования, разбойные нападения, бандитизм. Резко увеличилось количество краж, активизировались «карманники». Особенно большое распространение получило хулиганство, зачастую связанное с применением холодного оружия. Наряду с этим произошел сильнейший всплеск криминальной субкультуры — воровской жаргон, татуировки, стиль поведения. Правопорядок в стране оказался под значительной

угрозой. В дальнейшем властям и правоохранительным органам пришлось приложить много усилий для стабилизации общественного порядка.

Значительные риски для устойчивости правопорядка представляет энтропия в переходные периоды, а именно в состоянии общества в виде социальной аномии. Впервые теорию социальной аномии разработал Э. Дюркгейм как рассогласование ценностно-нормативных основ общества. По его замыслу, данная теория объясняла формы девиантного поведения в обществе. Позже эту теорию развил другой классик социологии Р. Мертон, в частности, считающий, что в условиях аномии возникает дисфункция социальных институтов, которая может стать источником социальных перемен. По их мнению, социальная аномия присуща обществам в переходном состоянии, которые при этом испытывают снижение или даже утрату значимости прежних социокультурных ценностей и норм. Индикаторами аномии являются социальный хаос, резкое снижение предсказуемости (определенности) во времени различных социальных явлений и процессов, рост преступности и самоубийств, возрастание приоритетности материальных предпочтений перед духовно-нравственными и др. Быстрые и лавинообразные изменения в переходный период в социальной, экономической и политической сферах лишают человека осознанности и целеполагания, затрудняют его ориентацию в разряженном социальном пространстве. При этом девальвируются ограничивающие нравственные рамки, их замещает вседозволенность.

Функциональным примером глобальной аномии является распад СССР и последующий переходный период от общественно-политического и экономического устройства в советском государстве к принципиально иному. Российские ученые (Н.Н. Мещерякова, Ж.Т. Тощенко) считают проявлениями аномичного состояния общества правовой нигилизм, переосмысление, парадоксальность, апатию, усложнение идентичности [9, с. 4]. Также события в 90-х годах XX века на постсоветском пространстве свидетельствуют о резком всплеске преступности, включая окончательную сформированность организованной преступности, широкую распространенность коррупционного поведения.

В переходный период, часто характеризующийся отсутствием равновесия в обществе, у многих людей нивелируются представления о различиях между возможным и недопустимым, справедливостью и несправедливостью,

законностью и беззаконием, что в значительной степени разогревает энтропийные процессы (В. Бачинин). Возникновение рыночных отношений привело к существенному замещению духовно-нравственных ценностей материальным потреблением. При этом значительная часть населения прежде всего старшего возраста, особенно в Беларуси и ряде других стран СНГ, не приняла рыночные стандарты и ценности и личностно осталась на социалистических позициях.

В условиях аномии разрушается нормативная среда, которая регулирует социальные взаимодействия. Так, альтруистическое поведение подменяется эгоизмом, стремлением к материальному накоплению, усиливаются частнособственнические устремления и социальное расслоение. Появляется прослойка людей «нового склада», прежде всего имеющих большой отрыв в материальном достатке, с устойчивым мотивом превосходства, что способствует расширению коррупционного поведения. На личностном уровне аномийные явления проявляются в виде замкнутости, отчуждения личности, недоверия, обособленности и др. В период аномии могут формироваться неофициальные правила взаимодействия людей часто с оттенком криминальной субкультуры: ты мне — я тебе; рука руку моет; не подмажешь — не поедешь; в сложных юридических ситуациях обращаться к представителям криминальной среды — «решалам» и т.п.

Недостаточная сформированность в переходный период системы правовой регуляции может порождать следующие негативные явления: теневая приватизация; теневые доходы, в том числе, теневая зарплата и неофициальные выплаты; теневая занятость; нецелевое использование бюджетных средств; теневые экспортно-импортные операции (занижение или завышение стоимости произведенного продукта); коррупция; теневой отток капитала и др.

Заключение. Правопорядок понимают как состояние упорядоченных общественных отношений, базирующихся на праве и законности. Правовой порядок возникает в результате действия механизма реализации права. Наряду с этим обеспечение устойчивого правопорядка, который является частью общественного порядка, невозможно осуществить только правовыми средствами, поскольку неуклонное исполнение правовых норм должностными лицами и гражданами в значительной мере обусловлено уровнем их общей и правовой культуры, системой воспитания и социализации, следованием традициям

и духовно-нравственным ценностям, присущим конкретному обществу. Недооценка значимости взаимодействия социальных и правовых факторов в установлении правопорядка создает риски и угрозы со стороны энтропийных процессов для его устойчивости. Для противодействия энтропии в сфере правопорядка могут использоваться следующие социальные средства:

- укрепление и культивирование в обществе традиций и обычаев белорусского народа (поощрение альтруистического поведения, волонтерского движения, взаимопомощи, наведение порядка на земле и в целом в окружающей социальной среде и др.);

- повышение действенности в обществе моральных санкций (осуждение и решительное пресечение нецензурной лексики, криминального жаргона и поведения; запрет на трансляцию фильмов, пропагандирующих насилие, ужасы, конфликты, экстремизм и терроризм;

- активное вовлечение в общественную жизнь и воспитание подрастающего поколения в религиозных организациях;

- усиление в жизнедеятельности общества духовно-нравственного потенциала с одновременным снижением значимости материального компонента;

- повышение культурного уровня населения путем, например, включения в правила проезда в общественном транспорте предоставления мест для сидения лицам пожилого возраста и инвалидам, беременным; привитие у молодежи чувства уважения к людям зрелого возраста, родителям; укрепление семейных ценностей и т.п.;

Профилактика энтропии правовыми средствами может включать следующие мероприятия:

- законодательная деятельность должна оперативно и гибко реагировать на новые процессы в жизнедеятельности общества, адекватно отвечать на вызовы и риски социальной реальности (киберпреступность, внедрение искусственного интеллекта, проявления экстремизма и терроризма, дефицит трудовых ресурсов, экологические и техногенные риски и др.);

- воспитательная деятельность в сфере права должна быть ориентирована на формирование у всех граждан глубокого убеждения в том, что правопорядок и законность являются основой жизнедеятельности общества;

- неуклонное пресечение должностными и уполномоченными лицами мелких правонарушений как возможного источника в дальнейшем криминальных преступлений;

- повышение уровня правовой культуры населения на основе правовой идеологии и психологии, правового воспитания;
- широкое вовлечение граждан в активную правовую жизнь общества;
- обеспечение эффективности системы социального контроля.

Литература

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь: [сайт]. – Минск, 2025. — URL: <http://belstat.gov.by> (дата обращения: 12.05.2025). — Текст: электронный.
2. Павлова, Ю.В. Правовая энтропия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Павлова Юлия Владимировна. — Владимир, 2004. — 22 с.
3. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права: педагогические сочинения: в 2 т. / Ж.-Ж. Руссо; под ред. Г.Н. Джибладзе. — М.: Педагогика, 1981. — Т. 2. — 336 с.
4. Преступность несовершеннолетних. — URL: sputnik.by–20250317/mvd–v–belarusi–v–2024–godu (дата обращения: 12.05.2025). — Текст: электронный.
5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях 6 января 2021 г. N 91-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.07.2025 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 21.07.2025). — Текст: электронный.
6. Эволюция алкогольного рынка Беларуси /ibmedia. by. ООО «ЮрСпектр» (дата обращения: 13.05.2025). — Текст: электронный.
7. Ежегодно в милицию обращается более 10 тыс. пострадавших от домашнего насилия / Минск — новости. Minsk news. by Радио — Минск // Интервью официального представителя Следственного комитета Республики Беларусь Александра Суходольского (дата обращения: 13.05.2025). — Текст: электронный.
8. Об амнистии: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 06.05.2025). — Текст: электронный.
9. Мещерякова, Н.Н. Особенности аномии в современном российском обществе: синергетический подход: автореф. дис... д-ра социол. наук: 22.00.01 / Мещерякова Наталья Николаева. — Москва, 2015. — 46 с.

Поступила в редакцию 28.07.2025

УДК 519.876.3:658.155:69

Развитие методов сетевого планирования и управления в приложении к анализу денежных потоков подрядчика в сфере строительства

Богатырёва В.В.¹, Костюкова С.Н.¹, Капусто А.В.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Белорусский государственный университет

В Проекте Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года разработана новая парадигма развития жилищного строительства, которая определяет задачи строительной отрасли в области создания инфраструктуры высокой комфортности жизни. «Стратегической целью развития жилищного строительства является обеспечение граждан качественным и доступным жильем с учетом их предпочтений и потенциала строительного комплекса» [1].

Цель статьи – изложить результаты исследования в приложении методов сетевого планирования и управления к анализу денежных потоков подрядчика и сроков их поступления от заказчика в сфере строительства.

Материал и методы. Материалом исследования послужили законодательные акты Республики Беларусь в области строительной деятельности, статистические данные показателей деятельности строительных организаций, планы и графики производства строительно-монтажных работ типовых объектов недвижимости. Методологическая основа работы: экономико-математическое моделирование, методы сетевого планирования и управления, сравнительный анализ, синтез.

Результаты и их обсуждение. В статье на примере реализации проекта по строительству одноэтажного каркасного коттеджа продемонстрированы возможности применения методов сетевого планирования и управления в сфере строительства. А именно, на основе технологической цепочки проекта построен сетевой график и определены временные параметры работ; исходя из сметной стоимости объекта рассчитана стоимость каждой из работ; определены сроки поступления денежных потоков от заказчика в зависимости от способа оплаты, зафиксированного в договоре (по факту выполненных работ и с отсрочкой платежа); наглядно продемонстрированы сроки выполнения строительно-монтажных работ и потоки платежей в привязке к выбранной временной шкале.

Заключение. Результаты данного исследования позволят подрядчику оценить наличие доступных собственных денежных средств и возможности привлечения заемного капитала как для реализации указанного проекта, так и для возможности заключения новых договоров подряда в будущем.

Ключевые слова: жилищное строительство, моделирование, сетевое планирование и управление, стоимость объекта, заказчик, подрядчик, анализ денежных потоков.

Development of Network Planning and Management Methods in the Application to the Analysis of the Contractor Cash Flows in the Sphere of Construction

Bogatyreva V.V.¹, Kostiukova S.N.¹, Kapusto A.V.²

¹Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

²Belarusian State University

The Draft National Strategy for Sustainable Development of the Republic of Belarus for the period up to 2040 has developed a new paradigm for the development of housing construction, which identifies the tasks of the construction industry in the field of creating a high-comfort infrastructure for living. "The strategic goal of the development of housing construction is to provide citizens with high-quality and affordable housing, taking into account their preferences and the potential of the construction complex" [1].

The purpose of the article is to present the results of the study in the application of network planning and management methods to the analysis of the contractor's cash flows and the timing of their receipt from the customer in the construction sector.

Material and methods. *The research material was legal acts of the Republic of Belarus in the field of construction sphere, statistics of construction companies, plans of construction and installation works of the standard real estate property. Economic and mathematical modeling, network planning and management methods, comparative analysis and synthesis were used.*

Findings and their discussion. *The article demonstrates the possibilities of applying network planning and management methods in the construction industry using the example of a design for the construction of a one-story frame cottage. Namely, based on the technological chain of the design, a network schedule is built and time parameters of work are identified; based on the estimated cost of the object, the cost of each type of the work is calculated; the timing of receipt of cash flows from the customer is determined depending on the payment method specified in the contract (upon the fact of work performed and with deferred payment); the timing of construction and installation works and payment flows in relation to the selected time scale are clearly demonstrated.*

Conclusion. *The results of the study will allow the contractor to assess the accessibility of available own funds and the possibility of attracting borrowed capital both for the implementation of the specified project and for the possibility of concluding new contracts in the future.*

Key words: *housing construction, modeling, network planning and management, object cost, customer, contractor, cash flow analysis.*

Сфера строительства является важной составляющей компонентой в обеспечении устойчивого и динамичного развития экономики страны. В Проекте Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года перед данной отраслью поставлены задачи, направленные на достижение установленных стратегических целей. В области строительства промышленных объектов — это строительство комплекса по производству поликарбоната и нового производства АБС-пластиков, а также строительство цифровых подстанций и других новых производственных объектов. «Стратегическая цель социальной политики — повышение качества человеческого потенциала с достижением высоких стандартов жизни путем развития новых профессиональных компетенций и обеспечения достойных доходов населения, формирования современной инфраструктуры жизнедеятельности, включая ее интеллектуализацию» [1].

Статья является результатом научного исследования в области приложений экономико-математического моделирования к решению задач планирования и оценки финансовых потоков в сфере строительства.

В данном случае речь идет о возможностях и особенностях использования моделей и методов сетевого планирования и управления (СПУ). В частности, выявлены особенности, ограничивающие потенциал классических оптимизационных моделей сетевого планирования и управления в их применении к решению задач о сокращении сроков строительства за счет привлечения дополнительных вложений. Вместе с тем в работе наглядно продемонстрировано использование сетевого графика проекта и его расчетных характеристик для планирования денежных потоков и сроков их поступления от заказчика в зависимости от способа оплаты, зафиксированного в договоре.

Цель статьи — изложить результаты исследования в приложении методов сетевого планирования и управления к анализу денежных потоков подрядчика и сроков их поступления от заказчика в сфере строительства.

Задачи:

- раскрыть базовые понятия теории и очертить спектр классических моделей оптимизационных задач, решаемых методами СПУ;
- на примере строительства типового объекта жилой недвижимости продемонстрировать

возможности СПУ в планировании последовательности выполнения работ и расчетах срока выполнения как проекта в целом, так и отдельных работ;

– показать практическое применение СПУ к анализу денежных потоков подрядчика и сроков поступления от заказчика в сфере строительства.

Материал и методы. Материалом исследования послужили законодательные акты Республики Беларусь в области строительной деятельности, статистические данные показателей деятельности строительных организаций, планы и графики производства строительно-монтажных работ типовых объектов недвижимости.

Планирование процесса строительства объекта и оценка поступающих финансовых потоков по срокам и объемам являются необходимыми составляющими принятия решения о целесообразности заключения договора подряда для каждой строительной организации. Всесторонний анализ, позволяющий учесть собственные возможности, доступность заемного капитала, наличие и потребности в привлечении субподрядных организаций, реальные сроки поступления оплаты на всех этапах строительства, позволит выработать обоснованное заключение о привлекательности проекта, скоординировать действия по использованию собственных и заемных средств, передаче отдельных видов работ сторонним организациям.

Для проведения подобного рода анализа можно предложить моделирование с привлечением методов сетевого планирования и управления [2].

Классический подход к использованию моделирования с привлечением сетевого планирования и управления процесса предполагает несколько последовательных этапов. На первом этапе выполняется построение сетевого графика или линейной диаграммы Ганта. На втором этапе производится расчет критического пути (срока выполнения проекта) и промежуточных числовых характеристик по выполнению отдельных работ. На третьем этапе, в случае отсутствия дополнительных условий по срокам и ресурсам, составляется календарный график привлечения конкретных исполнителей к проведению отдельных работ проекта; в случае наличия определенных ограничений или специальных требований по сокращению сроков или вложению средств, строится оптимизационная модель и на основе выполненной оптимизации, обеспечивается реализация дополнительных условий при составлении календарного графика выполнения проекта.

В ряде научных исследований затрагивался вопрос о возможностях приложения сетевого планирования и управления к решению прикладных задач [3–5].

Остановимся на возможности использования СПУ в сфере строительства. В современных условиях, когда подрядчик вынужден вести строительство за собственные средства, в условиях отсрочки платежей заказчиком за выполненный объем работ, при ограниченных возможностях использования заемного капитала, а также учитывая распространенную практику привлечения субподрядчиков для выполнения отдельных работ, возникает необходимость не только в обычном календарном планировании процесса строительства, но и в оценке привлекательности выполнения проекта для подрядчика с учетом своих возможностей и обязательств заказчика [6–9].

Методы СПУ позволяют построить различные сценарии реализации проекта и определиться с принятием решения о целесообразности заключения договора.

Результаты и их обсуждение. С математической точки зрения сетевой график представляет собой ориентированный граф без петель и контуров, где множество вершин соответствует событиям, а множество дуг — работам.

Под работой понимают любой процесс, происходящий во времени. Все работы можно разделить на действительные, ожидания и фиктивные. Событие — это результат выполнения работ в него входящих, не имеет продолжительности и не потребляет ресурсов.

Рассмотрим описание последовательности работ при реализации типового одноэтажного каркасного коттеджа (таблица 1).

Сетевой график строительства объекта представлен на рисунке 1. Упорядочение вершин выполнено по алгоритму Фалкерсона. Для удобства при проведении расчетов числовых характеристик работ после построения сетевого графика принято использовать идентификаторы (i, j) , где i — номер начального события, j — номер конечного события.

К основным параметрам сетевого графика относятся: продолжительность выполнения всего проекта, времена свершения событий, сроки выполнения отдельных работ и их резервы времени.

Обозначим продолжительность выполнения работы (i, j) через t_{ij} .

Ранний срок $t_p(j)$ свершения события j — это самый ранний момент, к которому завершаются все работы, предшествующие этому событию.

Таблица 1 — Технологическая цепочка строительства одноэтажного каркасного коттеджа

Работа	Содержание работы	Предшествующие работы
A1	Разметка на местности (разбивка осей фундамента)	–
A2	Рытье котлованов под фундаменты	A1
A3	Устройство фундаментов	A2
A4	Возведение стен и перегородок	A3
A5	Устройство кровли (стропильная система, покрытие)	A4
A6	Первичная стяжка полов	A5
A7	Установка окон, дверей	A5
A8	Устройство инженерных сетей (водопровод, канализация, отопление, электропроводка, освещение)	A6
A9	Наружная отделка фасада (оштукатуривание, окраска, сайдинг)	A7
A10	Устройство потолков	A7, A8
A11	Отделочные работы (полы, стены, обои, окраска)	A10
A12	Сдача готового объекта заказчику	A9, A11

Примечание. Собственная разработка.

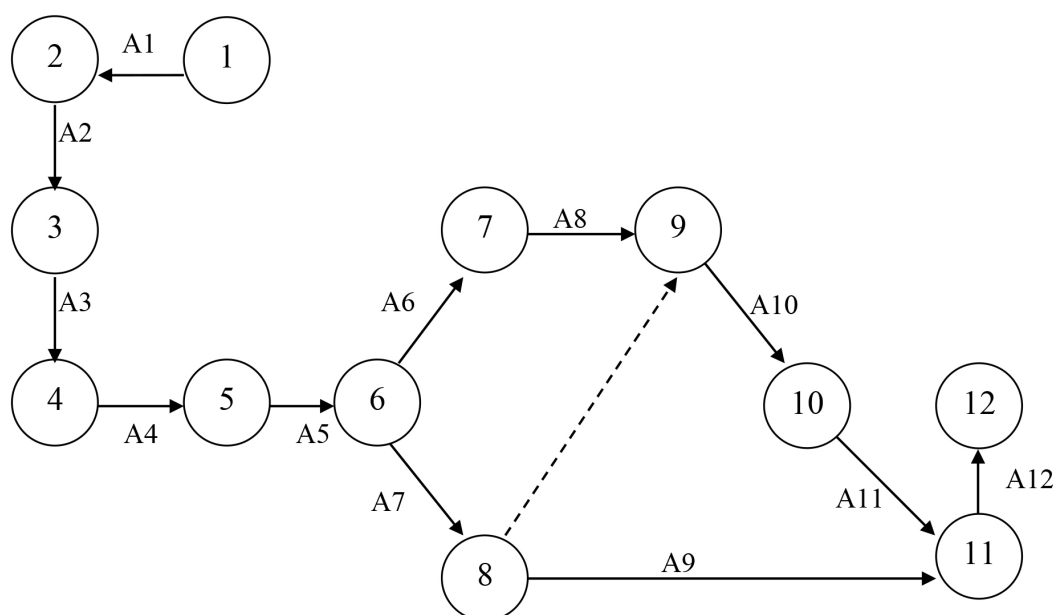

Рисунок 1 — Сетевой график проекта

Примечание. Собственная разработка.

Поздний срок $t_n(i)$ свершения события i — это самый поздний момент времени, после которого остается ровно столько времени, сколько необходимо для выполнения всех работ, следующих за этим событием. Для завершающего события N предполагается, что $t_n(N) = t_p(N) = t_{kp}$. Резерв времени $R(i)$ события i показывает, на какой предельно допустимый срок может задержаться свершение события i без нарушения срока наступления завершающего события: $R(i) = t_n(i) - t_p(i)$.

Ранний срок начала работы (i, j) — ранний срок свершения начального события данной работы, т.е. $t_{p.n.}(i, j) = t_p(i)$, тогда ранний срок окончания $t_{p.o.}(i, j)$ работы (i, j) есть сумма раннего срока свершения начального события и продолжительности работы. Поздний срок окончания работы (i, j) — поздний срок свершения конечного события данной работы, т.е. $t_{n.o.}(i, j) = t_n(j)$, в свою очередь поздний срок начала $t_{n.n.}(i, j)$ работы (i, j) представляет собой разность позднего

Таблица 2 – Сметная стоимость объекта

Показатель	Сумма, руб.
Сырье и материалы (М)	40000
Заработная плата	20000
Отчисления от заработной платы	7000
Эксплуатация машин и механизмов (ЭМ)	23500
Общепроизводственные и общехозяйственные расходы (78,64 % от ЗП)	15720,8
Итого полная себестоимость	106220,8
Плановая прибыль (70,75 % от ЗП)	14150
Сметная стоимость строительства объекта	120370,8

Примечание. Собственная разработка.

срока свершения конечного события и продолжительности работы.

Максимальный запас времени, на которое можно задержать начало работы или увеличить ее продолжительность при условии, что весь комплекс работ будет завершён в критический срок — полный резерв времени $R_n(i, j)$ работы (i, j) . Максимальный запас времени, на которое можно отсрочить или (если она началась в свой ранний срок) увеличить ее продолжительность при условии, что не нарушаются ранние сроки начала всех последующих работ — свободный резерв времени $R_c(i, j)$ работы (i, j) .

Вместе с тем, если каждая из работ сетевого графика имеет в качестве первоначальной характеристики только продолжительность выполнения, которую определяет подрядчик, то в итоге срок реализации проекта будет определен однозначно. Анализируя перечень дополнительных характеристик работ, можно сделать вывод, что при смещении сроков начала работ, не лежащих на критическом пути, подрядчик, в определенной мере, может построить календарный план, учитывая доступность собственных трудовых ресурсов, исходя из сопоставления с загруженностью по другим проектам. Однако, если требуется изменить продолжительность какой-либо работы за пределами вычисленных указанных резервов времени или передвинуть сроки начала, то в обязательном порядке потребуется пересчет как критического срока реализации проекта, так и всех остальных характеристик работ.

Рассмотрим практическое применение СПУ при принятии решения подрядчиком о целесообразности заключения договора подряда с заказчиком.

Договор подряда между заказчиком и подрядчиком заключается в соответствии с законодательством Республики Беларусь [10; 11]. Согласно договору, одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику в установленный срок, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его (уплатить цену работы).

Основными существенными условиями договора строительного подряда являются объем (состав) работ, цена и срок их выполнения.

Предположим, заказчик желает построить одноэтажный каркасный коттедж площадью до 120 м² в Минской области (далее — объект). Сметная стоимость рассматриваемого объекта представлена в таблице 2.

Детализация сроков выполнения работ и стоимость каждой работы представлены в таблице 3.

Детализация стоимости работ строительства объекта в разрезе статей затрат представлена в таблице 4.

В таблице 5 представлены временные параметры работ объекта согласно графику производства работ.

Срок строительства объекта составит 32 недели, критическими работами, в обозначениях через идентификаторы, являются (1,2), (2,3), (3,4), (4,5), (5,6), (6,7), (7,9), (9,10), (10,11) и (11,12), в исходных обозначениях — А1, А2, А3, А4, А5, А6, А8, А10, А11, А12. Только две работы А7 и А9 не лежат на критическом пути и имеют резервы времени. У работы А7 полный резерв составляет 6 недель, свободного резерва нет; у работы А9 полный и свободный резервы составляют по 6 недель.

Таблица 3 — Технологическая цепочка типового объекта строительства с указанием возможных сроков реализации и стоимости каждой работы

Работа	Идентификация работы по графику	Срок выполнения работ согласно графику производства работ, недель	Стоимость, руб.
A1	(1,2)	1	1422
A2	(2,3)	1	5843,9
A3	(3,4)	4	15687,8
A4	(4,5)	8	49063,4
A5	(5,6)	6	15109,8
A6	(6,7)	4	2422
A7	(6,8)	2	4265,9
A8	(7,9)	4	12609,8
A9	(8,11)	3	3843,9
A10	(9,10)	1	5765,9
A11	(10,11)	2	4339,9
A12	(11,12)	1	0
Итого	—	—	12037,43

Примечание. Собственная разработка.

Таблица 4 — Детализация стоимости работ строительства объекта, руб.

Работа	ЗП	ФСЗН	М	ЭМ	ОПР	ПП	Стоимость
A1	50	17,5	0	0	39,32	35,38	1422
A2	100	35	0	300	78,64	70,75	5843,9
A3	200	70	800	200	157,28	141,5	15687,8
A4	600	210	2000	1200	471,84	424,5	49063,4
A5	250	87,5	500	300	196,6	176,88	15109,8
A6	50	17,5	0	100	393,2	35,38	2422,2
A7	150	52,5	0	0	117,96	106,13	4265,9
A8	250	87,5	300	250	196,6	176,88	12609,8
A9	100	35	100	0	78,64	70,75	3843,9
A10	150	52,5	150	0	117,96	106,13	5765,9
A11	100	35	150	0	78,64	70,35	4339,9
A12	0	0	0	0	0	0	0
Итого	2000	700	4000	2350	1572,8	1414,63	120374,3

Примечание. Собственная разработка.

Линейная диаграмма Ганта, построенная с привлечением Ms Excel, представлена на рисунке 2.

Таким образом, использование методов СПУ позволило наглядно представить последовательность работ объекта, определить характеристики временных параметров.

Известные математические модели оптимизационных задач СПУ рассматривают вопросы опти-

мизации проекта по времени, оптимизации проекта по стоимости и оптимизации проекта по ресурсам.

Оптимизация проекта по времени, в классической постановке, предполагает использование дополнительных средств. В связи с этим рассматриваются две постановки задачи:

— оптимизация проекта по вложению дополнительных средств при фиксированном сроке выполнения;

Таблица 5 — Временные параметры работ строительства объекта

Работа	Идентификация работы	$t_{p.n.}$	$t_{p.o.}$	$t_{n.n.}$	$t_{n.o.}$	R_n	R_c
A1	(1,2)	0	1	0	1	0	0
A2	(2,3)	1	2	1	2	0	0
A3	(3,4)	2	6	2	6	0	0
A4	(4,5)	6	14	6	14	0	0
A5	(5,6)	14	20	14	20	0	0
A6	(6,7)	20	24	14	24	0	0
A7	(6,8)	20	22	26	28	6	0
A8	(7,9)	24	28	24	28	0	0
A9	(8,11)	22	25	28	31	6	6
A10	(9,10)	28	29	28	29	0	0
A11	(10,11)	29	31	29	31	0	0
A12	(11,12)	31	32	31	32	0	0

Примечание. Собственная разработка.

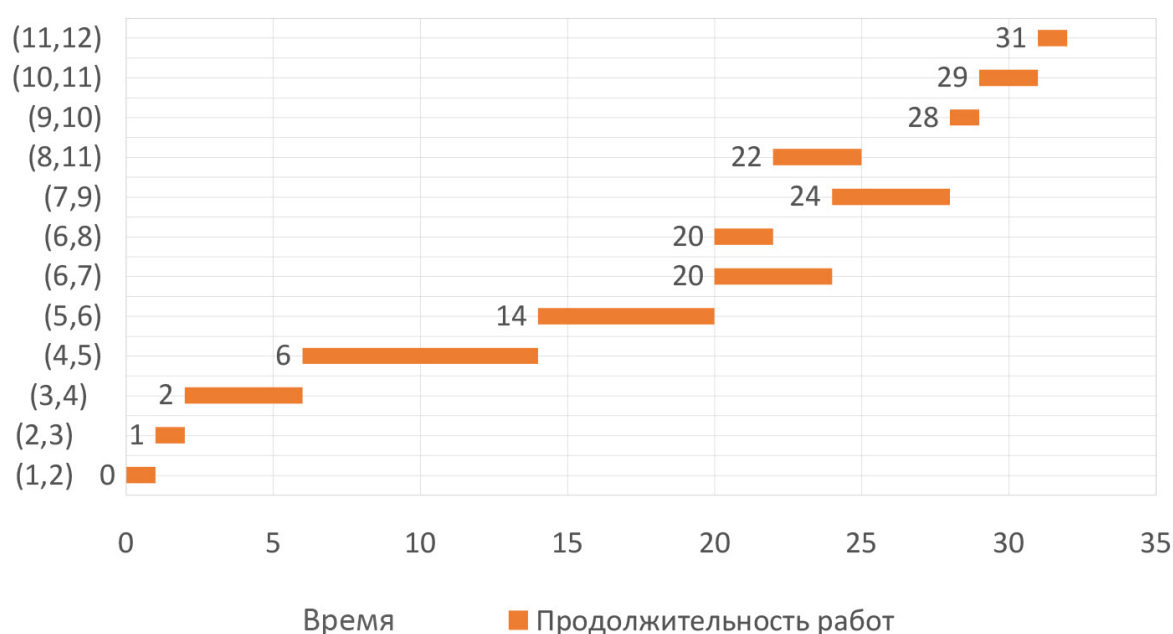

Рисунок 2 — Диаграмма Ганта

Примечание. Собственная разработка.

— оптимизация проекта по времени реализации при ограниченном вложении дополнительных средств.

Первая постановка задачи состоит в определении величины дополнительных вложений x_{ij} в отдельные работы проекта с тем, чтобы общий срок его выполнения не превышал заданной величины t_0 , а суммарный расход дополнительных средств был минимальным. Математическая модель принимает вид:

$$f(\bar{x}) = \sum_{(i,j) \in U} x_{ij} \rightarrow \min;$$

$$t_{i,N}^0 \leq t_o, \quad (i,N) \in U;$$

$$t_{ij}^o - t_{ij}^n \geq d_{ij}, \quad (i,j) \in U;$$

$$t_{ij}^o - t_{ij}^n = t_{ij} - k_{ij} \cdot x_{ij}, \quad (i,j) \in U;$$

$$t_{jr}^n \geq t_{ij}^o, \quad \text{для всех } i,j,r \in E;$$

$$t_{ij}^n \geq 0, \quad t_{ij}^o \geq 0, \quad x_{ij} \geq 0, \quad (i,j) \in U,$$

где x_{ij} — величины дополнительных вложений в соответствующие идентификаторы работы (i, j) проекта; t_{ij} — продолжительности работ; k_{ij} — технологические коэффициенты использования дополнительных средств; d_{ij} — минимально возможное время выполнения работы; t_{ij}^h и t_{ij}^o — время начала и окончания выполнения работ; E — множество событий соответствующего сетевого графика; U — множество работ сетевого графика.

В случае второго варианта постановки задачи требуется сократить срок выполнения проекта на сколько это возможно за счет вложения суммы дополнительных средств, не превышающей некоторой заданной величины P . Время выполнения каждой работы должно быть не меньше минимально возможного времени d_{ij} . Необходимо определить время начала t_{ij}^h и окончания t_{ij}^o каждой работы и величину дополнительных средств x_{ij} , которые нужно выделить на ускорение выполнения работы (i, j) .

Математическая модель задачи следующая:

$$\begin{aligned} t_{kp} &= t_{N-1, N}^0 \rightarrow \min; \\ \sum_{(i, j) \in U} x_{ij} &\leq P; \\ t_{ij}^o - t_{ij}^h &\geq d_{ij}, \quad (i, j) \in U; \\ t_{ij}^o - t_{ij}^h &= t_{ij} - k_{ij} \cdot x_{ij}, \quad (i, j) \in U; \\ t_{jr}^h &\geq t_{ij}^o, \quad \text{для всех } i, j, r \in E; \\ t_{ij}^h &\geq 0, \quad t_{ij}^o \geq 0, \quad x_{ij} \geq 0, \quad (i, j) \in U. \end{aligned}$$

При анализе возможностей использования данных оптимизационных задач для построения модели с целью сокращения срока строительства объекта, возникает закономерный вопрос о средствах для дополнительных вложений. Так как для всех работ определена их сметная стоимость, которая зафиксирована в проектно-сметной документации, то подрядчик, действуя рационально, не будет ускорять темп выполнения работ за свой счет. При наличии свободных трудовых ресурсов он сможет ускорить процесс, привлекая большее количество исполнителей и техники, но, не выходя за рамки, определенные по договору подряда в статье соответствующих расходов на выполнение конкретной работы.

Исходя из вышесказанного, модели оптимизации проекта по стоимости, в их общепринятой постановке, также не могут быть использованы в приложении к задачам планирования в строительной сфере.

Остановимся на математическом моделировании задачи оптимального распределения

ресурсов, которая является одной из важнейших задач планирования. При строительстве объекта к выполнению каждой работы привлекаются определенные специалисты и используются соответствующие материалы, что означает отсутствие потребности в одном и том же виде ресурса в процессе выполнения всех работ. Но если оценить выполнение каждой работы в денежном эквиваленте (стоимость материалов и заработная плата исполнителей), то можно получить задачу по оценке достаточности средств для строительства объекта, решение которой будет основано на анализе и сопоставлении сроков и стоимости проведения работ, наличии свободных средств у подрядчика, сроков поступления средств как по ранее выполненным договорам подряда, так и по текущему.

В данном исследовании рассмотрим вопрос определения сроков поступления средств при расчетах за выполненные работы.

В настоящее время практика расчетов между подрядчиком и заказчиком по реализованным договорам подряда предполагает использование одного из следующих способов оплаты: авансовый, по факту выполненных работ, и с отсрочкой платежа.

В договоре стороны согласовывают порядок сдачи-приемки выполненных строительных работ и порядок расчетов.

Сдача реализованных строительных работ подрядчиком и их приемка заказчиком оформляются путем составления акта сдачи-приемки работ и справки о стоимости выполненных работ и затратах, которые подписываются полномочными представителями сторон.

Акт сдачи-приемки работ и справку о стоимости выполненных работ и затратах заказчик обязан рассмотреть в срок, не превышающий 5 (пяти) дней с момента получения указанных документов от подрядчика. При отказе от подписания акта сдачи-приемки работ и справки о стоимости выполненных работ и затратах делается отметка об этом с указанием обоснованных причин и мотивов отказа от приемки работ.

При несогласии с данными, отраженными в представленных документах, заказчик возвращает их с мотивированным отказом в письменной форме в указанный срок. В этом случае подрядчик обеспечивает предъявление заказчику документов для оплаты стоимости выполненных строительных работ в той части, которая не оспаривается сторонами, а остальная часть подлежит оплате после урегулирования разногласий.

Таблица 6 – Даты поступления оплаты работ заказчиком при способах оплаты по факту выполненных работ и с отсрочкой платежа

Неделя с начала строительства	Дата начала недели	Выполняемые работы	Работы, заканчивающиеся к последнему числу текущего месяца	Стоимость работы, руб.	Ожидаемые поступления по способу оплаты по факту выполненных работ	Ожидаемые поступления по способу оплаты с отсрочкой платежа 60 дней
1	1 апреля	A1	A1	1422	–	–
2	8 апреля	A2	A2	5843,9	–	–
3–5	15 апреля	A3	–	–	–	–
6	6 мая	A3	A3	15687,8	–	–
7	13 мая	A4	–	–	–	–
8	20 мая	A4	–	–	7265,90	–
9–11	27 мая	A4	–	–	–	–
12	17 июня	A4	–	–	15687,80	–
13	24 июня	A4	–	–	–	–
14	1 июля	A4	A4	49063,4	–	–
15–19	8 июля	A5	–	–	–	7265,90
20	12 августа	A5	A5	15109,8	–	–
21–22	19 августа	A6,A7	–	–	49063,4	15687,8
22	26 августа	A6,A7	A7	4265,9	–	–
23	2 сентября	A6,A9	–	–	–	–
24	9 сентября	A6, A9	A6	2422	–	–
25	16 сентября	A8, A9	A9	3843,9	19375,7	–
26–27	23 сентября	A8	–	–	–	–
28	07 октября	A8	A8	12609,8	–	–
29	14 октября	A10	A10	5765,9	6265,9	49063,4
30	21 октября	A11	–	–	–	–
31	28 октября	A11	–	4339,9	–	–
32	04 ноября	A12	A12	0	–	–
33–36	18 ноября	–	–	–	18375,7	19375,7
37	9 декабря	–	–	–	–	–
38	16 декабря	–	–	–	4339,9	6265,9
39–42	23 декабря	–	–	–	–	–
43–46	20 января	–	–	–	–	18375,7
47	17 февраля	–	–	–	–	4339,9
Итого	–	–	–	120374,3	120374,3	120374,3

Примечания: 1. Собственная разработка.

2. В данной таблице объединены строки, соответствующие неделям, для которых не изменяется перечень выполняемых работ и поступление денежных средств происходит в ту неделю, которая содержит 20-е число месяца.

Документы, являющиеся основанием для расчетов между сторонами, представляются подрядчиком заказчику не позднее 5-го числа месяца, следующего за отчетным.

Оплата выполненных работ за текущий месяц производится на основании акта выполненных работ и затратах в срок, указанный в договоре. В нашем примере не позднее 15 (пятнадцати) дней после приемки работ в порядке, определенном договором, путем перечисления заказчиком денежной суммы, указанной в названном акте работ и затратах, на р/с подрядчика.

Далее отдельное внимание в данной работе уделим анализу денежных потоков подрядчика и сроков их поступления от заказчика в зависимости от выбранного способа оплаты строительно-монтажных работ.

В настоящее время авансовый вариант проведения платежей на практике встречается крайне редко. Рассмотрим два других случая поступления платежей от заказчика: по факту выполненных работ и с отсрочкой платежа.

Пусть строительство объекта начато 1 апреля (понедельник). В таблице 6 представлены ожидаемые моменты поступления средств при выполнении работ объекта, причем акт выполненных работ должен быть подписан до 5 числа месяца, следующего за отчетным для оплаты до 20 числа следующего месяца, а начало всех работ соответствует раннему сроку, определенному по методу критического пути. Заметим, что поступление денежных средств предполагается в ту неделю, которая содержит 20-е число месяца.

В таблице 6 представлены поступления денежных средств от заказчика по двум способам оплаты: по факту выполненных работ и с отсрочкой платежа 60 дней. При первом способе оплаты подрядчик первый платеж получит до 20 мая, в то время как вся сумма будет выплачена заказчиком за 38 недель. Хотя по договору подряда срок составил 32 недели.

При втором способе за счет отсрочки платежей заказчиком — первое поступление средств подрядчику произойдет до 20 июля на 16-й неделе реализации объекта. В итоге период получения средств от заказчика будет смещен и окончательный расчет произойдет на 47-й неделе.

Это означает, что на протяжении всего периода строительства подрядчику требуется самостоятельно финансировать строительство объекта согласно графику производства работ, что в свою очередь требует эффективного управления денежными потоками: иметь собственные средства

и в случае необходимости привлекать заемный капитал [8].

Заключение. Таким образом, сетевые модели позволяют наглядно представить последовательность выполнения работ, рассчитать сроки начала и окончания работ, детализировать временные промежутки, когда смещение сроков начала и окончания работ не приведет к затягиванию сроков строительства объекта. Вместе с тем классические оптимизационные модели СПУ не адаптированы к специфике деятельности строительной организации, так как сокращение сроков строительства с использованием собственных средств невыгодно подрядчику и не учитывают физическую сущность процессов ведения строительных объектов (одновременное ведение нескольких объектов, выполнение работ по частям, объекты как начинаются, так и заканчиваются в конкретном году).

В данной работе представлено дополнение возможностей классической модели СПУ по оценке сроков выполнения как проекта в целом, так и входящих в него работ, сроками поступления денежных средств за выполненные работы исходя из принятых соглашений заказчиком и выбранного способа оплаты и установленного порядка расчетов.

На основании того, что сроки строительства определены проектно-сметной документацией, закреплены графиком производства работ и при отсутствии форс-мажорных обстоятельств не подвержены смещению, главным вопросом для подрядчика становится организация эффективного управления денежными потоками. В связи с этим возникает потребность в наличии рабочих моделей, позволяющих оценить достаточность собственных средств для начала строительства на период до первого поступления средств от заказчика. На этой стадии строительства потребуется финансирование объекта по определенному перечню выполняемых работ, которое при отсутствии свободных собственных средств повлечет необходимость обращения за заемным капиталом и, в свою очередь, проведение оценки выгоды заемного капитала при условии выплаты процентов по кредиту. Кроме того, потребуется умение делить затраты на переменные и постоянные и выполнять оценку их влияния на финансовые результаты деятельности подрядчика.

Обозначенные выше проблемы определяют направления будущего научного исследования и соответствуют оптимизационным моделям поставленных задач перед строительной отраслью

в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2040 года.

Литература

1. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2040 года // Официальный сайт Министерства экономики Республики Беларусь. — URL: https://economy.gov.by/ru/onpa_minec-ru/view/opublikovan-dlja-obschestvennogo-obsuzhdenija-proekt-nsur-2040-49526/.
2. Сакович, В.А. Исследование операций (детерминированные методы и модели): справ. пособие / В.А. Сакович. — Минск: Выш. шк., 1985. — 256 с.: ил.
3. Шориков, А.Ф. Методика оптимизации инвестиционного проектирования на основе сетевого моделирования и ее приложения / А.Ф. Шориков, Е.В. Буценко // Вестник Пермского университета. — 2015. — Вып. 4(27). — С. 62–70.
4. Баркалов, С.А. Модель оптимального распределения ресурсов при сетевом планировании и управлении / С.А. Баркалов, С.И. Моисеев, А.Ю. Глушков // XIII Всерос. науч.-практ. конф. — Самара, 2020. — С. 13–18.
5. Букалова, А.Ю. Сетевое планирование при автодорожном строительстве / А.Ю. Букалова, Г.Э. Букалов // Инженерный вестник Дона. — 2019. — № 6. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevoe-planirovanie-pri-avtodorozhnom-stroitelstve/viewer>. (дата обращения: 17.05.2025).
6. Богатырёва, В.В. Управление конкурентоспособностью строительных организаций: сущность, направления совершенствования, зарубежный опыт / В.В. Богатырёва, С.Н. Костюкова // Российский экономический интернет-журнал. — 2016. — № 4. — С. 1–19.
7. Костюкова, С.Н. Методологические основы оценки эффективности деятельности строительной организации / С.Н. Костюкова, О.С. Голубова. — Минск: БНТУ, 2019. — 220 с.
8. Капусто, А.В. Методика оценки капитала строительной организации для реализации проекта / А.В. Капусто, С.Н. Костюкова, Н.А. Пашкевич // Журнал Белорусского государственного университета. Серия: Экономика. — 2022. — № 2. — С. 43–52.
9. Капусто, А.В. Финансовое планирование деятельности подрядчика в условиях неопределенности / А.В. Капусто, С.Н. Костюкова // Новая экономика: науч.-теор., науч.-практ., науч.-метод. журнал. — 2021. — № 2. — С. 61–66.
10. Гражданский кодекс Республики Беларусь. Статья 696. — Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения 15.05.2025).
11. Кодекс Республики Беларусь об архитектурной, градостроительной и строительной деятельности: утв. 17 июля 2023 г. № 289-З — URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk230028> (дата обращения: 25.05.2025).

Поступила в редакцию 22.07.2025

Some Theoretical and Methodological Problems of Cost Management Efficiency Assessment

Wang Jianbo

Education Establishment "Belarusian National Technical University"

In scientific literature, as well as in international practice, the dominant approach is that the cost management efficiency assessment is carried out on the basis of the cash flow management efficiency assessment.

The purpose of the work is to identify modern theoretical and methodological problems of cost management efficiency assessment and, on this basis, to develop new approaches to assessing the efficiency of this process.

Material and methods. *The study is based on the methods of critical analysis, system and institutional approaches, deduction and induction methods. The materials are scientific works of Chinese and English-speaking scientists.*

Findings and their discussion. *The most common indicators for assessing the effectiveness of cost management are of narrow-purpose character; they are not universal. As a result of the spread of the strategic approach to cost management, asset turnover, marginal profit, and cost rigidity are usually used to assess the effectiveness of cost management. This approach leads to considering cost management to be identical to financial management. Almost all existing methods leave room for manipulation and distortion of the results of production and economic activity, which, however, is not a violation of the legislation on accounting policy.*

Conclusion. *In order to overcome these shortcomings, the assessment of the effectiveness of cost management should be based not on the assessment of cash flows, but on the achievement (or not) of strategic goals of the company. The object of cost management should be the efficiency of using resources to achieve the set goals.*

Key words: *cost management, strategic management, efficiency assessment, management.*

Некоторые теоретико-методологические проблемы оценки эффективности управления затратами

Ван Цзяньбо

Учреждение образования «Белорусский национальный технический университет»

В научной литературе как и в международной практике доминирует подход, в соответствии с которым оценка эффективности управления затратами осуществляется на основании оценки эффективности управления денежными потоками.

Цель данной работы заключается в выявлении современных теоретико-методологических проблем оценки эффективности управления затратами и на этой основе выработке новых подходов к оценке эффективности данного процесса.

Материал и методы. *Основой исследования послужили методы критического анализа, системный и институциональный подходы, метод дедукции и индукции. В качестве материала выступили научные труды китайских и англоязычных ученых.*

Результаты и их обсуждение. *Наиболее распространенные показатели оценки эффективности управления затратами носят узкоцелевой характер и не являются универсальными. В результате распространения стратегического подхода к управлению затратами для оценки эффективности управления затратами обычно используют оборачиваемость активов, маржинальную прибыль и жесткость затрат. Такой подход приводит к отождествлению управления затратами с финансовым менеджментом. Практически все существующие методы оценки эффективности управления затратами оставляют возможности для манипулирования и искажения результатов производственно-хозяйственной деятельности, что тем не менее не является нарушением законодательства.*

Заключение. *Для того, чтобы преодолеть указанные недостатки, оценка эффективности управления затратами должна базироваться не на оценке денежных потоков, а на достижении (недостижении) стратегических целей фирмы. При этом объектом управления затрат должна выступать эффективность использования ресурсов для достижения поставленных целей.*

Ключевые слова: *управление затратами, стратегическое управление, оценка эффективности, менеджмент.*

Modern cost management theory belongs to management theory, and cost management is traditionally considered as part of enterprise management. As cost management practice develops, taking place against the background of deeper transformations of economic systems

and corresponding changes in management theory, there is a gradual evolution of scientific views on cost management. Adherents of the traditional approach (Yu Jiajia [1], Jiao Yuehua [2], Zhao Wenjing [3]) interpret cost management as cost reduction. As it develops, the traditional approach

is reborn into an optimization approach. Supporters of the optimization approach (Shen Weijun, Shen Shaojun [4], Zilian Li, Qiumei Hu, Jie Huo [5]) also consider the main task of cost management to be their reduction, however, not total, but in individual segments (reduction of irrational costs). In the 1980s, a strategic approach was developed, according to which cost management depends on the business model of the enterprise and the directions of its development. The strategic approach has a large number of supporters: Banker R.D., Mashruwala R., Tripathy A. [6], Purba G.K., Fransisca C., Joshi P.L. [7], Qin Yun [8] and others. Within the framework of the administrative-controlling approach (Wan Xiuhua [9]), cost management is considered as a process of organizing the accounting and control of enterprise costs. This approach is fundamentally different in that cost management is reduced only to reflecting ongoing business processes and achieving established cost indicators, while the definition of these target indicators is taken out of scope.

The administrative-controlling approach is as widespread in scientific literature as the strategic one. But the contexts in which they are used are different. In works on management that study the directions, reasons and motives of enterprise management, the strategic approach dominates. However, in works devoted to the development of specific tools for accounting, analysis and planning of costs, the administrative-controlling approach serves as the methodological basis for the study. And if in the first case cost management is considered as part of the enterprise's business strategy, then in the second case cost management is reduced to the accounting policy of the enterprise (as part of accounting or tax accounting), that is, it does not go beyond the framework of financial management. Until now, in scientific literature (neither Western English-speaking scholars, nor Eastern, in particular Chinese) it has not been possible to logically and scientifically reconcile these two approaches. This is one of the main reasons that have given rise to many theoretical and methodological problems in assessing the effectiveness of cost management. Let us consider them in more detail.

Material and methods. The study is based on the methods of critical analysis, system and institutional approaches, deduction and induction methods. The materials are scientific works of Chinese and English-speaking scientists.

Results and their discussion. Today, in scientific literature, as well as in international practice, the dominant approach is that the assessment

of the effectiveness of cost management is carried out on the basis of the assessment of the effectiveness of cash flow management. In particular, within the framework of one of the most common approaches, the following serve as performance indicators: asset turnover and marginal profit.

If a company adheres to a cost leadership strategy, then it is proposed to use asset turnover operation as the most important indicator [10], "because it shows how well a company uses its resources to achieve operational excellence and, consequently, the level of leadership it practices" [11, p. 51].

For a firm that pursues a differentiation strategy, that is, seeks "to obtain a competitive edge through the special and distinctive qualities of the goods and services that are provided to clients", the profit margin is considered to be an indicator of cost management efficiency [11, p. 51].

This approach to assessing the effectiveness of cost management was formed as a result of the development of a strategic approach to cost management. Its advantages include the development of various indicators for companies with different strategies: for a cost leadership strategy-asset turnover, for a differentiation strategy-marginal profit. The ease of use of these indicators has not least ensured their distribution in assessing the effectiveness of cost management. Moreover, these indicators also reflect the overall financial position of the company (and are not limited exclusively to costs), which allows cost management to be linked to the company's strategy.

However, this approach has a number of disadvantages, the first of which is that it leads to the identification of cost management with financial management. This gives rise to a number of other problems, which will be described below.

Another common metric used to evaluate the effectiveness of cost management is cost stickiness. It can be used in addition to asset turnover and contribution margin. Cost stickiness is defined as the situation where "a company's expenses increase more when its business volume increases than they decrease when its business volume decreases," in other words, "the asymmetric changes in a company's expenses as its business volume increases and decreases" [12, p. 487]. Anderson, Bunker, and Janakiraman first showed that when companies' sales increase by 1%, their expenses increase by 0.55%; however, when their sales decrease by 1%, expenses decrease by only 0.35% [13]. Citing other researchers, Hartlieb and Loy note: "Asymmetric cost behavior has been shown for

a variety of cost categories, including selling, general, and administrative (SG&A) expenses <...>, cost of goods sold (COGS <...>), operating expenses (OC <...>), or labor costs (<...>)" [14, p. 3917].

This phenomenon is often interpreted as negative, since one of the reasons for its occurrence is the agency problem: "managers may engage in self-interested behavior when making decisions about resource allocation" [12, p. 487]. The treatment of cost rigidity as an economic problem of the firm may be acceptable only in a very narrow context, for example, as in the study of Chen et al., which is devoted to studying the effect of "dividend regulation on cost rigidity (i.e., the asymmetric change in the firm's costs between sales growth and decline)" and studying the underlying mechanism [12]. Indeed, when analyzing the agency problem and dividend policy of a listed company, cost rigidity can be used as indirect evidence of opportunistic behavior of managers. It is noteworthy that most studies devoted to the problem of cost rigidity analyze exclusively listed firms.

However, this does not mean that such a phenomenon as cost rigidity is a sign of ineffective cost management. Among the causes of cost rigidity, scientists also highlight adjustment costs (e.g. severance pay to laid-off employees, costs of disposal of unsold goods) [13], underdevelopment of factor markets [15], social protection [16] and protection of human capital [17], management's optimistic expectations, related to the future expansion of the company's activities in the context of industry and (or) macroeconomic growth [18]. As Hartlieb and Loy write, "asymmetric cost behavior might arise because managers make economically rational trade-off decisions and compare the adjustment costs with the holding costs of committed resources" [14, p. 3914].

Thus, theoretically, the phenomenon of cost rigidity can be interpreted as a problem for firms that are primarily focused on the capital market and pay more attention to the interests of shareholders. However, if we take into account that the modern capital market is influenced primarily by the news flow in the media, and not by objective financial and economic indicators, then this problem also largely loses its relevance. From the point of view of managing the capitalization of assets and the image of the company in the stock market, cost rigidity, in our opinion, is not a problem that requires a priority solution. Such assessment mechanisms have been developed and are suitable only for investors (the authors of works on cost rigidity analyze listed

companies [11]). At the same time, however, from the point of view of managing the company's costs as part of strategic development, cost rigidity is an informative indicator that necessarily requires analysis and is subject to management.

In addition to the fact that existing methods of cost management assessment are narrowly targeted and not universal, another problem that can be considered the most serious is the widespread practice of financial reporting manipulation. This problem is caused by the mismatch of economic interests of top managers, investors and large owners of enterprises. Despite the fact that most scientists studying cost management are silent about this problem, there are studies that describe it in great detail. One such study is the work of Kollar "Web Globalization and Its Possible Consequences on the Usage of Different Creative Accounting Techniques" [19].

Referring to Schipper [20], Healy and Wahlen [21], United States Securities and Exchange Commission (SEC) [22], Mulford and Comiskey [23], Kramarova and Valaskova [24] Kollar gives the following definitions of the term "Earnings management", which is actually equated to fraud:

- "purposeful intervention in the external financial reporting process with the intention of obtaining personal gain";
- "managers use judgments and conjectures in financial reporting in a way that allows financial results to be changed to give investors a distorted view of the company's financial situation, or to affect the output of contracts depending on the amount of the reported accounting results";
- "aggressive practice used by listed companies, which involves the application of various forms of fraudulent techniques aimed at distorting a company's real financial results to achieve its own desired objectives";
- "active manipulation of a company's financial results in order to show the company's economic situation in the best possible light" [19, p. 2].

One should agree with Kollar and make a distinction between "earnings management" and "purposeful and legal management". The named author suggests distinguishing 3 categories of earnings management:

- a) black earnings management: "In this case, earnings management is based on the application of such practices and procedures that seek to distort or reduce the transparency of financial statements" [19, p. 2];
- b) grey earnings management: "...earnings management is the choice of accounting method

based on an opportunistic approach (an effort to maximize utility) or an approach based on economic efficiency” [19, p. 2];

c) white earnings management: “Approach based on the flexibility of the accounting method choice, while the level of flexibility allows to indicate information of a private nature about the future cash flows in the company” [19, p. 2].

The following findings from Kollar's work are of interest in this study:

firstly, proof of the existence and description of practices of manipulation and distortion of the results of the production and economic activities of the enterprise using various methods of assessing its financial activities;

secondly, the existence of an extremely wide range of accounting methods and procedures that can be used either to distort financial statements (black earnings management) or to achieve opportunistic goals (grey earnings management), or to improve the quality of financial accounting by taking into account the specifics of an individual company (white earnings management). According to Kollar, “earnings management may also result in an increase or decrease in reported profit, which may be considered harmful, if it contributes to minimizing the value of the business, but may also be considered beneficial, if it allows more information about the business to be obtained in the future” [19, p. 3];

thirdly, even “black earnings management”, which leads to actual distortion of information about the enterprise, as a rule, is not a violation of accounting policies [19, p. 3]. Manipulation of financial statements, unless it involves, for example, “recording fictitious or unrealized sales”, still remains within the framework of accounting rules established by law.

Fourth, there are many different and competing motives for financial reporting manipulation. Kollar, citing Watts, Zimmerman [25] and Monem [26], writes that “companies are more likely to choose revenue-reducing manipulation to reduce political costs, because favorable accounting numbers may attract regulatory intervention” [19, p. 5]. In addition, “Managers are looking for ways to avoid tax obligations by practicing earnings management” [19, p. 5]. However, most of the motives listed by Kollar are directly or indirectly related to the need to maintain the company's image on the stock markets: “achieved profit is lower than was determined by the market on the basis of the forecast of the development of the economic result to avoid a possible fall in stock prices”, “avoid

the negative reaction of investors to the differences between the achieved result of the company and the expected trend of profit development” and others. It is the stock exchanges, according to Kollar and Haw [27], and led to the spread of the practice of earnings management: “In the Chinese economy, earnings management was not practiced to adjust the tax base, but the motive for its implementation was the need to meet the condition regarding the accounting rate of return on equity (ROE), as only those companies that were able to meet the condition of reporting ROE in the range of 10%–11% within three following years, were qualified to perform on the stock exchange” [19, p. 5].

In scientific literature, the problem of financial accounting manipulation is also considered through the concepts of “Real Earnings Management (REM)” and “Accrual-based Earnings Management (AEM)”.

According to Roychowdhury, REM is “departures from normal operational practices, motivated by managers' desire to mislead at least some stakeholders into believing certain financial reporting goals have been met in the normal course of operations” [28, p. 337]. Kollar, mentioned above, is of a similar opinion: “When practicing REM, the company's activities differ from the company's normal activities performed by managers, with the aim of misleading certain interest groups” [19, p. 4]. Xuerong and Li define REM as a neutral action that does not necessarily have a negative context: “REM is manager's purposeful action that deviates from the optimal business practice to alter reported earnings in a particular direction” [29, p. 91].

REM practices are often analyzed through strategic cost management theory. For example, Wu, Gao, and Gu argue: “The firms that follow cost leadership strategy (cost leaders) are more likely to have a higher level of real earnings management. The firms that follow differentiation strategy (differentiators) are less likely to use real earnings management” [30, p. 401].

In contrast to REM, accounting earnings management (AEM) is “earnings management with the use of accounting principles, which is called accounting earnings management” [19, p. 4]. AEM is “based on accruals, the purpose of which is to capture revenue and expenses truthfully in the period in which they are incurred”, while it “does not affect the cash flow of the company” [19, p. 4].

An example of intentional distortion of financial statements may be overstating expenses on depreciation, asset restructuring, formation

of reserve funds, which leads to a decrease in profit indicators. Profit may also be intentionally overstated, for example, by understating reserves for abandoned claims. Reduction of R&D or marketing expenses, accretive share repurchases, classification shifting (“the process of vertical movement of items, ie, shifting expenses from core expenses, such as cost of sold goods, and selling, general and administrative expenses, to special items in order to inflate core earnings”) [31, p. 4334], smooth income stream [32; 14; 33] can also be classified as REM. This is not an exhaustive list of what can be classified as REM. It is important to note that such practices are very dynamic. They are constantly being improved, developed, and take on new and new forms.

In our opinion, the criterion that allows us to clearly determine whether a practiced accounting policy is unfair is whether there is an intention to mislead one of the interested parties: investors (current or potential), the state, tax authorities, etc.

Although REM is often defined as, if not fraud, then at least manipulation with the intent to deceive, REM is not always viewed as a negative phenomenon in the scientific literature. Some researchers simply acknowledge the existence of this practice and study individual aspects of its use. In such studies, for example, the scientific task is often to determine whether the benefits of using REM outweigh the costs associated with its implementation.

Some researchers even prove the usefulness of REM. In particular, within the framework of the efficiency theory of REM (one of the theories designed to explain why managers use REM), it is generally accepted that “firms with a solid financial performance utilise REM to reduce information asymmetry in the capital market, and to signal future economic growth” and “the negative impact of REM is outweighed by the positive benefits derived from information conveyed to the capital markets” [31, p. 4282]. Proponents of the efficiency theory of REM are, for example, Gunny [34] and Zhao, Chen, Zhang, Davis [35]. According to Demski [36], Kirschenheiter and Melumad [37], Raman and Shahrur [38] managers primarily use income smoothing to provide additional private information about future income and cash flows. Moreover, there is the so-called “ethical point of view” [39], as indicated by Habib et al. in their study, according to which “managers perceive REM as more ethical than AEM” [31, p. 4283].

Opportunistic theory of REM [for example, 28; 40] believe that “REM creates information asymmetry

and triggers agency frictions in the form of adverse selection and moral hazard problems” [31, p. 4282]. They highlight such negative consequences of REM as a decrease in the efficiency of the firm, a negative impact on the stock and debt market (precisely due to information asymmetry).

Notable is the “abundance of research on REM in public firms” compared to the fact that only “few studies have examined REM practices in the nonprofit sector and REM practices in private firms,” as noted by Habib et al. [31, p. 4335]. Because of this, an idealized view is formed in the scientific literature, according to which REM, firstly, is not always something unacceptable, since it may be caused by a desire to improve the efficiency of the company, and secondly, even if its negative consequences are recognized, they are most often associated with state-owned firms (i.e. firms that a priori operate outside the framework of the laws of the market economy). Thus, when considering the REM problem, the underlying economic reasons for its occurrence, associated with the consistent development of market forms of management, are taken out of the scope of the subject field of research: competitive struggle (inter-firm and intra-firm), corporatization, the agency problem and stock markets.

Roychoudhury has made the most significant progress in developing methods for identifying and assessing REM. He proposed assessing REM according to 3 criteria:

- abnormal production costs (measured as the ratio of the sum of the cost of goods sold and inventories of the current period to the total assets of the previous period);
- abnormal discretionary expenses (measured as the ratio of discretionary expenses (R&D, advertising and SG&A expenses) in the current period to total assets of the previous period);
- abnormal levels of cash flow from operations (measured as the cash flow from operations in the current period to the total assets of the previous period).

The measures developed by Roychoudhury are valuable in that they can help identify REM. However, they need to be interpreted correctly. For example, “a high ABN_PROD (abnormal production cost—author’s note) value represents REM, given that firms are increasing their production levels to reduce fixed costs per unit to show higher profit margins” [31, p. 4283–4284]. How does this differ from the classic positive effect of scale, used for hundreds of years by companies all over the world? When does a manager’s decision to expand production

become a REM? Obviously, when production is increased without a corresponding increase in sales and goods accumulate in the warehouse. However, in addition to the intention to inflate the profit margin in the reporting period, a manager may be guided by other motives when making such a decision: providing jobs (social motives), planning a quick conquest of new markets, forecasting an increase in demand for goods in the near future (especially seasonal goods), and much more. The same problem arises in relation to assessing the reduction of discrete costs or the level of cash flow from operations.

Choi et al. note that "... it is difficult ... to distinguish opportunistic REM from operational adjustments based on optimal business decisions" [41, p. 2229]. In other words, the calculation itself does not show anything. It is only the first step, requiring subsequent deep analytical work, to the so-called qualitative investigations, which allows us to identify the motives. And since we are talking about the motives of managers, it is often impossible to get a clear answer as to whether this practice is REM, that is, deliberate misrepresentation, or a strategic business decision.

Many scientists are making efforts to further improve the mathematical tools that allow identifying REM. As a rule, the number of criteria used is expanded for this purpose. Gross margin, book-to-market, firm size and its performance are proposed as additional indicators [42], return-on-assets [43] and others.

Despite the variations in the indicators, all of these models operate on the same principle: identifying deviations in a firm's behavior that may be REM based on comparisons with the behavior of other similar firms (with similar sizes and business models) within an industry. This approach cannot be considered reliable. This is also pointed out by Habib et al.: "Cross-sectional models, however, have low explanatory power, because they fail to capture the complexities of the firm-level underlying economics" [31, p. 4284]. Moreover, with this approach, if the REM practice is used by the majority, then it becomes impossible to detect it.

Of particular interest are the methods for combating REM. The first and most obvious among them is administrative, that is, the establishment of clear standards of financial (accounting) reporting. However, based on a large amount of scientific literature analyzed, Habib et al. in their research come to the following, at first glance, paradoxical, conclusion: "Our review of financial reporting and REM do not give a clear indication about whether

reporting standards are effective in constraining managerial opportunism. Although reporting standards aimed at curtailing managerial opportunism is desirable, managers with opportunistic intentions might increase REM which could adversely affect financial reporting quality. Therefore, the trade-off between AEM and REM has received significant research attention" [31, p. 4287]. The authors named further explain their position: "passage of the SOX failed to curb earnings management practices, and an unintended consequence of the SOX¹ is manifested by managers switching to harder-to-detect REM activities" [31, p. 4297–4298]. It is important to note that the adoption of International Financial Reporting Standards (IFRS) also does not fully address this issue: "IFRSs are more detailed, and broader in scope, than many local accounting standards, and are expected to enhance corporate transparency <...>. However, empirical evidence on the impact of IFRS on REM remains mixed" [31, p. 4297–4298].

External auditing has also become a popular tool to address the REM problem. However, as research by Chi et al. shows, an unintended consequence of better auditors has been the shift of American firms from AEM to REM [43]. Alhadab and Clacher found that the presence of high-quality auditors for IPO firms limits manipulation of AEM and REM via ADISX (intraday, historical and comparison charts, technical analysis and trend lines), but carry out manipulation based on sales in order to increase profits at the end of the year: "A divergent trend between increasing sales and the costs associated with increasing sales would be a signal to high-quality auditors that there may be pervasive manipulation going on" [44, p. 445].

Independent board should, labor representation on the board and other formal requirements for the internal mechanism of corporate governance aimed at the participation of various stakeholders in this process can also be used to prevent REM. All these measures are initially aimed at solving the agency problem, and since REM may be a special case of its manifestation, they can also have a positive effect on increasing the transparency of financial reporting.

Conclusion. In order to overcome the above-mentioned shortcomings of existing methods of cost management efficiency assessment (identification of cost management with financial management, manipulation of financial reporting in order

¹ Sarbanes-Oxley Act of 2002. (2002) Sarbanes-Oxley Act of 2002: Conference report (to accompany HR 3763). Washington, DC: US GPO.

to overstate the cost management efficiency indicators), it seems appropriate to assess cost management based on the achievement (non-achievement) of strategic goals and the corresponding tactical objectives of the company. At the same time, the object of cost management assessment is the efficiency of resource use to achieve the set goals.

References

1. Yu Jiajia. Discussion on the application of strategic cost management in group enterprises / Yu Jiajia // *Money China*. — 2024. — June. — Pp. 84–86. DOI:10.19887/j.cnki.cn11-4098/f.2024.18.045 (In Chinese).
2. Jiao Yuehua. On the basic ideas and methods of strategic cost management / Jiao Yuehua, Yuan Tianrong // *Accounting Research*. — 2001. — Vol. 2. — Pp. 40–43 (In Chinese).
3. Zhao Wenjing. Analysis on Strategic Cost Management of Private Small and Medium Enterprises / Zhao Wenjing // *Scientific Management*. — 2024. — Vol. 01. — Pp. 148–150. DOI: 10.19921/j.cnki.1009-2994.2024-01-0148-050 (In Chinese).
4. Shen Weijun. Research on Enterprise Cost Management and Operational Decision-making / Shen Weijun, Shen Shaojun // *China Electronic Commerce*. — 2024. — November (Part 1). — Pp. 16–18 (In Chinese).
5. Zilian Li. Method for Controlling Economic Cost Management in Enterprises Based on Coase Theorem / Zilian Li, Qiumei Hu, Jie Huo // *Security and Communication Networks*. — 2022. — Vol. 5. — P. 12. DOI:10.1155/2022/3913087.
6. Banker, R.D. Does a differentiation strategy lead to more sustainable financial performance than a cost leadership strategy? / R.D. Banker, R. Mashruwala, A. Tripathy // *Management Decision*. — 2014. — Vol. 52(5). — Pp. 872–896. DOI:10.1108/md-05-2013-0282.
7. Purba, G.K. Analyzing earnings management preferences from business strategies / G.K. Purba, C. Fransisca, P.L. Joshi // *Journal of Financial Reporting and Accounting*. — 2022. — Vol. 20(5). — Pp. 979–993. DOI:10.1108/jfra-04-2021-0103.
8. Qin Yun. On the status and role of cost management in enterprise management / Qin Yun // *Heilongjiang Foreign Trade*. — 2010. — 12 (198) (In Chinese).
9. Wan Xiuhua. Analysis of Problems and Countermeasures in Enterprise Cost Management // *Economic Management Garden*. — 2024. — URL: www.cnki.net (data of access: 09.01.2025) (In Chinese).
10. The performance effects of congruence between product competitive strategies and purchasing management design / J.S. David, Y. Hwang, B.K.W. Pei, J.H. Reneau // *Management Science*. — 2002. — Vol. 48(7). — Pp. 866–885. DOI: 10.1287/mnsc.48.7.866.2819.
11. Exploring the interplay of earnings management, business strategy and market competition: the case of Indonesia and South Korea / A.C. Fedora, F.A. Rudiawarni, D. Sulistiawan, A. Gumrah // *Asian Journal of Accounting Research*. — 2025. — Vol. 10(1). — Pp. 45–62. DOI:10.1108/AJAR-01-2024-0005.
12. Dividend regulation and cost stickiness: evidence from a quasi-natural experiment / Liangyin Chen, Jun Huang, Danqi Hu, Xinyuan Chen // *China Accounting and Finance Review*. — 2022. — Vol. 24(4). — Pp. 486–515. DOI: 10.1108/CAFR-08-2022-0092.
13. Anderson, M.C. Are selling, general, and administrative costs 'sticky'? / M.C. Anderson, R.D. Banker, S.N. Janakiraman // *Journal of Accounting Research*. — 2003. — Vol. 41(1). — Pp. 47–63.
14. Hartlieb, S. The impact of cost stickiness on financial reporting: evidence from income smoothing / S. Hartlieb, T.R. Loy. // *Accounting & Finance*. — 2022. — Vol. 62. — Pp. 3913–3950.
15. Gong, Q.H. The development of regional factor market, state holding and cost stickiness / Q.H. Gong, H.L. Liu, H.H. Shen // *China Accounting Review*. — 2010. — Vol. 8(4). — Pp. 431–446 (In Chinese).
16. Jiang, W. The enforcement of the minimum wage policy and firm cost stickiness / W. Jiang, W.T. Yao, Y.M. Hu // *Accounting Research*. — 2016. — Vol. 10. — Pp. 56–62. (In Chinese).
17. Banker, R.D. Employment protection legislation, adjustment costs and cross-country differences in cost behavior / R.D. Banker, D. Byzalov, L.T. Chen // *Journal of Accounting and Economics*. — 2013. — Vol. 55(1). — Pp. 111–127.
18. Liang, S.K. Managers' overconfidence, debt constraints and cost stickiness / S.K. Liang // *Nankai Business Review*. — 2015. — Vol. 18(3). — Pp. 122–131 (In Chinese).
19. Kollar, B. Web Globalization and Its Possible Consequences on the Use of Different Creative Accounting Techniques / B. Kollar // *SHS Web of Conferences*. — 2021. — Vol. 9(2). — Pp. 1–7. DOI:10.1051/shsconf/20219202029.
20. Mahjoub, I. Earnings management: A review of literature / I. Mahjoub, A. Miloudi // *Conference: Euro and the European Banking System: Evolutions and challenges*. — University of IASI, 2015.
21. Healy, P.M. A review of the earnings management literature and its implications for standard setting / P.M. Healy, J.M. Wahlen // *Accounting Horizons*. — 1999. — Vol. 13(4). — URL: <https://ssrn.com/abstract=156445> (data of access 09.01.2025).
22. Mulford, C.H.W. The financial numbers game: Detecting Creative Accounting Practices / C.H.W. Mulford, E.E. Comiskey. — New York: Wiley, 2002. — 416 p.
23. Kramarova, K. Application of chosen fraudulent detection technique in the Slovak business environment / K. Kramarova, K. Valaskova // *SHS Web of Conferences*. — 2020. — Vol. 74. — Pp. 1019.
24. Watts, L.R. Positive accounting theory / L.R. Watts, J.L. Zimmerman. — Pearson, 1986. — 400 p.
25. Monem, R. Earnings management in response to the introduction of Australian gold tax / R. Monem // *Contemporary Accounting Research*. — 2003. — Vol. 20(4). — Pp. 747–774.
26. Market consequences of earnings management in response to security regulations in China / In-Mu Haw, Daqing Qi, Donghui Wu, Woody Wu // *Contemporary Accounting Research*. — 2010. — Vol. 22(1). DOI:10.1506/9XVL-P6RR-MTPX-VU8K.
27. Roychowdhury, S. Earnings management through real activities manipulation / S. Roychowdhury // *Journal of Accounting and Economics*. — 2006. — Vol. 42. — Pp. 335–370.
28. Xuerong (Sharon) Huang. Managerial ability and real earnings management / Xuerong (Sharon) Huang, Li Sun // *Advances in Accounting*. — 2017. — Vol. 39. — Pp. 91–104. DOI: 10.1016/j.adiaac.2017.08.003.
29. Peng, Wu. Business strategy, market competition and earnings management: Evidence from China / Peng Wu, Lei Gao, Tingting Gu // *Chinese Management Studies*. — 2015. — Vol. 9(3). — Pp. 401–424. DOI: 10.1108/CMS-12-2014-0225.
30. Real earnings management: A review of the international literature / A. Habib, D. Ranasinghe,

-
- J.Y. Wu, P.K. Biswas, F. Ahmad // *Accounting & Finance*. — 2022. — Vol. 62. — Pp. 4279–4344. Available from: DOI: 10.1111/acfi.12968.
31. Gordon, M.J. Postulates, principles and research in accounting / M.J. Gordon // *The Accounting Review*. — 1964. — Vol. 39. — Pp. 251–263.
32. Graham, J.R. The economic implications of corporate financial reporting / J.R. Graham, C. Harvey, S. Rajgopal // *Journal of Accounting and Economics*. — 2005. — Vol. 40. — Pp. 3–73.
33. Gunny, K. The relation between earnings management using real activities manipulation and future performance: evidence from meeting earnings benchmark / K. Gunny // *Contemporary Accounting Research*. — 2010. — Vol. 27. — Pp. 855–888.
34. Takeover protection and managerial myopia: evidence from real earnings management / Y. Zhao, K.H. Chen, Y. Zhang, M. Davis // *Journal of Accounting and Public Policy*. — 2012. — Vol. 31. — Pp. 109–135.
35. Demski, J.S. Performance measure manipulation / J.S. Demski // *Contemporary Accounting Research*. — 1998. — Vol. 15. — Pp. 261–285.
36. Kirschenheiter, M. Can 'big bath' and earnings smoothing co-exist as equilibrium financial reporting strategies? / M. Kirschenheiter, N.D. Melumad // *Journal of Accounting Research*. — 2002. — Vol. 40. — Pp. 761–796.
37. Raman, K. Relationship-specific investments and earnings management: evidence on corporate suppliers and customers / K. Raman, H. Shahrur // *The Accounting Review*. — 2008. — Vol. 83. — P. 1041–1081.
38. McGuire, S.T. The impact of religion on financial reporting irregularities / S.T. McGuire, T.C. Omer, N.Y. Sharp // *The Accounting Review*. — 2012. — Vol. 87. — Pp. 645–673.
39. Cohen, D.A. Accrual-based and real earnings management activities around seasoned equity offerings / D.A. Cohen, P. Zarowin // *Journal of Accounting and Economics*. — 2010. — Vol. 50. — Pp. 2–19.
40. Choi, A. The joint effect of audit quality and legal regimes on the use of real earnings management: international evidence / A. Choi, J.H. Choi, B.C. Sohn // *Contemporary Accounting Research*. — 2018. — Vol. 35. — Pp. 2225–2257.
41. Gilliam, T.A. Detecting real activities manipulation: beyond performance matching / T.A. Gilliam // *Abacus*. — 2021. — Vol. 57. — Pp. 619–653.
42. Srivastava, A. Improving the measures of real earnings management / A. Srivastava // *Review of Accounting Studies*. — 2019. — Vol. 24. — Pp. 1277–1316.
43. Chi, W. Is enhanced audit quality associated with greater real earnings management? / W. Chi, L.L. Lisic, M. Pevzner // *Accounting Horizons*. — 2011. — Vol. 25. — Pp. 315–335.
44. Alhadab, M. The impact of audit quality on real and accrual earnings management around IPOs / M. Alhadab, I. Clacher // *The British Accounting Review*. — 2018. — Vol. 50. — Pp. 442–461.
- Recieved 07.05.2025*
-
-

Современная политика импортозамещения на национальном и региональном уровнях на примере Витебской области

Побяржина Т.П., Трищенко А.В.

УО ФПБ Витебский филиал «Международный университет «МИТСО»»

Политика импортозамещения в Республике Беларусь обоснованно считается одним из важнейших факторов суверенитета страны и обеспечения национальной безопасности. Она проводится в стране на системной основе с 1997 года. Ограничительные меры относительно Беларуси и России, связанные с геополитикой, придали новый импульс импортозамещению. Если ранее в условиях открытой экономики можно было приобрести зарубежное оборудование и не искать альтернативные варианты у отечественных производителей, то в нынешних условиях зависимость от импорта парализовала деятельность некоторых отечественных предприятий и они вынуждены вырабатывать новые подходы к осуществлению хозяйственной деятельности.

Также тема интенсификации импортозамещения является одной из важнейших в белорусско-российских отношениях с учетом сырьевых и производственных возможностей. Совместные проекты направлены на поиск возможностей производственной кооперации, модернизацию действующих производств, устранение барьеров товародвижения и углубление промышленного сотрудничества.

Цель статьи – проанализировать текущие процессы импортозамещения на национальном и региональном уровнях на примере Витебской области.

Материал и методы. В качестве информационной базы для исследования стали принятые государственные программные и нормативные документы в части политики импортозамещения, а также интернет-ресурсы Министерства экономики, антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, местных органов власти и организаций, активно участвующих в политике импортозамещения. Методология исследования строилась на общенаучных методах экономического и статистического анализа, обобщения, сравнительного и графического анализа.

Результаты и их обсуждение. В статье рассматривается роль и значение импортозамещения для открытой экономики Республики Беларусь в современных условиях хозяйствования, участие государственных органов и конкретных предприятий в политике импортозамещения, а также возможности по совместной ее реализации с регионами Российской Федерации.

Заключение. В Республике Беларусь ведется комплексная, системная и активная политика импортозамещения, особенно в сложившихся условиях санкционного давления. Стало невозможным ставить производственный процесс в зависимость от сложнодоступного импорта. Сейчас время более глубокого поиска возможностей по кооперации, консолидации и взаимодействию в части интенсификации планов по импортозамещению.

Ключевые слова: импорт, импортозамещение, импортелюкость, санкции, кооперация, сальдо внешней торговли, внешнеэкономическая деятельность, производство.

Modern Policy of Import Substitution at the National and Regional Levels on the Example of Vitebsk Region

Pobyarzina T.P., Trishchenkova A.V.

EE FTUB Vitebsk Branch of "International University «MITSO»"

The policy of import substitution in the Republic of Belarus is rightly considered one of the most important factors of the country's sovereignty and national security. It has been carried out in the country on a systematic basis since 1997. Restrictive measures regarding Belarus and Russia related to geopolitics have given a new impetus to import substitution. If earlier in the conditions of an open economy it was possible to purchase foreign equipment and not look for alternative options from domestic manufacturers, then in the current conditions, dependence on imports has paralyzed the activities of some domestic enterprises and they are forced to develop new approaches to the implementation of economic activities.

The topic of intensification of import substitution is also one of the most important in Belarusian-Russian relations, taking into account raw materials and production capabilities. Joint projects are aimed at finding opportunities for industrial cooperation, modernization of existing industries, elimination of barriers to goods movement and deepening industrial cooperation.

The article aims to analyze the current processes of import substitution at the national and regional levels using the example of Vitebsk Region.

Material and methods. The material for the study was state program and regulatory documents in terms of import substitution policy, as well as Internet resources of the Ministry of Economy, Antimonopoly Regulation and Trade of the Republic of Belarus, local authorities and organizations actively involved in import substitution policy. The research methodology was based on general scientific methods of economic and statistical analysis, generalization, comparative and graphical analysis.

Findings and their discussion. The article considers the role and significance of import substitution for the open economy of the Republic of Belarus in modern economic conditions, the participation of government agencies and specific enterprises in the import substitution policy, as well as the possibilities for its joint implementation with the regions of the Russian Federation.

Conclusion. The Republic of Belarus is pursuing a comprehensive, systemic and active import substitution policy, especially in the current conditions of sanctions pressure. It has become impossible to make the production process dependent on hard-to-find imports. Now is the time for a deeper search for opportunities for cooperation, consolidation and interaction in terms of intensifying import substitution plans.

Key words: import, import substitution, import capacity, sanctions, cooperation, foreign trade balance, foreign economic activity, production.

Импортозамещение в Республике Беларусь в условиях всегда отрицательного сальдо платежного баланса являлось приоритетом социально-экономического развития. Его основы были заложены с 1997 г. в ежегодных государственных программах, затем — в государственных, отраслевых и региональных программах импортозамещения на 2001–2005 гг., 2006–2010 гг., а с 2011 г. — в Схеме работ по замещению импортируемых в страну товаров.

Цель статьи — проанализировать текущие процессы импортозамещения на национальном и региональном уровнях на примере Витебской области.

Материал и методы. Источниками информации для подготовки материалов послужили публикации в открытом интернет-доступе на сайтах Министерства экономики Республики Беларусь, Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь, Национального статистического комитета Республики Беларусь, Витебского областного исполнительного комитета, СЭЗ «Витебск», некоторых промышленных предприятий, а также государственные программные документы.

Результаты и их обсуждение. С 2021 г. к упомянутой негативной тенденции внешнеэкономической деятельности добавились еще и санкционное давление, и нарушение цепей поставок, и сбои в международных расчетах, и приостановка поставок некоторых товаров на белорусский рынок. Для открытой экономики Республики Беларусь обозначенные факторы обострили проблему импортозамещения, которое стало рассматриваться как инструмент противодействия новым геополитическим условиям для функционирования субъектов хозяйствования. Это определено еще и тем, что около 60% продукции промышленного комплекса экспортируется, часть из которой производится на основе импортных компонентов. Данный факт вызывает увеличение стоимости отечественных товаров и усугубляет зависимость страны от импорта из некоторых стран. Среди 44 государств Объединения экономического

сотрудничества и развития и Европы белорусская экономика занимает 19-е место по уровню материалоемкости, 7-е — по величине импортоемкости [1].

Исходя из информации Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2024 г. отрицательное сальдо внешней торговли товарами существенно увеличилось по отношению к предыдущему периоду (таблица 1).

Внешняя торговля товарами в Республике Беларусь состоит из трех групп товаров: инвестиционные (10–12%), промежуточные (50–60%), потребительские (около 30%). К инвестиционным относятся машины, оборудование, транспортные средства, которые используются в качестве средства производства для создания конечного продукта. Промежуточными товарами являются сырье, материалы, комплектующие для дальнейшего их вовлечения в производственный процесс и создания готового продукта. Потребительские товары служат для удовлетворения потребностей домашних хозяйств и делятся на продовольственные и промышленные. Сальдо внешней торговли в разрезе всех групп товаров представлено в таблице 2.

Таким образом, политика импортозамещения в Республике Беларусь должна быть в большей части ориентирована на производство промежуточных товаров, так как, во-первых, они занимают наибольший удельный вес в структуре импорта, а, во-вторых, по ним формируется самый значительный размер отрицательного сальдо, и на потребительские непродовольственные товары, поскольку именно по этой позиции потребительских товаров прослеживается негативная динамика.

В связи с этим цели по замещению импорта предусмотрены практически во всех государственных стратегических документах: прогнозы, планы и программы развития экономики Республики Беларусь. Начиная с 2000 г. в стране реализованы системные программы импортозамещения, пакет подпрограмм на региональном и отраслевом уровнях. На текущий момент ориентиры в части импортозамещения сформулированы в следующих государственных документах:

Таблица 1 — Сальдо внешней торговли товарами в Республике Беларусь, млрд долларов США

	2020	2021	2022	2023	2024
Экспорт	29,2	40,0	38,4	39,8	40,3
Импорт	32,7	41,8	38,5	43,0	45,7
Сальдо	– 3,5	– 1,8	– 0,1	– 3,2	– 5,4

Примечание. [2].

Таблица 2 — Сальдо внешней торговли товарами в Республике Беларусь в разрезе групп товаров, млрд долларов США

Группа товаров	2020	2021	2022	2023	2024
Инвестиционные	– 0,5	– 0,04	1,8	0,3	0,1
Промежуточные	– 3,6	– 3,1	– 4,6	– 4,0	– 5,4
Потребительские	– 0,4	0,3	1,6	– 0,5	– 1,2
в т.ч. продовольственные	1,8	2,2	3,5	2,7	3,4
непродовольственные	– 2,2	– 1,9	– 1,9	– 3,2	– 4,6

Примечание. [2].

– Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы;

– Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года;

– Концепция национальной безопасности Республики Беларусь.

Кроме этого, Министерство экономики Республики Беларусь в 2022 г. разработало Перечень продукции, относимой к импортозамещающей, а Министерство антимонопольного регулирования и торговли каждый год устанавливает номенклатуру товаров народного потребления, подлежащих импортозамещению. В перечнях отдельно выделены позиции товаров, которые не производятся в стране, а также товары, которые производятся в недостаточном количестве и ассортименте или недостаточно соответствуют потребительскому спросу. В 2025 г. Перечень включает 363 позиции, из них 338 — это непродовольственные товары (электротехника, детские и галантерейные товары, товары для домашних питомцев, для отдыха, спорта, туризма, медиа аппаратура и т.д.) [3]. В целом по Беларуси перечень импортозамещающей продукции насчитывает более 2,7 тыс. наименований. За последние годы предприятиями пищевой промышленности освоено более 100 новых наименований сладостей, хамон, сыры с белой и голубой плесенью и пр.

В целом импортозамещение носит комплексный и системный характер. Ежегодно областные исполнительные комитеты формируют перечень

мероприятий по импортозамещению, к реализации которых привлекаются как крупные предприятия государственной собственности, так и субъекты малого и среднего предпринимательства. По окончании года руководство исполнительных комитетов подводит итоги, анализирует выполнение плана мероприятий по выпуску импортозамещающей продукции, динамику темпов роста ее производства и поставок на внешние рынки сбыта. С 2022 г. на базе ОАО «Белорусская универсальная товарная биржа» создана электронная платформа «Импортозамещение», которая способствует оперативному поиску информации об аналогичных иностранных товарах, а также предоставляет возможность заключения сделки в режиме реального времени по поставкам таких товаров, в том числе на экспорт. К платформе имеют доступ как белорусские, так и российские компании.

В целях популяризации практического позитивного опыта отечественных предприятий по выпуску импортозамещающей продукции Министерством экономики с 2022 года проводится конкурс «Импортозамещение» по двум номинациям «Заказчик года» и «Производитель года». Из нескольких сотен предприятий в финал конкурса по результатам 2023 г. вышли 70 и победителями конкурса в номинации «Заказчик года» стало ООО «БОНШЕ»; в номинации «Производитель года» — ООО «ЮстаПласт», ОАО «Пивоваренная компания «Аливария»»; ЗАО «Август-бел», ЧПУП «Завод горного машиностроения».

Нарушение сложившихся производственно-кооперационных и логистических цепочек потребовало не только создания своих импортозамещающих производств, но формирование новых интеграционных проектов в рамках Союзного государства и ЕАЭС. Исходя из данных Министерства экономики Беларуси, уже сформировано порядка 20 интеграционных межгосударственных проектов. В числе приоритетных направлений сотрудничества: производство сельскохозяйственных машин, легкая промышленность, металлообработка, химическое производство, автоиндустрия, производство электронно-оптических систем, производство промышленных станков, IT-технологии и цифровая техника, наноматериалы и др.

Среди примеров кооперационного промышленного сотрудничества на территории ЕАЭС можно привести следующие. ОАО «БелАЗ» в партнерстве с холдингом «Синара-Транспортные машины» проектируют двигатели нового поколения для карьерных самосвалов. На конвейере казахстанского АО «АгромашХолдинг» собираются зерноуборочные комбайны белорусского бренда «ПАЛЕССЕ». ОАО «Минский тракторный завод» совместно с ОАО «Череповецкий литейно-механический завод» реализуют проект по организации производства «Союзного сельскохозяйственного трактора». В сфере агромашиностроения интенсивно развивается сотрудничество между ОАО «МТЗ», ОАО «Гомсельмаш» и АО «Петербургский тракторный завод» в рамках созданного предприятиями Союза промышленников «Прогресс». В рамках белорусско-российского проекта планируется провести модернизацию линии по производству автобусов на Минском автомобильном заводе. Несколько проектов реализуется для производства лесохозяйственной техники на предприятиях холдинга «Амкор». В цепочке промышленного партнерства находятся предприятия Беларуси и России в сфере производства лифтового оборудования: производителями белорусской стороны (ОАО «Могилевлифтмаш») и российской (АО «Щербинский лифтостроительный завод» и ООО ПО «Евролифтмаш») основана Евразийская лифтовая ассоциация. Сотрудничество в такой форме позволяет оптимизировать себестоимость продукции, расширить инвестиционный потенциал, получить доступ к инновационным технологиям, увеличить долю отечественной машиностроительной продукции как на рынках Союзного государства, СНГ, ЕАЭС, так и за их пределами.

Витебский областной исполнительный комитет также ежегодно разрабатывает и реализует План мероприятий по импортозамещению, основными целями которого являются снижение зависимости от импортной составляющей, снижение импортоемкости выпускаемой продукции, удовлетворение внутреннего спроса высококачественной продукцией собственного производства, улучшение ситуации с внешне-торговым сальдо.

Мероприятия Плана предусматривают организацию новых и модернизацию действующих производств по выпуску импортозамещающей продукции, диверсификацию ассортимента выпускаемой продукции, привлечение организаций малого и среднего бизнеса в кооперационные цепочки, вовлечение в хозяйственный оборот местных видов сырья и увеличение глубины его переработки. Основные параметры Плана представлены в таблице 3.

Основные направления импортозамещения в Витебском регионе — производство кабельно-проводниковых изделий, компоненты для смазочных масел, металлических изделий, тары из пластмассы для перемещения товаров, торгового и отопительного оборудования, кирпича, крано-манипуляторных установок и гидроподъемников, экскаваторов, светотехники и противопожарных установок, высоконапорных шлангов, сбалансированных комбикормов и концентратов для кормления домашних животных, ветеринарных медикаментов, молочных консервированных продуктов и сыров в ассортименте, детского питания, грибов, обуви, одежды и других товаров. На производство импортозамещающей продукции нацелено порядка 90 предприятий (некоторые из них представлены в таблице 4), 50 из которых относятся к сфере малого и среднего бизнеса. Более 60% импортозамещающей продукции поставляется на экспорт.

Одним из инструментов импортозамещения в Витебском регионе является развитие кооперационных связей в рамках Союзного государства Беларуси и России, а также использование потенциала партнерских организаций и дипломатических представительств. Договорная база для активизации взаимодействия с российскими партнерами сформирована и включает более 100 соглашений о сотрудничестве между районами, 26 документов подписаны на уровне областных администраций. В целях развития отношений были организованы деловые встречи руководства области в российские регионы: Псковскую,

Таблица 3 — Параметры Плана мероприятий по импортозамещению в Витебской области на 2023–2025 гг.

Показатель	2023	2024	2025
Количество импортозамещающих проектов	11	22	18
Выпуск импортозамещающей продукции, млн долл. США	950	1 149	1 170

Примечание. [4].

Таблица 4 — Перечень предприятий Витебской области, активно принимающих участие в реализации Плана по импортозамещению

Название предприятия	Наименование производимой импортозамещающей продукции
ЧУП «Витстройтехмаш»	Гидравлические подъемники
ООО «Управляющая компания холдинга «Белорусская коженно-обувная компания “Марко”», ОАО «Красный Октябрь», СООО «Белвест»	Обувь
ОАО «Витебская бройлерная птицефабрика»	Корма для домашней птицы
ЗАО «Экомол Агро»	Комбикорма для животных
ООО «Рубикон-Агро»	Инсектициды
ОАО «Витебские ковры»	Полипропиленовые нити
ПУП «Витебский завод ветеринарных препаратов», ИП «ВИК – здоровье животных», ООО «Белкаролин»	Ветеринарные препараты
ООО «ЕвроПрессФорм»	Пресс-формы для обувной промышленности
ООО «Морские сезоны», ИООО «Продэксим», УП «Иваси Плюс»	Рыбная продукция
ООО «Сканлинк»	Смазочные материалы
СООО «Новополоцкий завод технологических металлоконструкций»	Металлоконструкции для строительства, сварной решетчатый настил
ОАО «Конструкторское бюро “Дисплей”»	Медицинские мониторы
ГП «Кондитерская фабрика “Витьба”»	Вафельная продукция, бисквитные рулеты
ОАО «Глубокский МКК», ОАО «Поставский молочный завод», ОАО «Верхнедвинский маслосырзавод»	Молочные консервы, сыры твердые
ООО «Савушкин-Орша»	Мягкие сыры
КУП «Оршанский мясоконсервный комбинат»	Мясные консервы для детского питания, корма для собак и кошек
ООО «Белфудпродакшн»	Детское питание
ООО «Белль Бимбо плюс»	Одежда для детей
ООО «КлинКосмик»	Косметические средства

Курскую, Волгоградскую области. Двухсторонние встречи также проходили в рамках выставки «Белагро», международного экономического форума «Инновации. Инвестиции. Перспективы», международной выставки «Агрорусь», Форума регионов Беларуси и России, который в 2024 г. проходил в Витебске и Полоцке. Одна из основных задач данных мероприятий — поиск направлений взаимодействия и возможностей выпуска

взаимодополняющих товаров, выстраивание кооперационных цепочек с участием российских и белорусских производителей.

Результат активной работы — сотрудничество области в текущий момент с 77 регионами России и реализация соглашений о сотрудничестве, которыми охвачены регионы Северо-Западного, Центрального, Южного и Приволжского Федеральных округов.

Около 100 предприятий Витебской области непосредственно сотрудничают в рамках кооперационных связей с партнерами более чем из 20 регионов России. Среди них ООО «Станкомонтаж-Запад» с участием башкирского инвестора, заводом «Эвистор» освоены электромеханизмы и комплектующие для «Ростсельмаша», ООО «Юджэн» — трансформаторы для Свердловского завода, практически все крупные торговые сети России ждут поставок телевизоров от ОАО «Витязь», ОАО «Витебский завод тракторных запчастей» выполняет заказы на комплектующие для смоленского производителя и др.

На 2025 г. сформировано порядка 20 совместных проектов на 1,5 млрд долларов. В текущий момент Российская Федерация реализует около 20 интеграционных импортозамещающих программ, где участие региональных предприятий может быть вполне конкретным. И по этим программам импорт (а он совпадает с продукцией наших предприятий), который сегодня завозится на территорию России составляет более 40 млрд долларов, что говорит о значительных резервах для национальной экономики.

Заключение. Таким образом, импортозамещение в Республике Беларусь является одной из приоритетных задач государственной экономической политики и характеризуется системным подходом, плановостью и контролируемостью, рациональностью, ориентированностью на внешние рынки. С целью реализации данного приоритета предприняты шаги по модернизации крупных предприятий, привлечению предпринимательского сектора как на национальном уровне, так и на уровне регионов.

Литература

1. Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года. — URL: <https://docs.yandex.by/docs/> (дата обращения: 16.02.2025).
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. — URL: <http://belstat.gov.by/> (дата обращения: 16.02.2025).
3. Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. — URL: <https://mart.gov.by/> (дата обращения: 16.02.2025).
4. Витебский областной исполнительный комитет. — URL: <https://vitebsk-region.gov.by/> (дата обращения: 16.02.2025).

Поступила в редакцию 19.05.2025

Криптовалютный рынок в Республике Беларусь: состояние, регулирование и перспективы развития

Трацевская Л.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Масштабное развитие сети Интернет и компьютерных технологий повлекли за собой широкое использование их возможностей во всех сферах жизни общества, в том числе и в финансовой сфере. Необходимость ускорения бизнес-процессов, повышения безопасности их осуществления и контроля финансовых транзакций способствовали возникновению такого явления, как виртуальные деньги, или криптовалюты. Республика Беларусь, осуществляя рыночную трансформацию национальной экономики, активно использует современные тренды развития финансового рынка, способствуя развитию этой новой формы финансовых инструментов.

Цель статьи – выявление и исследование современных факторов формирования криптовалютного рынка в Республике Беларусь, диагностика его современного состояния, регулирования и перспектив дальнейшего развития.

Материал и методы. *Исследование осуществлялось с использованием научной и специальной литературы, аналитических материалов о развитии криптовалютного рынка в Республике Беларусь. Методологическую базу исследования составили: логико-дедуктивный метод, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, методы группировки и сравнения.*

Результаты и их обсуждение. *В статье представлен анализ сущности криптовалюты, выявлено ее сходство и отмечено характерное различие с фиатными валютами. Дана оценка использования криптовалюты в Республике Беларусь, охарактеризованы основные элементы инфраструктуры национального криптовалютного рынка: криптовалютные платформы и криптобиржи. Установлено, что перспективы развития финансовой сферы Беларуси и совершаемых в ее рамках операций во многом зависят от формирования национального рынка криптовалют и использования его бизнес-преимуществ. Особое внимание в исследовании уделено характеристике правового регулирования белорусского рынка криптовалюты и основных направлений его совершенствования.*

Заключение. *Криптовалюта представляет собой не просто современное средство для взаиморасчетов и инвестиций, но и площадку для разработки и внедрения технологий, способных сформировать новый финансовый мир, открыть новые перспективы, как развития национальной финансовой системы, так и экономики Беларуси в целом.*

Ключевые слова: *информационные технологии, криптовалюта, биткоин, блокчейн, криптобиржа, криптовалютный сектор, правовое регулирование, перспективы развития.*

Cryptocurrency Market in the Republic of Belarus: the State, Regulation and Development Prospects

Tratsevskaia L.F.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Large-scale development of the Internet network and computer technologies lead to wide use of their possibilities in all spheres of social life, including the financial sphere. The necessity in speeding up business processes, increasing their security and financial transaction control promoted the emergence of the phenomenon of virtual money or cryptocurrency. The Republic of Belarus, which carries out market transformation of the national economy, actively uses contemporary trends of the financial market development, thus facilitating the development of this new form of financial instruments.

The purpose of the article is finding out and studying contemporary factors of cryptocurrency market shaping in the Republic of Belarus, revealing its contemporary state, regulating and finding out the prospects of its development.

Material and methods. *Scientific and special literature, analytical materials on the development of cryptocurrency market in the Republic of Belarus were used in the research. The research methodological base is made up by the logical and deductive method, ascent from the abstract to the concrete, analysis and synthesis, methods of grouping and comparison.*

Findings and their discussion. *The article presents an analysis of the essence of cryptocurrency; its resemblance with and characteristic difference from fiat currencies is revealed. Assessment of the application of cryptocurrency in the Republic of Belarus is given; basic infrastructure elements of the national cryptocurrency market are characterized: cryptocurrency platforms and crypto exchange. It has been found out that the development prospects of the financial sphere of Belarus and operations which are carried out within it greatly depend on the shaping of the national cryptocurrency market and the use of its business advantages. Special attention is given in the research to the characteristic of the legal regulation of the Belarusian cryptocurrency market and basic trends of its improvement.*

Conclusion. *Cryptocurrency is not only a contemporary means for mutual settlements and investments but also a site for the development and introduction of technologies capable of shaping a new financial world, open new development prospects for both the national financial system and the economy of Belarus in general.*

Key words: *information technologies, cryptocurrency, bitcoin, block chain, crypto exchange, cryptocurrency sector, legal regulation, development prospects.*

Современные бизнес-процессы немыслимы без информационных технологий, дающих возможность рационального использования всех видов ресурсов, широкого и динамичного взаимодействия. Информация выступает важнейшим его социально-экономическим фактором, а скорость ее передачи в рамках разнообразных информационных систем позволяет мгновенно обмениваться идеями и знаниями везде, где это только необходимо, открывает двери для глобального сотрудничества. Глобализация и инновации привели к появлению новых форм торговли, включая электронную коммерцию и краудфандинг. Компании теперь могут анализировать огромные объемы данных в реальном времени, что позволяет им принимать более обоснованные решения, а малые и средние предприятия получили доступ к рынкам, которые ранее казались недостижимыми. Искусственный интеллект, виртуальная реальность — все это не просто новшества, а прорывы, меняющие современное восприятие реальности и позволяющие повысить эффективность экономической деятельности, вывести ее на уровень устойчивого развития, тем самым кардинально изменив привычные бизнес-модели.

В этом контексте особого внимания заслуживают криптовалюты и операции с ними как важные современные инструменты инвестирования и увеличения капитала, буквально совершившие революцию в сфере ведения бизнеса и управления личными активами.

Материал и методы. Исследование осуществлялось с использованием научной и специальной литературы, аналитических материалов о развитии криптовалютного рынка в Республике Беларусь. Методологическую базу исследования составили: логико-дедуктивный метод, восхождение от абстрактного к конкретному, анализ и синтез, методы группировки и сравнения.

Результаты и их обсуждение. Проведенное исследование позволило установить, что криптовалюта представляет собой цифровой актив и средство обмена, электронный механизм эмиссии и учета которого децентрализован. Сведения о криптовалютных операциях не засекречиваются и всегда доступны в открытом виде. Криптография используется только в тех случаях, когда необходимо гарантировать неизменность цепочки блоков базы транзакций.

В соответствии с терминологией Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) криптовалюта представляет собой одну из разновидностей виртуальных валют и означает

основанную на математических принципах децентрализованную конвертируемую валюту, которая защищена с помощью криптографических методов, то есть использует шифрование для создания распределенной, децентрализованной и защищенной информационной экономики [1]. Единицей измерения криптовалюты выступают коин или токен, представляющие собой цифровую валюту, созданную и работающую только в сети Интернет. Эмиссия валюты происходит посредством работы миллионов компьютеров по всему миру, использующих определенную программу, что позволяет любому пользователю, из любого местоположения отправлять и получать платежи, которые существуют исключительно в цифровом виде в онлайн-базе данных. Хранение криптовалюты осуществляется децентрализованно, в цифровых кошельках с использованием технологии блокчейн.

Криптовалюта стала достаточно распространенным современным финансовым инструментом вследствие ряда следующих преимуществ, что выгодно отличает ее от традиционных, фиатных, платежных средств:

- неподверженность инфляции и проявление значительного интереса к ней со стороны инвесторов вследствие эмиссии ее ограниченного количества;
- формирование ее стоимости исключительно под влиянием конъюнктуры криптовалютного рынка, вне зависимости от общих экономических процессов;
- децентрализованная эмиссия и, как следствие, отсутствие регулирования ее выпуска со стороны банковской системы или государственных финансовых субъектов;
- абсолютное равенство всех участников криптовалютных операций вне зависимости от их финансового положения или иных параметров;
- неограниченность транзакций;
- анонимность благодаря использованию QR-кода, позволяющего не раскрывать информацию об участниках операций с криптовалютой;
- невозможность несанкционированного проникновения в цифровой кошелек, так как все данные хранятся в специальном файле, доступ к которому есть только у его пользователя;
- прямой характер транзакций, то есть осуществление их между участниками без привлечения третьего лица;
- существование самостоятельного способа получения криптовалюты, рассматриваемого многими участниками криптовалютных операций в качестве заработка, — майнинга.

В то же время, наряду с вышеуказанными достоинствами криптовалюты, следует отметить и ее недостатки, среди которых, по нашему мнению, наиболее существенными являются:

- нестабильный курс, способствующий уменьшению потенциала криптовалюты как платежного средства;
- возможность осуществления махинаций, связанная с созданием фейковых обменников, мошеннических инвестиционных проектов и вирусов из-за возросшей популярности криптовалюты.

Как и любой другой финансовый актив, криптовалюту можно покупать и продавать, для чего в рамках криптовалютного рынка создается специальная инфраструктура, основными элементами которой выступают криптовалютные платформы и криптовалютные биржи.

Криптовалютные платформы предлагают разнообразные услуги, включая электронные кошельки для хранения криптовалюты, а также ее конвертацию и обмен. В Республике Беларусь их пользователи в соответствии со своими деловыми или личными потребностями, а также

в зависимости от того, какие операции они планируют проводить с цифровыми деньгами, могут выбрать для себя наиболее удобную платформу:

1. *Platincoin*, представляющую собой платформу для покупки, продажи и обмена криптовалют, а также получения дополнительного дохода через инвестиции в майнинг.

2. *Chatex* — сервис для мгновенного обмена криптовалют и фиатных денег, а также возможность отправки и получения криптоплатежей в мессенджерах.

3. *Bitsane*, выступающую площадкой для торговли криптовалютами с широким выбором пар валют, инструментами анализа и обеспечением безопасности средств пользователей.

Указанные платформы предлагают участникам криптовалютных операций возможность достаточно простой регистрации, а значит, и быстрый доступ к широкому спектру предоставляемых ими услуг.

Что же касается криптовалютных бирж, то отражая растущий интерес к криптовалютам, в Беларуси созданы и функционируют следующие криптовалютные биржи (таблица 1).

Таблица 1 — Криптовалютные биржи в Республике Беларусь

Наименование криптобиржи	Особенности деятельности	Преимущества деятельности
Currency	1. Соответствие всем требованиям мировой практики KYC (Know Your Customer — «Знай своего клиента») и AML (AntiMoney Laundering — «Противодействие отмыванию денег»). 2. Возможность пополнения депозита напрямую с банковской карты	– наличие профессиональной службы поддержки и обучающих программ, а также удобного мобильного приложения; – возможность купли-продажи не только криптовалюты, но и токенизированных активов (акций, сырья, драгоценных металлов и т.д.)
Free2ex	Отличие регистрации торгового счета от подобной процедуры на других криптовалютных биржах в Беларуси: необходимость предварительного создания аккаунта на электронном кошельке eWallet для осуществления последующих расчетов	– страхование активов клиентов на сумму 1 млн долл. США; – ежегодная обязательная проверка аудиторскими компаниями «большой четверки» (Deloitte, PricewaterhouseCoopers, Ernst & Young, KPMG); – сотрудничество с частными маркет-мейкерами (крупными трейдерами, формирующими котировки и колебания курса на криптовалютном рынке за счет больших объемов своих сделок), благодаря чему поддерживается хорошая ликвидность
iExchange (IEХ)	Партнерское соглашение с одной из ведущих международных криптобирж — OKEx, в результате чего стало возможным комбинирование и объединение ордеров с обеих платформ в единый пул (механизм Liquidity Exchange Network), что позволило IEХ решить проблемы с ликвидностью	– предложение широкого спектра услуг; – очень низкая комиссия (а в некоторых случаях вообще ее отсутствие) на пользование услугами данной платформы, мультивалютным электронным кошельком и системой внутренних переводов

Из данных таблицы следует, что в настоящее время среди элементов инфраструктуры криптовалютного сектора Республики Беларусь насчитывается три криптобиржи, на которых можно осуществлять операции с такими популярными криптовалютами, как Bitcoin, Ethereum, Ripple, Litecoin. Обладая индивидуальными особенностями деятельности, белорусские криптобиржи отличаются широким диапазоном оказываемых услуг и различным уровнем конкурентности, что дает их пользователям возможность различных вариантов выбора торговой площадки, наилучшим образом отвечающей их предпочтениям.

Кроме того, подтверждением активизации развития белорусского криптовалютного сектора является открытие первого в стране криптообменника Whitebird – сервиса, помогающего легально продавать и покупать криптовалюту с использованием платежных карт VISA и расчетных счетов, а также 10 майнинговых компаний [2].

В последнее время белорусский криптовалютный рынок отличает значительная динамика, вследствие чего возникла необходимость формирования правовой среды его регулирования и дальнейшего развития. Ключевыми документами в этой области являются Декрет Президента Республики Беларусь от 21.12.2017 № 8 «О развитии цифровой экономики» и Указ Президента Республики Беларусь от 17.09.2024 № 367 «Об обращении цифровых знаков (токенов)» [3, с. 132].

Указанные нормативные правовые акты определили четкие рамки и условия функционирования рынка криптовалют в Республике Беларусь, важнейшими из которых выступают:

1. Покупка и продажа криптовалюты. Физические лица имеют право покупать и продавать криптовалюту через лицензированные криптобиржи, криптовалютные платформы и обменники, зарегистрированные в Парке высоких технологий (ПВТ).

2. Хранение криптовалюты. Разрешено хранение цифровых активов в электронных кошельках, зарегистрированных на имя владельца.

3. Майнинг. Легальная добыча криптовалюты доступна физическим лицам, если она осуществляется в рамках домашнего использования оборудования и не нарушает энергорегуляций.

4. Завещание, дарение, обмен цифровых знаков (токенов) на иные цифровые знаки (токены). Физические лица имеют право осуществлять указанные манипуляции с криптовалютой в соответствии с национальным законодательством Республики Беларусь.

Особое внимание в указанных нормативных правовых актах уделяется криптовалютным операциям, запрещенным законодательством. К ним относятся:

- использование криптокошельков, которые не прошли процедуру идентификации;
- покупка или продажа криптовалюты на нелегализованных биржах или через неофициальные обменники;
- использование криптовалюты в мошеннических схемах (участие в финансовых пирамидах, схемах «отмывания» денег, финансирование запрещенных организаций).

В результате принятия данных правовых актов Беларусь стала первой в мире страной, узаконившей смарт-контракты, основная идея которых состоит в том, что они позволяют двум или более сторонам заключить криптовалютную сделку и гарантировать ее выполнение без вмешательства третьей стороны в лице банков, правительства или судебно-правовой системы. Все условия и исполнение такой сделки программируются в коде и сохраняются в блокчейне, что обеспечивает прозрачность и непрерывность контракта. Благодаря этому была создан фундамент правовой базы для развития в стране криптоиндустрии. Кроме того, в связи с тем, что Декрет «О развитии цифровой экономики» узаконил майнинг, который в стране не считается предпринимательской деятельностью, доход от него не нужно декларировать. Исключение составляет создание майнинговой компании, которое подразумевает наем сотрудников. В рамках данного законодательного акта в Беларуси физические лица освобождались от налога (налог с доходов, НДС и подоходный сбор) на все криптовалютные транзакции до 1 января 2025 года [4].

Кроме того, 14 февраля 2022 г. опубликован Указ Президента Республики Беларусь № 48 «О реестре адресов (идентификаторов) виртуальных кошельков и особенностях оборота криптовалюты». Данный нормативный правовой акт вносит в национальное законодательство и условия функционирования белорусского криптовалютного рынка важные изменения, направленные на исключение случаев финансирования запрещенной деятельности с использованием криптовалют. Так, нормами Указа предусмотрено создание отдельного реестра адресов виртуальных кошельков, использовавшихся либо используемых для осуществления противоправной деятельности. Владелец и оператор данного реестра назначена администрация Парка высоких техноло-

гий. Основной обязанностью оператора реестра является добавление в него по представлению Генеральной прокуратуры Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности, Комитета государственного контроля, Министерства внутренних дел, Оперативно-аналитического центра, Следственного комитета Республики Беларусь адресов виртуальных кошельков, использованных (или подозреваемых в предстоящем использовании) в противоправной деятельности, а также исключение из него таковых после того, как будут установлены обстоятельства, указывающие на прекращение их использования в противоправных целях или когда подозрения об их использовании в таких целях будут сняты.

Как показало проведенное исследование, законодательство, регулирующее функционирование криптовалютного рынка в Республике Беларусь, призвано стимулировать его развитие и привлечение инвестиций в национальную экономику, и базируется на следующих основных принципах:

- формирование юридической среды, соответствующей современным подходам к развитию криптовалютного бизнеса;
- закрепление правового статуса криптовалюты и определение прав и обязанностей ее владельцев и участников криптовалютных операций;
- регулирование деятельности криптовалютных платформ и обменников;
- определение процедур и условий проведения Initial Coin Offerings (ICO), которые позволяют активизировать инвестиционную деятельность в области развития криптовалютных проектов.

Законодательство Беларуси о криптовалютных отношениях является одним из самых прогрессивных и инвестиционно привлекательных в мире, благодаря чему она входит в число лидеров в сфере криптовалютных инноваций в СНГ.

В то же время исследование функционирования и развития белорусского криптовалютного рынка позволило выявить свойственные этим процессам определенные проблемы, среди которых необходимо выделить следующие.

1. Анонимность криптовалюты и, как следствие, возможность «отмывания» денег и осуществления других нелегальных и противоправных операций.

2. В связи с тем, что криптовалюта является высокорискованным финансовым активом, важной проблемой является недостаточная финансовая грамотность населения Республики Беларусь в области работы с криптовалютными активами.

3. С учетом разрешенных белорусским законодательством операций в настоящих условиях в Беларуси криптовалюта выступает, преимущественно, в качестве объекта инвестирования. Поэтому развитие криптовалютного сектора осложняется запретом ее использования в предпринимательской деятельности.

4. Постоянно растущий криптовалютный курс побуждает потенциальных инвесторов накапливать криптовалюту с целью получения спекулятивной прибыли, что отвлекает их от вложений в реальный сектор национальной экономики.

5. Энергозатратность майнинговых операций, вследствие чего добытчики криптовалюты являются значительными потребителями электрической энергии. Так, доля электроэнергии, расходуемой на добычу криптовалюты в общем объеме энергопотребления (33 млрд кВт-час), составляет в Беларуси в настоящее время 88,03% [5].

Разрешению указанных проблем и дальнейшему развитию криптовалютного рынка в Республике Беларусь могут способствовать, по нашему мнению, следующие мероприятия:

- создание специальных технопарков и привлечение инвестиций в национальный сектор цифровой экономики;
- дальнейшее совершенствование законодательства, регулирующего функционирование и развитие белорусского рынка криптовалюты;
- формирование условий для создания и совершенствования инфраструктуры национального криптовалютного рынка;
- дальнейшая интеграция криптовалюты в финансовую систему Беларуси;
- изыскание возможности государственной поддержки развития инфраструктуры криптовалютного рынка, включающей участие в финансировании и создании соответствующих инкубаторов и акселераторов;
- проведение обучающих курсов и семинаров для бизнесменов и населения, способствующих получению знаний о возможностях и рисках, связанных с криптовалютной деятельностью, и повышению их финансовой грамотности.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что перспективы развития криптовалютного рынка в Республике Беларусь выглядят многообещающе и зависят от многих факторов, включая его общественное признание, меры государственного регулирования, формирование благоприятного инновационно-инвестиционного климата в данной сфере.

Криптовалютные сделки в Беларуси получили правовую основу, криптовалюта признана законным платежным средством, имеющим такие же права и возможности использования, как и обычные деньги. Национальное законодательство, регулирующее функционирование криптовалютного рынка, является одним из самых прогрессивных в мире, способствуя созданию благоприятных условий для его развития и сбалансированности интересов различных его участников.

Литература

1. Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД / ФТ: отчет ФАТФ. Июнь 2014 г. // Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. —

URL: http://www.eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnye_valyuty_FATF_2014.pdf (дата обращения: 22.04.2025).

2. Белорусские криптовалютные биржи. — URL: <http://cripto.ru/beloruskie-kriptovalyutnye-birzhi/> (дата обращения: 04.05.2025).

3. Сафонова, Т.В. Информационное право Республики Беларусь: интерактивный курс лекций / Т.В. Сафонова. — 2-е изд. — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2021. — 151 с. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/26623/1/151.pdf> (дата обращения: 12.05.2025).

4. Официальный правовой портал Президента Республики Беларусь // О развитии цифровой экономики. — URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716/ (дата обращения: 24.04.2025).

5. Bitcoin Energy Consumption Index // Digiconomist. — URL: <http://digiconomist.net/bitcoin-energy-consumption> (date of access: 11.05.2025).

Поступила в редакцию 14.07.2025

УДК 005.96:331.102

Психологическая сущность личной позиции по профессиональной занятости

Пастушеня А.Н.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет "МИТСО"»

Личная позиция по профессиональной занятости, охватывающей вид профессиональной деятельности, должностное положение, доход, место работы с присущими ему условиями труда, проявляется в намерениях по ее обретению, сохранению, улучшению или смене. Объяснение ее психологической сущности и обоснование типологии необходимо для создания методики психологической диагностики, совершенствования профессионального воспитания, управления персоналом, информационного и психологического сопровождения труда.

Цель статьи – объяснение психологической сущности личной позиции по трудовой занятости через обоснования системной совокупности психических явлений личности, ее порождающих.

Материал и методы. Для достижения научной цели осуществлены теоретический анализ и эмпирическое исследование на основе интервью и коллективного обсуждения со специалистами и руководителями первичного уровня трудовых организаций.

Результаты и их обсуждение. Отмечено, что психологическая сущность личной позиции по профессиональной занятости включает отражательно-оценочную и мотивационно-целевую стороны. Обосновывается положение о том, что субъективная представленность занятости с ее составляющими выступает основой такой позиции. Преобладающее положительное содержание субъективной представленности занятости обуславливает ее личную приемлемость, а отрицательное – неприятие. Рассматриваются психические явления, образующие субъективную представленность занятости, которые относятся к различным сферам психической модальности: ценностно-смысловой, эмоциональной и установочно-деятельностной. Обращается внимание на соотношение содержания этих явлений, обуславливающее личную приемлемость либо неприятия занятости, либо противоречивое отношение к ней. Отмечается значение позиции по занятости профессиональных притязаний, социально-трудовых ожиданий, мотивации занятости, удовлетворенности ею, психологических барьеров ее смены.

Заключение. Психологическая сущность личной позиции по занятости представляет систему психических явлений личности, выражающих субъективную представленность занятости, которая охватывает различные сферы психической модальности: ценностно-смысловую, эмоциональную и установочно-деятельностную. Соотношение их содержания выражает степень субъективной приемлемости либо неприятия занятости, что определяет личную позицию по ней в виде намерений ее обрести, сохранить, улучшить или сменить.

Ключевые слова: профессиональная позиция личности, субъективная представленность профессиональной занятости, приемлемость профессиональной занятости, профессиональные притязания, мотивация профессиональной занятости, удовлетворенность трудом.

Psychological Essence of the Professional Employment Personal Position

Pastushenia A.N.

The Federation of Trade Unions of Belarus Education Establishment "International University «MITSO»"

Personal position on professional employment, covering the type of professional activity, position, income, place of work with its inherent working conditions, is manifested in intentions to acquire, maintain, improve or change it. Its psychological explanation and substantiation of the typology is important for creating methods of psychological diagnostics, improving professional education, personnel management, information and psychological support for work.

The purpose of the article is to reveal the psychological essence of the professional employment personal position, which is expressed in a systemic set of mental phenomena of the individual that give rise to its manifestation.

Material and methods. *To achieve the scientific goal, theoretical analysis and empirical research were carried out based on interviews and collective discussion with specialists and primary-level managers of labor companies.*

Findings and their discussion. *It is noted that the psychological essence of the personal position on professional employment includes the reflective-evaluative and motivational-target sides. It is substantiated that the subjective representation of employment in the totality of its components serves as the basis for a personal position on it. The predominantly positive content of the subjective idea of employment determines its personal acceptability, while the predominantly negative content determines its rejection. The mental phenomena that form the subjective idea of employment, which relate to various spheres of mental modality: value-semantic, emotional and attitudinal-activity, are considered. Attention is drawn to the content and correlation of these phenomena in the mental world of the individual, which determine the personal acceptability of existing employment, or its rejection, or a contradictory attitude towards it. The importance of professional aspirations, social and labor expectations, motivation for employment, satisfaction with it, and psychological barriers to changing it are noted in the employment personal position.*

Conclusion. *The psychological essence of the employment personal position is a system of mental phenomena which express a subjective idea of employment that includes various spheres of mental modality: the value and semantic, the emotional and the target and activity ones. The correlation of their content expresses the degree of the subjective acceptance or rejection of employment, which determines the personal position regarding it in the form of intentions to obtain the job, to preserve, to improve or change.*

Key words: *professional position of the individual, subjective representation of professional employment, acceptability of professional employment, professional aspirations, motivation for professional employment, job satisfaction.*

В первой части психологического раскрытия профессиональной позиции личности [1] было представлено описание ее проявления как комплексного личностного свойства, выражающегося в совокупности намерений (стремлений) в отношении различных составляющих труда, а именно: в стремлениях субъекта: иметь определенную профессиональную занятость с ее условиями; определенным образом выполнять работу (например, проявляя старательность, инициативу по ее совершенствованию); определенным образом строить взаимодействие в рамках организационных отношений; в определенной мере соблюдать установленные правила и обязанности. Такое описание представляет раскрытие личной позиции с точки зрения категории «явление», что по А.В. Петровскому относится к «интериндивидуальной репрезентации» личности.

Одной из основных сторон данной позиции является ее проявление в отношении профессиональной занятости, которая представляет занятость оплачиваемым трудом, соответствующим профессии (специальности), что освоил субъект. Такая занятость включает вид и содержание

трудовой деятельности, должностное положение, трудовой доход, организацию как место работы с присущими ей условиями труда. Позиция по занятости находит свое проявление в намерениях субъекта обрести определенную занятость, сохранять ее, улучшать ее или сменить. В частности, позиция может выражать приверженность профессии и месту работы (организации), что способствует продуктивному труду и профессиональному саморазвитию, но может проявляться и в намерениях сменить вид деятельности и/или место работы. В настоящей статье обратимся к раскрытию психологической сущности личной позиции в отношении профессиональной занятости, которая присуща как лицам, имеющим место работы, так и ищущим такую занятость или осуществляющим профессиональное обучение.

Основываясь на понимании категории «сущность» и опираясь на системный подход в психологии, принцип детерминизма (в системном его понимании — принцип интердетерминизма по В.А. Янчуку [2]), а также на соотнесение понятий личности и субъекта, попытаемся раскрыть психологическую сущность данной позиции как

совокупность психических свойств личности, выступающих существенными детерминантами ее результирующего проявления в виде намерений (стремлений) в отношении профессиональной занятости, учитывая, что эти намерения имеют и внешнюю обусловленность экономическими, правовыми и иными социальными условиями труда. Личностные свойства, выступающие составляющими позиции, реализуются в отражательно-регулятивной психической деятельности, порождая субъективную оценку занятости с ее условиями и принятие решений по ней, представляющих указанные намерения (стремления) как результирующие проявления позиции. Обоснование структуры свойств, образующих рассматриваемую позицию, с обозначением их видов, содержательных характеристик, функций и связей в порождении позиции с учетом возможных ее типологических особенностей представляет цель научного объяснения ее психологической сущности. На основе таких знаний возможна разработка методики психологической диагностики позиции и ее целенаправленного формирования при профессиональной подготовке и управлении. Это имеет практическую значимость для изучения и отбора работников, их профессионального обучения и воспитания, управленческого влияния, информационного сопровождения труда, формирования мотивации его добросовестного осуществления, улучшения социального самочувствия трудящихся, снижения текучести кадров, повышения престижа необходимых для страны профессий.

Для раскрытия психологической сущности позиции по профессиональной занятости необходимо использование понятийного аппарата, который позволяет наиболее точно и непосредственно ее объяснить с учетом имеющихся в научном информационном пространстве знаний о ней и полученных новых данных, обеспечив при этом четкое соотношение понятий и обозначаемых ими явлений в выстраиваемой объяснительной модели.

В научной литературе и социально-трудовой практике используется ряд понятий, обозначающих явления, имеющие важное значение для понимания психологии субъекта труда, его профессиональной деятельности и профессионального пути. К ним относятся: мотивация труда [3–5], удовлетворенность трудом [6; 7], профессиональные притязания [8], социально-трудовые ожидания [9; 10], образ профессии [11], личностный смысл профессии и профессиональной деятельности [12; 13], самоотношение субъекта

этой деятельности [14], отношение к труду [15; 16], профессиональная вовлеченность [17]; профессиональная идентичность [18]; приверженность организации [19] и другие. Эти явления и обозначающие их понятия должны учитываться и находить свое место в объяснении профессиональной позиции личности, что мы попытаемся осуществить.

Материал и методы. В представленной работе мы использовали логический метод анализа теоретических и эмпирических данных для построения структурно-функциональной модели профессиональной позиции личности, опираясь на базовые положения психологической науки о психических явлениях и отражательно-регулятивной психической деятельности, детерминирующей профессиональную деятельность в совокупности ее составляющих. Эмпирические данные получены посредством интервью и фокус-групп со специалистами и руководителями первичного уровня трудовых организаций производственного и обслуживающего профилей (43 человека). Содержание этих эмпирических методов предусматривало выяснение психических феноменов, присущих рассматриваемым позициям и порождающих их проявления, их видовые и содержательные характеристики, функциональные и каузальные связи. У участников исследования поддерживалась мотивация заинтересованной включенности в психологический анализ и самоанализ, достижения в нем ясности и точности. Последовательность исследования заключалась в познавательном движении от явления к сущности, а именно: первоначально были определены возможные варианты личной позиции по профессиональной занятости, и далее — раскрыты психические явления, выступающие ее существенными составляющими-детерминантами с их содержательными характеристиками и обусловленностью.

Результаты и их обсуждение. Как показало исследовательское обсуждение, личная позиция в отношении имеющейся у лица трудовой занятости может представлять ряд вариантов, проявляющихся в следующих намерениях:

- 1) продолжать работать в организации на занимаемой должности с желанием (или без него) занять более благоприятное должностное положение при отсутствии неудовлетворенности, значимой для побуждения к смене занятости. Эта позиция присуща проявлениям у субъекта приверженности профессии и организации, вовлеченности в профессиональную занятость;

2) продолжать работать в организации, испытывая неудовлетворенность некоторыми составляющими труда, с допустимостью сменить должность или место работы на более благоприятный вариант при возникновении такой возможности. При этом субъект не проявляет целенаправленной активности по поиску такого варианта;

3) сменить вид и/или место работы на более благоприятный вариант в связи с преобладающей неудовлетворенностью составляющими труда с проявлением умеренной, не постоянной активности по его поиску;

4) сменить вид и/или место работы с высокой волевой решимостью это осуществить и проявлением постоянной активности по его поиску в связи с выраженной неудовлетворенностью имеющейся занятостью (при этом субъект может стараться сохранить имеющееся место работы до возникновения гарантированной возможности его смены).

Исходным положением в раскрытии психологической сущности личной позиции по трудовой занятости выступает выделение в ней двух функциональных сторон (в соответствии с постулатом об отражательной и регулятивной функциях психики), которые обозначим как отражательно-оценочная и мотивационно-целевая.

Отражательно-оценочная выражает субъективную представленность занятости в совокупности составляющих, содержание которой включает ее оценку с точки зрения приемлемости для себя. Эту субъективную оценку занятости можно считать ядром профессиональной позиции, поскольку на ней основывается ее мотивационно-целевая сторона, выражающая намерения (стремления), присущие лицам, имеющим занятость, которые представлены в типологии. У лиц, осуществляющих поиск занятости, позиция выражается в намерении устроиться на работу с определенными характеристиками. Намерение, представляющее позицию по занятости, характеризуется степенью уверенности субъекта в его правильности и возможности реализовать, а также обладает некоторой мотивационно-волевой силой.

Мы исходим из положения о том, что личная позиция по трудовой занятости основывается на ее психическом отражении (в совокупности ее составляющих), результатом которого является ее субъективная представленность, включающая ее образ, личностное значение, эмоциональное отношение к ней, ее освоенность, привычность. В зависимости от содержания субъективной представленности определенной

занятости складывается ее личная приемлемость либо неприятие, либо противоречивое отношение к ней. В этой связи сосредоточим внимание на раскрытии субъективной представленности занятости в контексте ее личной приемлемости — неприятия.

Прежде всего отметим, что субъективная представленность занятости выражает ее значение с точки зрения возможностей удовлетворения личных потребностей и ценностей, а также, значение с точки зрения личных представлений (убеждений, руководящих идей) о необходимой и достойной работе с ее оплатой и условиями. При оценке приемлемости занятости субъект учитывает социально-экономические и иные объективные возможности иметь ее удовлетворяющий вариант, к тому же личные возможности выполнять профессиональную деятельность, соответствующую приемлемой занятости, включая свои компетенции, способности, физические силы, состояние здоровья и иные.

Эти субъективные оценочные критерии занятости трансформируются в личные пожелания к ее составляющим и к ней в целом, выражая какую работу с какой оплатой и условиями труда личность желает иметь и считает это реально возможным. Такие пожелания при их субъективной ясности и конкретности можно отнести к профессиональным притязаниям, обуславливающим мотивообразование и целеполагание в поиске и реализации трудовой занятости. Притязания имеют определенный субъективный уровень (анализ подходов к его пониманию представил К.Н. Сидоров [8]), выражающий степень желаемой благоприятности трудовой занятости по ее условиям, содержанию, доходу и иным результатам. Такие притязания (их уровень) обусловлены субъективной оценкой возможностей их удовлетворения, которые представляют феномен ожиданий как составляющей мотивации деятельности (по Х. Хекхаузену). Так, уровень притязаний субъекта труда зависит от его представлений о тенденциях на рынке труда и доходах трудящихся, которые определяют его трудовые ожидания — какую занятость с ее доходом и условиями можно реально иметь, насколько это вероятно, какие усилия и затраты времени для этого необходимы. Эти ожидания в литературе называются трудовыми, социально-трудовыми [10]. Их формирование происходит на основе личного опыта и под влиянием официальной и неофициальной информации. Притязания обладают не только своим содержанием, но и

сопряжены с различной волевой решимостью их осуществить, затрачивая силы, время, испытывая трудности. При этом обнаруживается, что если имеющаяся занятость не соответствует личным притязаниям субъекта, но это оценивается им как временное явление с уверенностью в положительных изменениях в будущем (по мере повышения опыта, стажа и т.д.), то эта имеющаяся занятость может сохранять свою личную приемлемость в надежде на повышение ее благоприятности. Обнаруживается также и противоположность притязаниям, проявляющаяся в оценочных мнениях о том, какая работа или ее условия неприемлемы.

Для выявления составляющих занятости, имеющих личную значимость, по которым складываются притязания, было проведено интервью с работниками и руководителями первичного уровня с использованием вопроса «Что имеет значение при оценке приемлемости для Вас работы и удовлетворенности либо неудовлетворенности ею?». Вначале были собраны все высказанные субъективно значимые составляющие занятости, а затем проведено их коллективное обсуждение с окончательным отбором и составлением списка значимых, в который вошло 11 ее составляющих. Далее опрашиваемым было предложено выделить из них 3–4 наиболее значимых составляющих (значимость первого порядка) и проранжировать их. Также было предложено отметить среди оставшихся составляющих более значимые — значимость второго порядка, относя тем самым остальные к значимым третьего порядка. В результате исследования к числу значимых составляющих занятости отнесены: содержание трудовой деятельности (вид работы, функции и должностной статус); заработная плата; напряженность трудовой нагрузки; уровень требований к работе, контроль и ответственность за их выполнение; рациональность организации труда; стиль обращения со стороны руководства; поведение коллег и социально-психологический климат в коллективе; затраты времени на дорогу до места работы; производственная экология и безопасность труда; состояние технических средств труда. Выделены наиболее значимые составляющие, которые в списке представлены на четырех первых позициях (коэффициент конкордации Кендалла = 0,73, число экспертов $k = 43$, число показателей $n = 11$).

В субъективной оценке составляющих трудовой занятости проявлялась приемлемость одних и критичное отношение к другим (неудовлетворенность ими). В этой связи важной научной проблемой является объяснение их интеграции

в формировании результирующей оценки приемлемости либо неприятия определенной занятости в целом. Такого рода проблема вместе с тем касается принятия разного рода решений при противоречивости условий и ожидаемых результатов от их реализации, в том числе в условиях неопределенности. Для ее осмысления будет полезным учитывать явление компенсации отдельных отрицательных свойств занятости присущими ей положительными, а также нейтрализация этих отрицательных свойств представлениями об отсутствии реальной возможности иметь более благоприятную занятость. Так, нами раскрывались различные проявления компенсации. Например, был обнаружен случай, когда занятость при субъективно достойной оплате труда оценивалась работником как неприемлемая из-за высокого риска материальной ответственности по мало зависящим от него причинам. В другом случае лицо считало приемлемой трудовую занятость при заработной плате ниже субъективно допустимого предела за счет возможности минимизировать почти наполовину фактическое время работы с нахождением на рабочем месте.

В проведенном нами мысленном эксперименте с указанными респондентами было обнаружено следующее проявление компенсации. Им было предложено оценить свою готовность выполнять неприемлемую для них работу в зависимости от уровня заработной платы. Такая работа определялась опрашиваемыми индивидуально и из этических соображений в статье ее виды не указываются. При заработной плате на 15% выше имеющейся — никто из них не выразил такую готовность. Когда это предложение сочеталось с заработной платой на треть выше имеющейся у них, допустимость выполнять такую работу выразили 9%; при превышении заработной платы по сравнению с имеющейся на 50% — 21% допустили ее выполнение; при ее превышении в два раза — 84%, в три раза — 91%. Остальные заявили, что не стали бы ее выполнять ни за какую оплату.

Рассмотренная субъективная оценка имеющейся или возможной трудовой занятости на основе личных притязаний и связанных с ними ожиданий выражает ее ценностно-смысловое значение. Наряду с ней имеют место и иные проявления ее субъективной представленности, обуславливающие приемлемость либо неприятие. Такие составляющие теоретически определяются сложившимся в психологии уровневый подход к объяснению отражательно-регулятивной

психической деятельности и ее личностных детерминантов (более детально описано автором [21]). Он находит свое выражение в традиционной для современной отечественной психологии трактовке отражательно-регулятивной психической деятельности, как включающей когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты. Этот подход опирается на постулаты о том, что психическая деятельность, детерминирующая внешне проявляемую активность индивида (деятельность, социальное поведение, образ жизни, принимаемые решения и т.д.) охватывает явления сознания, подсознания и эмоциональной сферы, что выражается в осмыслении и расчете при принятии решений, эмоционально-оценочных явлениях, в обусловленности решений и действий чувственными отношениями, интуицией, привычками, стереотипами, психологическими барьерами и т.д. Мы считаем, что такого рода составляющие целесообразно обозначить как относящиеся к различным сферам (уровням) психической модальности, учитывая представленное в БСЭ толкование понятия «модальность» (от лат. *modus* — мера, способ), как способа существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления (онтологическая модальность) или же как способа понимания объекта, явления (гносеологическая модальность).

Также полагаем необходимым учитывать, что в психической регуляции деятельности и социального поведения человека проявляется различная степень его самостоятельности и податливости влияниям определенных лиц и информации. Последнее обусловлено актуализацией установки на «следование», что выражается в подчинении, конформности, подражании, соглашательстве, психологическом заражении.

В связи с отмеченным необходимо рассматривать субъективную представленность профессиональной занятости, которая определяет ее приемлемость–неприемлемость, охватывая, наряду с рассмотренной ценностно-смысловой составляющей, также и эмоциональную, и составляющую, проявляющуюся в связанных с трудом привычках, стереотипах, установках, диспозициях, барьерах, которые можно отнести к явлениям подсознания в их понимании в русле теорий установки Д.Н. Узнадзе, двух «систем» принятия решений Д. Канемана. Обратимся к их рассмотрению.

Эмоциональная представленность занятости выражает ее эмоциональную окрашенность, проявление эмоционального отношения к ней. Ее формирование в психическом мире личности

обусловлено фиксацией и интеграцией в памяти эмоциональных переживаний, связанных с работой и профессиональным взаимодействием, преобладающего эмоционального настроения в работе. Эмоциональная представленность занятости, способствующая ее приемлемости, выражается, в частности, в интересности работы и увлеченности ею, удовлетворенности ее результатами, оценкой руководством, материальными и моральными поощрениями, успешностью преодоления трудностей, самореализацией, взаимодействиями с коллегами и обслуживаемыми людьми, проявлением с их стороны уважения, признательности, поддержки, а также эмоциональной позитивностью эстетики условий труда. Эмоциональная представленность занятости может быть противоречивой, выражаясь в положительных впечатлениях об одних составляющих и отрицательных о других, а также преобладающе отрицательной, обусловленной фиксацией негативных эмоциональных впечатлений по определенным составляющим труда, происходящим событиям, нахождению в преимущественно в негативном эмоциональном настроении и напряжении с отрицательными ожиданиями, что приводит к психологическому выгоранию.

Приемлемость занятости на уровне подсознания (в указанном понимании его феноменологии) проявляется в ее привычности для личности, что имеет место при освоении процесса и условий работы. Привычность работы, коллектива (с возникновением дружеских отношений) и условий труда может порождать личностную идентификацию с ней, когда она становится частью жизни и собственного Я, выражаясь в субъективном значении «моя работа», «моя организация». Это обуславливает тяготение к ней, к контактам с коллегами, к нахождению в профессиональном статусе, включенности в трудовой процесс, в решение задач и преодоление трудностей и т.п. Такое тяготение к работе порождается не только ее освоенностью, но и преобладающей позитивностью эмоционального состояния субъекта, успешностью процесса и результатов труда, а также пройденным в организации трудовым путем с личным вкладом в совершенствование деятельности, преодоление трудностей, вызывающим личную гордость и уважение коллег.

Привычность определенной занятости, как правило, сочетается с наличием психологического барьера ее смены при неудовлетворенности отдельными составляющими. Этот барьер, как обнаружено в нашем исследовании, проявляется

как воздержание, уклонение от смены занятости при мысленном моделировании обретения более благоприятной. Психологический анализ совместно с респондентами такого барьера показал, что его вызывает неопределенность новых условий, опасения перемен и возможных проблем с адаптацией на новом месте работы, в отношениях с новым руководством, а также нежелание проявлять напряжение сил для адаптации к новому месту работы с преодолением возможных трудностей. Такой психологический барьер более явно обнаруживается у работников при приближении возраста выхода на пенсию. Логично считать, что он в большей мере присущ людям с повышенной ригидностью и тревожностью и в меньшей мере лицам, периодически менявшим место работы или должности. У некоторых из последних обнаруживается противоположное явление — им работа на одном месте через некоторое время (2–3 года) «надоедает» и они психологически готовы к ее смене при возникновении такой возможности или прилагая для этого усилия.

Рассмотрев основные стороны субъективной представленности трудовой занятости (ценностно-смысловую, эмоциональную и проявляющуюся в ее привычности), отметим, что они интегрируются в психике и определяют степень приемлемости занятости (или ее неприятие), которая порождает релевантную личную позицию в виде определенного намерения (стремления).

Для полноты объяснения личной позиции по трудовой занятости и упорядочения использования понятийного аппарата определим в ней место мотивации. В традиционном понимании мотивация выражает побуждение к осуществлению определенной активности (деятельности, поведения, взаимодействия), в том числе к принятию определенных решений, в частности, по занятости, выбору профессии. Побуждение имеет свое содержание, выражающее внутренние и внешние явления, которые его породили. Оно также обладает силой влияния в детерминации целенаправленной активности субъекта с затратами сил и волевой настойчивостью. Применительно к трудовой занятости можно выделить общую мотивацию труда и мотивацию трудиться по определенной профессии (специальности) в определенной должности, организации, условиях, т.е. мотивацию конкретной трудовой занятости. Общая мотивация труда у большинства людей обусловлена субъективной необходимостью (потребностью, ценностью) получения денег и иных средств для жизнеобеспечения, а также обладания желае-

мым социальным статусом трудящегося человека, самореализации в труде и возможные другие. Говоря об общей мотивации труда, необходимо отметить, что официальный труд для большинства людей имеет значение единственного (или основного) источника средств для материального обеспечения жизни и находящихся на иждивении людей. Такая его значимость определяет мотивационно-волевою готовность осуществлять работу с учетом своих умственных и физических возможностей, а также минимизацию личных притязаний к ней в случае дефицита рабочих мест, что выражает по сути ее вынужденную приемлемость. Если лицо имеет иной источник средств материального жизнеобеспечения, то труд может выступать либо средством удовлетворения потребностей в самореализации и статусе, в накоплении средств, либо представлять для лица ненужное бремя. В последнем случае мотивация включенности таких лиц в труд обусловлена понуждением близкими лицами или в силу правовой обязанности, например, выплачивать средства на содержание детей под угрозой юридической ответственности.

Мотивация конкретной трудовой занятости выражает в силу каких побуждений лицо имеет намерения сохранить, улучшить или сменить эту занятость и в этом проявляет личную позицию. Эти побуждения логично считать мотивацией личной позиции по трудовой занятости. Они непосредственно связаны с рассмотренной выше субъективной представленностью занятости, выражающейся в ее полной, преобладающей или противоречивой приемлемости либо в ее неприятии. Такие побуждения порождаются личными притязаниями к занятости с субъективной оценкой возможностей их удовлетворения, а также рассмотренными выше явлениями ее эмоциональной представленности и привычности, обуславливающими степень ее приемлемости либо неприятие.

Обратим внимание на еще одно явление, присущее личной позиции по трудовой занятости, которое выражается в удовлетворенности (либо неудовлетворенности) ее определенными составляющим и ей в целом. Удовлетворенность, как и неудовлетворенность, представляет эмоциональное переживание, порожденное субъективной оценкой соответствия занятости личным притязаниям, а также отмеченными выше иными сторонам ее субъективной представленности. В нашем исследовании обнаружено, что положительная оценка респондентами отдельных составляющих

занятости, выражающая удовлетворенность ими и занятостью в целом используется сдержаннее (реже), чем критическая, которая осознается более ясно и конкретно большинством респондентов. Этот факт можно объяснить тем, что условия труда, удовлетворяющие притязаниям, воспринимается как «нормальное» («должное», «обычное») явление и не вызывает позитивной эмоциональной реакции. Такая реакция возникает, как правило, при позитивных изменениях условий и в последствии угасает. На удовлетворенность (неудовлетворенность) условиями и иными явлениями трудовой занятости также влияют личностные черты (диспозиции), в качестве которых можно предположить: предрасположенность к позитивным или негативным переживаниям, оптимистичность–пессимистичность, доминирование мотивации достижения либо избегания, уровень самооценки, личностная тревожность, а также неблагоприятное функциональное состояние, проявляющееся в невротических симптомах, психологическом выгорании. При сочетании позитивной оценки (удовлетворенности) одними сторонами занятости и критической (неудовлетворенности) другими их интеграция в отношении к занятости в целом зависит от степени их субъективной выраженности, которая обуславливает степень их мотивирующего влияния.

Заключение. Обобщая описание психологической сущности личной позиции по трудовой занятости, проявляющейся в намерениях ее сохранения, улучшения или смены, отметим, что она включает отражательно-оценочную и мотивационно-целевую стороны, представляющие совокупность психических явлений личности, детерминирующих данные намерения. Ее системообразующая основа выражается в субъективной представленности занятости, охватывая ее индивидуально важные составляющие, содержание которой определяет ее личную приемлемость–неприятие. Такая представленность проявляется на разных уровнях психической модальности:

1) на ценностно-смысловом уровне — в виде представлений о занятости ей с субъективной оценкой с точки зрения личных притязаний, основанных на потребностях, личностных ценностях и убеждениях о необходимой и достойной работе, а также на представлениях о социальных возможностях занятости (социально-трудовых ожиданиях) и представлениях о личных возможностях ее осуществления (компетенции, способностях и иных);

2) на эмоциональном уровне, представляя эмоциональную окрашенность занятости, в которой

интегрирован преобладающий настрой в профессиональной деятельности, эмоциональные переживания, присущие связанным с ней событиям, включая переживания удовлетворенности–неудовлетворенности ею. При выборе занятости для трудоустройства (специальности для обучения) ее эмоциональная представленность проявляется в виде эмоциональных впечатлений при ознакомлении с ней непосредственно и/или опосредованно информацией и психологическими влияниями;

3) на установочно-деятельностном уровне, проявляясь в привычности профессиональной деятельности, коллектива, организации, а также в идентификации с деятельностью как частью своей жизни и своего Я, что при ее преобладающей позитивной эмоциональной окрашенности обуславливает потребность в ней, а также возникновение психологического барьера ее смены.

Субъективная представленность занятости на различных уровнях психической модальности интегрируется, выражаясь в ее преобладающей приемлемости (которая может иметь некоторую степень гармоничности–противоречивости) либо в ее неприятии, что определяет намерение по занятости (мотивацию принятия решения по ней), представляющее личную позицию. Такая субъективная представленность занятости также обуславливает степень удовлетворенности–неудовлетворенности ею.

Изложенная концептуальная модель психологической сущности позиции личности по профессиональной занятости с учетом ее типологии имеет практическое значение для ее персонализированного изучения при отборе работников, их профессиональной подготовки и воспитании, обеспечения профессиональной адаптации, правильного управленческого влияния, информационного и психологического сопровождения труда.

Дальнейшее развитие научного знания по проблеме профессиональной позиции личности предполагает объяснение ее сущности в отношении исполнения профессиональной деятельности, создание методики персонализированной диагностики, а также обоснования содержания ее воспитания.

Литература

1. Пастушеня, А.Н. Профессиональная позиция личности: основные стороны проявления / А.Н. Пастушеня // Право. Экономика. Психология. — 2024. — № 3(35). — С. 66–72.
2. Янчук, В.А. Социокультурно-интердетерминистская диалогическая перспектива позиционирования в психологическом многообразии // Психологическое знание:

Современное состояние и перспективы развития / В.А. Янчук; под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — С. 385–406.

3. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности: учебник / под ред. А.Я. Кибанова. — Москва: ИНФРА-М, 2019. — 524 с.

4. Токарева, Ю.А. Мотивация трудовой деятельности персонала: комплексный подход: монография / Ю.А. Токарева, Н.М. Глухенькая, А.Г. Токарев; Урал. федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина, Шадр. гос. пед. ун-т. — Шадринск: ШГПУ, 2021. — 216 с.

5. Херцберг, Ф. Мотивация к работе / Ф. Херцберг, Б. Моснер, Б. Снидерман. — М.: Вершина, 2007. — 240 с.

6. Токарева, Ю.А. Удовлетворенность трудом как фактор профессиональной и экономической эффективности / Ю.А. Токарева, Т.К. Коваленко, А.Г. Токарев // Scientia. Экономика. — 2016. — № 1. — С. 37–42.

7. Бюссинг, А. Мотивация и удовлетворенность / А. Бюссинг // Управление человеческими ресурсами; под ред. М. Пула, М. Уорнера. — СПб.: Питер, 2002. — С. 777–792.

8. Сидоров, К.Р. Концепт «уровень притязаний» в современной психологии / К.Р. Сидоров // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2014. — Вып. 2. — С. 40–50.

9. Тышковский, А.В. Социально-психологические основы формирования и реализации ожиданий в профессиональном выборе и карьере: дис. ... д-ра психол. наук: 19.00.05 / Тышковский Александр Иванович. — М., 1999. — 481 с.

10. Перов, Г.О. Социальный капитал и социально-трудовые ожидания выпускников ВУЗов на рынке труда: монография / Г.О. Перов, Н.Ф. Кузьменко, Д.И. Кудрявцев. — М.: Русайнс, 2017. — 128 с.

11. Курбет, Н.В. Акмеологические условия и факторы развития образа профессии у студентов политехнического колледжа: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Курбет Надежда Владимировна. — М., 2009. — 24 с.

12. Карпинский, К.В. Функциональная оптимальность личностного смысла профессии / К.В. Карпинский, Т.В. Гижук, Н.В. Кисельникова // Экспериментальная психология. — 2020. — Т. 13, № 1. — С. 171–183.

13. Рахманкулова, Г.Д. Смыслообразование в процессах профессионального самоопределения личности: автореф. дис. канд. психол. наук: 19.00.01 / Рахманкулова Гульнара Данияловна. — Барнаул: БГПУ, 2006. — 21 с.

14. Карпинский, К.В. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики: монография / К.В. Карпинский, А.М. Колышко. — Гродно: ГрГУ, 2010. — 139 с.

15. Здравомыслов, А.Г. Человек и его работа в СССР и после: учебное пособие для вузов. / А.Г. Здравомыслов, В.А. Ядов. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2003. — 485 с.

16. Слюсарянский, М. Отношение к труду и личность наемного работника / М. Слюсарянский // Власть. — 2012. — № 6. — С. 140–145.

17. Смирнов, П.С. Вовлеченность персонала: типы, уровни проявления и связи с практиками управления человеческими ресурсами / П.С. Смирнов // Организационная психология. — 2019. — Т. 9, № 1. — С. 81–95.

18. Шнейдер, Л.Б. Профессиональная идентичность: монография / Л.Б. Шнейдер. — М.: МОРС, 2001. — 272 с.

19. Занковский, А.Н. Психологическое исследование толерантности в организационно-профессиональной среде / А.Н. Занковский // Личность профессионала в современном мире. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН». — 2014. — С. 706–722.

20. Пастушеня, А.Н. Уровни психической регуляции социального поведения индивида и их учет в психологическом анализе преступления / А.Н. Пастушеня // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. — 2010. — № 2. — С. 152–156.

Поступила в редакцию 27.11.2024

Феномен алекситимии у детей, выросших в семьях с алкогольной зависимостью

Крестьянинова Т.Ю., Никитенко П.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматривается частота проявления феномена алекситимии у детей, выросших в семьях с алкогольной зависимостью.

Цель работы: сравнение уровня алекситимии у школьников из благополучных и дисфункциональных семей.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе ГУО «Средняя школа № 47 г. Витебска имени Е.Ф. Иванковского». Было обследовано 75 учеников 7–8 классов, 13,3% из которых постановлено на учет в социально опасное положение (СОП), в связи с алкогольной зависимостью родителей. Использовалась методика «Торонтская шкала алекситимии (TAS-20)», предназначенная для оценки четырех факторов: общий уровень алекситимии, трудность идентификации чувств (ТИЧ), трудность описания чувств (ТОЧ), внешне ориентированное мышление (ВОМ).

Результаты и их обсуждение. Выявлено, что школьники из семей, где алкогольная зависимость родителей часто связана с причинами постановки ученика в социально опасное положение, демонстрировали более высокий уровень алекситимии, по сравнению со сверстниками из благополучных семей. Трудность в идентификации чувств испытывали 64% учащихся в СОП, соответственно, трудность в описании чувств выявлен у 82%, внешне ориентированный тип мышления наблюдался у 18% школьников из семей с алкогольной зависимостью.

Заключение. У детей из семей с алкогольной зависимостью выявлен высокий показатель алекситимии, а также эмоциональная незрелость, характеризующаяся высоким уровнем напряжения, инфантильностью, вспыльчивостью в конфликтных и личностно значимых ситуациях, эмоциональной возбудимостью, лабильностью настроения с тенденцией к преобладанию сниженного, негативного фона.

Ключевые слова: алекситимия, семьи с алкогольной зависимостью, дисфункциональные семьи, эмоциональная незрелость, эмоциональный интеллект.

The Phenomenon of Alexithymia of Children Who Grew up in Families with Alcohol Addiction

Krestyaninova T.Yu., Nikitenko P.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article examines the frequency of the phenomenon of alexithymia of children who grew up in families with alcohol addiction. The purpose of the work: to compare the level of alexithymia of schoolchildren from well-off and dysfunctional families.

Material and methods. The study was conducted on the basis of the State Education Establishment "Secondary School № 47 of Vitebsk named after E.F. Ivanovsky". 75 seventh–eighth year pupils were examined, 13.3% of whom were registered in a socially dangerous situation due to their parents' alcohol addiction. The method "Toronto Alexithymia Scale (TAS-20)" was used, designed to assess four factors: the general level of alexithymia, the difficulty of identifying feelings (DIF), the difficulty of describing feelings (DDF), externally oriented thinking (EOT).

Findings and their discussion. It was revealed that schoolchildren from families where parental alcohol addiction is often associated with the reasons for student socially dangerous position (SDP) demonstrated a higher level of alexithymia compared with peers from well-off families. 64% of SDP students had difficulty identifying feelings, respectively, 82% had difficulty describing feelings, and 18% of students from families with alcohol addiction had an externally oriented type of thinking.

Conclusion. Children from families with alcohol addiction manifest a high rate of alexithymia, as well as emotional immaturity, characterized by a high level of tension, infantilism, short temper in conflict and personally significant situations, emotional excitability, mood lability with a tendency to the predominance of a reduced, negative background.

Key words: alexithymia, families with alcohol addiction, dysfunctional families, emotional immaturity, emotional intelligence.

Сегодня большое внимание уделяется психолого-педагогическому сопровождению детей, попавших в социально опасное положение (СОП). Часто причиной СОП является алкогольная зависимость родителей. По мнению В.Д. Москаленко,

зависимость — это болезнь семейная, что объясняется сложной взаимосвязью между зависимым и другими членами семьи. Аддиктивное поведение имеет биологический и социальный факторы. Зависимость может быть наследственной и пере-

даваться через поколения. Помимо этого, влияние окружения может способствовать развитию зависимости у нескольких членов семьи. Если зависим один, то остальные страдают психологически, и их состояние можно обозначить термином «созависимость».

Химическая и другие зависимости приводят к тому, что человек останавливается в своем эмоциональном и психологическом развитии, что приводит к ряду последствий, напоминающих поведение ребенка [1]. Люди, страдающие от зависимости, могут проявлять свою эмоциональную незрелость в том, что они используют свою аддикцию как способ справиться с трудностями, вместо того чтобы развивать здоровые механизмы регуляции и стратегии поведения. Семья с алкогольной и другими зависимостями создает эмоционально незрелую, инфантильную среду, препятствующую развитию эмоционального интеллекта ребенка.

Говоря об эмоционально зрелой личности, имеется в виду человек, который способен думать объективно и образно, а также поддерживать здоровые эмоциональные связи с другими людьми. Такие люди могут действовать независимо и поддерживать при этом глубокие социальные связи [2].

Человек, для которого эмоциональная незрелость — это часть структуры личности, демонстрирует определенные паттерны циклично. Эти паттерны могут быть неосознанными самим человеком и автоматическими. Встречается 4 типа эмоционально незрелых родителей:

1. Эмоциональные родители — такой тип характеризуется нестабильностью и непредсказуемостью. Родители полностью подвластны своим чувствам, их эмоции могут легко выйти из-под контроля. Любые небольшие неудачи воспринимаются как «конец света».

2. Одержимые родители — компульсивно-целеустремленный тип. Такие родители имеют собственное представление о том, как все должно быть правильно. Им нужно все доводить до совершенства, включая других людей.

3. Пассивные родители — родители такого типа кажутся более безобидными, чем другие типы, однако их поведение имеет свои негативные последствия. Они часто не хотят вмешиваться и остаются в тени более агрессивного и доминантного партнера. Данное поведение может приводить к тому, что пассивный родитель закрывает глаза на жестокое обращение со своим ребенком. Такому типу не хватает эмпатии для защиты детей.

4. Отвергающий родитель — это отстраненные, недоступные люди. Такой родитель не интересуется потребностями других членов семьи. Отвергающие родители хотят, чтобы их оставили в покое. Они отстраненные, но вместе с тем эмоционально взрываются, когда чувствуют, что их отвлекают родительскими обязанностями [2].

Концепция эмоциональной незрелости предполагает, что недостаточно развитые эмоциональные навыки и способы саморегуляции могут стать источником конфликтов и деструктивных отношений в семье. Эмоциональная незрелость может проявляться в неспособности эффективно управлять своими эмоциями, проявлять взрослую позицию в жизненных ситуациях, выстраивать здоровые границы и устанавливать конструктивные коммуникативные диалоги.

Одним из основных аспектов эмоциональной незрелости у зависимых людей является низкая самооценка. Такие люди чувствительны к критике, не способны брать ответственность за свои поступки и негативно влияют на детей. Это может создавать напряженную атмосферу в семье, приводить к конфликтам и осложнять конструктивное взаимодействие. Помимо этого, эмоциональная незрелость родителей может приводить к недостаточному участию в решении семейных проблем, неспособности обеспечить эмоциональную поддержку другим и нарушению коммуникации внутри семьи. Все это может усугублять семейные конфликты и затруднять процесс их разрешения.

Лица, имеющие химическую зависимость, часто проявляют нестабильные эмоциональные реакции, что приводит к непредсказуемому поведению. Это в свою очередь создает напряженную атмосферу в семье, способствующую конфликтам. Такие люди обычно не имеют навыков конструктивного разрешения споров, что отражается на детях. Дети зависимых родителей начинают адаптироваться к состоянию неопределенности и к неэффективным стратегиям поведения. Ребенок становится зависимым от эмоционального состояния родителя, что может приводить к конфликтам, когда ребенок пытается соотносить свои потребности с потребностями и ожиданиями взрослого.

Эмоционально незрелые люди могут не уметь справиться со стрессом и эмоциями эффективно, что делает их склонными к разного рода зависимостям. Такая форма поведения не решает проблему, а замедляет ее принятие и осознание. В свою очередь, эскапизм может препятствовать

развитию эмоционального интеллекта. Сталкиваясь с реальными эмоциями или социальными взаимодействиями, незрелые личности испытывают чувство страха и дискомфорта, что возвращает их к привычному способу избегания и покоя. Подобное избегание способствует накоплению проблем, что в конечном итоге приводит к конфликтным ситуациям.

Сталкиваясь с зависимой средой, у детей может формироваться алекситимия, неспособность осознать и описать свою эмоцию, что затрудняет процесс рефлексии и сказывается на качестве межличностных связей. Зависимые родители часто не способны адекватно выражать и демонстрировать свои эмоции, что формирует у ребенка искаженное понимание своих эмоций и их адекватное выражение. Недостаток эмоциональной поддержки приводит к игнорированию своих чувств и невозможности их распознавать. Также игнорирование проблем ребенка в пользу собственных проблем родителей приводит к формированию у него убеждения, что его эмоции не важны. Поскольку эмоционально незрелые родители не способны подавать пример здоровой модели взаимодействия, дети не учатся распознавать и управлять своими собственными чувствами.

Трудности в распознавании эмоциональных сигналов затрудняют понимание мотивации взрослых, что ведет к недопониманию и эскалации конфликтов. Кроме того, дети с алекситимией могут избегать конфликтов, а это приводит к увеличению частоты и интенсивности конфликтов.

Цель настоящей работы — сравнение уровня алекситимии у школьников из благополучных и из дисфункциональных семей.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе ГУО «Средняя школа № 47 г. Витебска имени Е.Ф. Иванковского». В исследовании приняло участие 75 обучающихся 7–8-х классов, 13,3% из которых поставлены на учет в социально опасное положение в связи с алкогольной зависимостью родителей. Для реализации цели исследования использовалась Торонтская алекситимическая шкала (TAS-20). Данная методика была адаптирована в НИИ им. Бехтерева и содержит в себе три аспекта алекситимии: трудности идентификации чувств (далее – ТИЧ), трудности с описанием чувств (далее — ТОЧ), внешне ориентированный тип мышления (далее — ВОМ) [3]. Шкала ТИЧ говорит о сложности с анализом своих чувств и способности к рефлексии. Под ТОЧ подразумевается сложность в вербализации

своих чувств. Склонность к объяснению своего эмоционального состояния через внешние события относят к ВОМ.

Результаты и их обсуждение. Посредством анализа результатов исследования можно сделать выводы о том, что у детей, находящихся в социально опасном положении наблюдаются более выраженные трудности по соответствующим шкалам алекситимии.

Низкий уровень алекситимии у детей из дисфункциональных семей наблюдается реже, чем у сверстников, на 18%. Высокий уровень алекситимии у детей из СОП был выявлен у 9% (1) и у 2% (1) детей из благополучных семей. В среднем у учеников в СОП процент низкого уровня алекситимии составляет 9% (1), а у остальных учеников 27% (17). Кроме этого, 17 обучающихся, не относящихся к СОП, с низким уровнем ТИЧ имеют также низкий уровень алекситимии, что свидетельствует о высоком уровне эмоциональной осведомленности и способности к саморегуляции.

Такую вариативность результатов у учеников из благополучных семей можно связать со множеством факторов: личностные особенности, эмоциональное состояние, семейная обстановка, возможные латентные проблемы. Наличие низкого уровня алекситимии у ученика, состоящим в СОП, можно отнести к тому, что у него могут присутствовать другие источники эмоциональной поддержки, наличие определенных личностных характеристик и стремлений, опыт вне дома, который позволяет ему лучше справляться с чувствами и развивать эмоциональные навыки.

Рассматривая трудность идентификации чувств, можно заметить, что у учеников в СОП процент низкого уровня ТИЧ в среднем составляет 36% (4), а у остальной части класса 55% (35). Также отмечается, что у учеников в СОП высокий уровень ТИЧ составляет 9% (1), в то время как у остальных высокого уровня по данному показателю выявлено не было. Это может говорить о том, что дети из благополучных семей лучше справляются с определением своих эмоций.

Изучая показатель ТОЧ, можно отметить, что у детей в СОП низкий уровень наблюдается у 18% (2), в то время как этот же уровень у их сверстников составляет 23% (15). Высокий уровень ТОЧ у детей из неблагополучных семей отсутствовал, в то время как у остальной части учеников он встречался в 5% случаев (3).

У 18% (2) обучающихся из неблагополучной семьи выявлен высокий уровень внешне

ориентированного мышления, у оставшихся детей высокий уровень выявлен у 14% (9), что на 4% ниже и представлено на рисунке ниже. Низкий уровень ВОМ был зафиксирован только у детей из благополучных семей, хотя и составляет 3% (2). Данные результаты могут свидетельствовать о том, что дети, состоявшие в СОП, в большей степени прибегают к внешне ориентированному типу мышления, они могут быть склонны сосредотачиваться на внешних факторах и обстоятельствах, а не на внутренних переживаниях.

Таким образом, при исследовании посредством TAS-20 более 70% обследованных школьников определены как «алекситимики» (74 и более баллов ТАС). Средний балл алекситимии в группе подростков из дисфункциональных семей был значимо выше, чем у подростков, не состоящих в СОП ($82,312 \pm 0,015$ и $70,141 \pm 0,048$, соответственно, $p=0,001$).

При корреляционном анализе связей TAS-20 выявлены сильные и значимые ($p<0,01$) позитивные связи СОП детей с глобальной оценкой алекситимии по TAS-20.

Таким образом, по результатам исследования можно отметить, что низкий уровень алекситимии у детей из благополучных семей фиксируется чаще, чем у детей в СОП. Процент низкого уровня ТИЧ у учеников СОП значительно ниже, чем у их сверстников. Это говорит о том, что они легче справляются с идентификацией чувств, что может быть связано с поддержкой извне и адаптивными навыками, которые они развивают в неблагоприятных условиях.

Однако высокий уровень ТИЧ, который также был зафиксирован у детей СОП, указывает на то, что определенный дефицит в благоприятных факторах, которые помогают преодолеть эти трудности, присутствуют. Трудности в описании чувств не являются критичными для данных респондентов.

Низкий уровень ТОЧ у детей из неблагополучных семей фиксировался реже, чем у их сверстников, однако высокого уровня у них выявлено не было. Высокий уровень ВОМ наблюдается у 18% обучающихся из неблагополучных семей и у 14% среди остальных детей. Это демонстрирует, что у детей в СОП может быть тенденция обращаться к внешним факторам и обстоятельствам вместо анализа своих глубинных переживаний. Низкий уровень ВОМ был выявлен только у детей из благополучных семей, что может свидетельствовать о склонности к рефлексии и самоанализу.

Такие результаты можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, дети из зависимых семей

могут иметь трудности в эмоциональной сфере из-за неблагоприятной семейной атмосферы, неопределенности, недостаточного внимания и заботы со стороны родителей. Эти и другие факторы могут сказываться на психологическом и эмоциональном состоянии ребенка, что может затруднить процесс выстраивания крепких и здоровых отношений с другими.

С другой стороны, дети из алкогольных семей могут вырабатывать у себя стратегии выживания и навыки приспособления к сложным ситуациям и условиям. Они могут обладать быстрым считыванием эмоциональных изменений другого человека, поскольку в своей семье им часто приходилось угадывать настроение зависимого родителя. Такие дети могут быть более адаптивными в нестабильных и конфликтных ситуациях, более общительными и изворотливыми.

Стоит отметить, что зависимая среда однозначно имеет последствия для детей, выросших в ней, однако определенная вариативность сценариев присутствует. Каждый случай индивидуален и результаты будут отличаться в зависимости от конкретной ситуации, характеристик ребенка и его родителей.

По мнению В.В. Николаевой, также существует связь феномена алекситимии с особенностями психологической саморегуляции. При этом она опирается на концепцию смысловых образований личности [4]. Важный источник психологической устойчивости, свободы и саморазвития личности — это рефлексия, которая позволяет осознать смысл собственной жизни и деятельности. Именно дефицит рефлексии является основной характеристикой этого феномена. Алекситимик не может управлять своими побуждениями, гибко перестраивать их. В процессе онтогенетического развития потребность в саморегуляции может оказаться несформированной, в результате реализация актуальных потребностей становится невозможной, что, в свою очередь, может приводить к изменению соматического состояния. В структуре алекситимии три основных компонента, каждому из которых свойственна дефицитарность: структура эмоциональной сферы, когнитивная сфера, особенности личности [4]. Нам видится следующая схема формирования феномена алекситимии (рисунок 1).

Эмоционально незрелые люди часто плохо сопротивляются стрессу и могут остро реагировать по незначительному поводу. Слабая эмоциональная регуляция у взрослых приводит к низкому эмоциональному интеллекту, что затрудняет

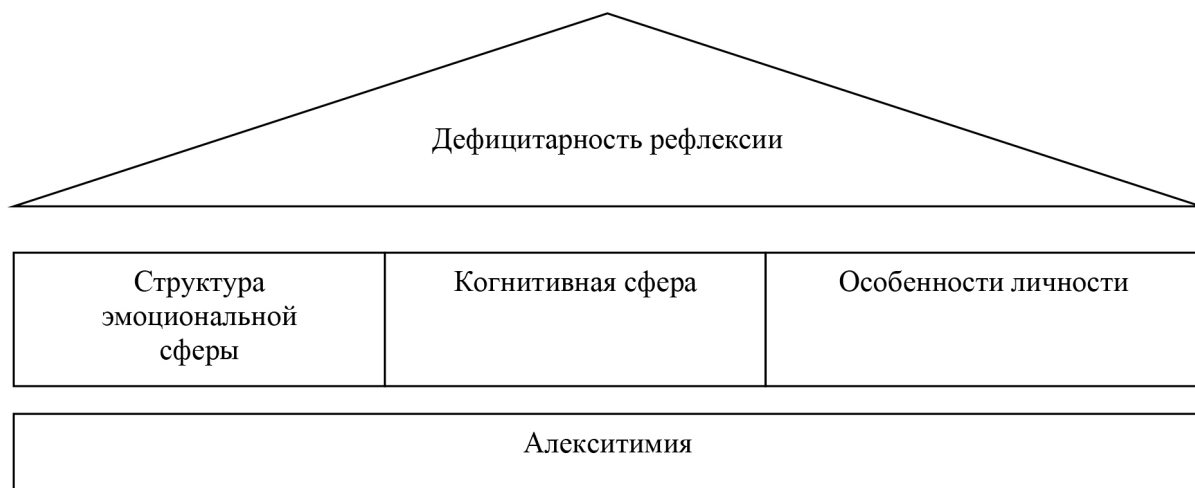

Рисунок 1 – Схема формирования феномена алекситимии

поиск эффективного решения проблем и препятствует здоровому общению [5].

Чтобы отношения были крепкими, должен присутствовать баланс «брать–давать». При инфантильном складе личности человек стремится получать больше, чем он способен дать в ответ. Такая позиция становится причиной недовольства между членами семьи, способствуя развитию конфликтных ситуаций и споров [6–8].

Заключение. Таким образом, у детей из семей с алкогольной зависимостью выявлен высокий показатель алекситимии, а также эмоциональная незрелость, характеризующаяся высоким уровнем напряжения, инфантильностью, вспыльчивостью в конфликтных и личностно значимых ситуациях, эмоциональной возбудимостью, лабильностью настроения с тенденцией к преобладанию сниженного, негативного фона.

Литература

1. Москаленко, В.Д. Зависимость: семейная болезнь / В.Д. Москаленко. — М.: Ин-т консультирования и системных решений, 2021. — 10-е изд., стереотип. — 356 с.
2. Взрослые дети эмоционально незрелых родителей: как научиться ценить себя и наладить отношения с родителями / Линдси К. Гибсон; пер. с англ. Е. Терещенковой. — Н. Новгород: Изд-во Елены Терещенковой, 2018. — 275 с.
3. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных / Е.Г. Старостина, Г.Д. Тэйлор, Л.К. Квилти [и др.] //

Социальная и клиническая психиатрия. — URL: https://psychiatr.ru/files/magazines/2010_12_scp_177.pdf (дата обращения: 25.01.2025).

4. Проблема алекситимии в контексте медико-психологических исследований. Часть 1. Содержательные характеристики феномена алекситимии в контексте психических и соматических нарушений / Е.Ю. Брель, И.Я. Стоянова, М.О. Чеканова [и др.] // Медицинская психология в России. — 2019. — Т. 11, № 4(57). — URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 13.02.2025).

5. Буторин, Г.Г. Невропатология и психический инфантизм как преимущественные расстройства в детском возрасте / Г.Г. Буторин, В.И. Долгова // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. — 2016. — № 4(134). — С. 67–74.

6. Гребенникова, В.М. Социальная инфантильность родителей как фактор формирования отклоняющихся моделей поведения детей / В.М. Гребенникова, Е.Ю. Руденко // Международный научно-исследовательский журнал. — 2018. — № 1(67). — С. 106–114.

7. Крестьянинова, Т.Ю. Содержательные и динамические характеристики рефлексии участников групп взаимопомощи для лиц с алкогольной аддикцией: монография / Т.Ю. Крестьянинова, Ю.Н. Торчило; М-во образования Респ. Беларусь, Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». — Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2024. — 159 с. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/42752>.

8. Косареvская, Т.Е. Взаимосвязь детско-родительских отношений и эмоционального состояния дошкольника / Т.Е. Косареvская, И.В. Молочко // Право. Экономика. Психология. — 2019. — № 4(16). — С. 85–90. — URL: <https://rep.vsu.by/handle/123456789/19504>.

Поступила в редакцию 20.02.2025

Особенности представлений женщин о качествах матери

Киричик Е.С.

Государственное учреждение «Брестский областной центр медицинской реабилитации
для детей с психоневрологическими заболеваниями "Тонус"»

Рассмотрено понятие качеств матери как индивидуально-личностных характеристик, влияющих на развитие личности женщины, взаимоотношения с ребенком и ближайшим окружением. Обозначена связь образа матери и ее возраста, возраста ребенка, что определяет новизну проведенного исследования.

Цель статьи – выявление представлений женщин, имеющих детей, о желаемых и нежелательных качествах матери.

Материал и методы. Была использована методика «Самооценка качеств матери». Матерям предлагалось составить список из десяти положительных и десяти отрицательных качеств, которые могут быть присущи любой матери. Обработка результатов методики проводилась посредством контент-анализа.

Результаты и их обсуждение. Описаны результаты эмпирического исследования представлений женщин-матерей, имеющих детей младенческого, раннего и дошкольного возраста, о желательных и нежелательных качествах матери. Содержание образа матери включает качества, которые относятся к двенадцати сферам, и подразделяются на положительные и отрицательные. Среди идеальных качеств преобладают качества, относящиеся к эмоциональной сфере и сфере взаимодействия с ребенком. Для матерей младенцев наиболее ценными являются нравственные качества, качества, обеспечивающие эффективное общение с ребенком и его воспитание, а также забота матери о себе; для матерей детей раннего возраста – умения внимательного отношения к ребенку, понимания ребенка, умения регулировать свои эмоции и поведение; для матерей дошкольников важны качества восприимчивости и чувствительности к ребенку, эмоциональности в отношениях с ним, удовлетворенность собой, своей внешностью и ролью хозяйки. Проанализированы взаимосвязи представлений женщин о качествах матери во взаимосвязи с их возрастом.

Заключение. Использование методики «Самооценка матери» позволило проанализировать представления женщин о материнстве, их требования к качествам «хорошей» матери, характеристики нежелательных качеств матери. В работе продемонстрирована взаимосвязь возраста матери, возраста ребенка и содержания представлений о качествах матери. Определены существенные различия в осознании себя матерями, имеющими детей разного возраста. Доказана взаимосвязь возраста женщины и ее представлений о материнстве.

Ключевые слова: материнство, самосознание матери, качества матери, представления о положительных качествах матери, представления об отрицательных качествах матери.

Peculiarities of Women's Ideas about the Qualities of a Mother

Kirichik E.S.

State Institution "Brest Regional Center for Medical Rehabilitation
of Children with Psychoneurological Diseases «Tonus»"

The concept of maternal qualities is considered as individual and personal characteristics of a mother that affect the development of a woman's personality, relationship with the child and the immediate environment. The relationship between the image of the mother and her age, the age of the child, is indicated, which determines the novelty of the study.

The purpose of the article is to identify the ideas of women with children about the desired and undesirable qualities of a mother.

Material and methods. The method of "Self-assessment of the qualities of a mother" was used. The mothers were asked to make a list of ten positive and ten negative qualities that can be inherent in any mother. The results of the methodology were processed through content analysis.

Findings and their discussion. The results of an empirical study of the ideas of women mothers with children of infant, early and preschool age about the desirable and undesirable qualities of the mother are described. The content of the mother's image includes qualities that belong to the twelve spheres, and are divided into positive and negative qualities. Among the ideal qualities, qualities related to the emotional sphere and the sphere of interaction with the child prevail. For mothers of infants, the most valuable are moral qualities, qualities that ensure high-quality communication with the child and his upbringing, as well as the mother's self-care; for mothers of young children, the skills of attentive attitude to the child, understanding the child, the ability to regulate their emotions and behavior; for mothers of preschoolers, the qualities of receptivity and sensitivity to the child are important, emotionality in a relationship with him, satisfaction with himself, his appearance and the role of hostess. The interrelationships of women's ideas about the qualities of a mother in relation to their age are analyzed.

Conclusion. The use of the “Mother’s self-assessment” technique made it possible to analyze women’s ideas about motherhood, their requirements for the qualities of a “good” mother, and the characteristics of undesirable qualities of a mother. The paper demonstrates the relationship between the age of the mother, the age of the child and the content of ideas about the qualities of the mother. Significant differences in self-awareness among mothers with children of different ages have been identified. The relationship between a woman’s age and her ideas about motherhood is proved.

Key words: motherhood, mother’s self-awareness, mother’s qualities, ideas about the positive qualities of the mother, ideas about the negative qualities of the mother.

В исследованиях материнства особое значение приобретает разработка проблем осознанного отношения женщины к самой себе, к социальной роли матери, к построению благоприятных отношений со своим ребенком. В свою очередь, разработка этих вопросов приводит к проблеме самосознания матери, так как феномен материнства отражается в виде образа матери, и формируется представление о материнстве [1]. Концептуальные представления о материнстве лежат в плоскости обеспечения матерью условий для развития ребенка и выступают частью ее личностной сферы, в том числе содержания ее самосознания [2].

Представления о нормативных качествах матери (положительных и отрицательных) являются критерием направленности личности, ориентиром, указывающим на то, какой женщина стремится быть. Такие представления определяют крайние точки, полюса, пределы развития женщины как матери. Представления, которые запечатлены в самосознании человека в виде образцов поведения, сложившихся норм и правил, системы значений можно назвать идеальным Я, определяющим желаемые качества в себе и других, оцениваемые как положительные. Представления о нежелательных качествах, оцениваемые как отрицательные, также являются идеальными, они определяют черту, предел желаемого поведения. Представления об идеальных качествах существуют как стимулирующие знаки культуры, посредством которых строятся и в последующем изменяются формы поведения человека, в том числе являются значимым фактором поведения матери [3].

Исследований, посвященных изучению образа матери, встречается немного. В теориях материнства определяются качества и функции матери. В рамках психоаналитического подхода выдвигается положение о том, что содержание образа матери связано с удовлетворением матерью потребностей ребенка [4]. В теории Дж. Боулби центральным является понятие привязанности: привязанность становится основной целью

детско-материнского взаимодействия, условием достижения которой является стремление матери устанавливать с ребенком теплые и любящие отношения [5]. В рамках подхода Е. Бадинтер и М. Мид сделан акцент на культурной обусловленности поведения и качеств матери [6; 7].

Представление о «достаточно хорошей матери» описано в трудах Д. Винникотта. Понятие «достаточно хорошая мать» не равно «идеальная мать» — это мать, которая реализует свои материнские функции ровно настолько, насколько она может, обеспечивая адекватную среду, удовлетворять потребности ребенка [8].

В исследовании Е.И. Исениной выделяются два вида базовых качеств матери: качества матери как субъекта общения, связанные с личностным отношением к ребенку (Я–Ты), и качества матери как субъекта обучения, характеризующие отношение матери к миру (Я–Мир) [9]. Н.В. Самоукина трактует образ матери как проект, который складывается в период беременности из детских воспоминаний матери, взрослых впечатлений, ожиданий, желаний и стремлений женщины и включает в себя культурные нормы, внутреннюю жизнь и поведение ребенка [10].

Анализ представлений о материнстве, нашедших отражение в пространстве интернет-форумов, был осуществлен А.В. Микляевой и П.В. Румянцевой. Установлено, что содержание представлений о материнстве определяется противоречивостью ожиданий от матери — это не только позитивные представления, но также малоосознаваемые, противоречивые ожидания от материнской роли. Авторы описывают противоречия, несущие потенциал конфликтности в межличностных отношениях, которые в первую очередь затрагивают сферу взаимоотношений матери с детьми, взаимодействия с мужем, сферу профессиональной самореализации женщины [11].

Исследование представлений об образе материнства было проведено Е.В. Пономаревой, в котором в качестве испытуемых выступали и мужчины и женщины, имеющие и не имеющие детей.

Было установлено, что на содержание образа материнства влияют такие социальные характеристики, как пол, возраст и потребности человека. Главным в образе материнства для всей выборки испытуемых оказалось отношение матери к своему ребенку, ее любовь, забота, отзывчивость, понимание, доброта, разумная строгость [12].

Особый интерес вызывает исследование нормативных моделей материнства С.В. Трушкиной. Автор изучала представления матерей (социально благополучных и неблагополучных), имеющих детей раннего возраста. Качественный анализ содержания бесед позволил описать пять нормативных моделей материнства: педагогическая, партнерская, психологическая, феминная и жертвенная. Содержательные различия между ними относились к особенностям представлений женщин о «нормальной» матери, о «нормальном» ребенке раннего возраста и о «нормальных» материнско-детских отношениях [13].

Само понятие качеств матери Е.И. Исениной рассматривается в плоскости их значимости для развития ребенка [9]. Качества матери мы предлагаем рассматривать как личностные характеристики матери, обусловленные индивидуальными, семейными, социокультурными онтогенетическими факторами. Качества матери обуславливают особенности самосознания матери, ее личностного развития, влияют на взаимоотношения с ребенком, с семьей и социумом в целом. Образ матери, ее качества изменяются с увеличением возраста матери, возраста ребенка, опыта материнства. На каждом возрастном этапе развития ребенка задачи и функции материнства обновляются [14]. В связи с этим особую актуальность приобретает исследование представлений о материнстве.

Цель статьи — выявление представлений матерей о желаемых и нежелательных качествах матери.

Материал и методы. В нашей работе мы исследовали те качества, которые определяются как желаемые (желательные) и как нежелательные, то есть такие, которые должны быть и не должны быть у хорошей (идеальной) матери. Нами разработана методика «Самооценка качеств матери»: респондентам предлагалось составить список из десяти положительных и десяти отрицательных качеств, которые могут быть присущи любой матери. Данный список качеств — это представления о том, какой должна и не должна быть мать (идеальный образ матери, включающий желаемые и нежелательные качества). Обработка результатов методики проводилась посредством контент-анализа содержания

названных респондентами качеств, что дает информацию об идеальном образе матери, на который она ориентируется в отношениях к себе и к своему ребенку.

В исследовании приняли участие 228 женщин в возрасте от 20 до 46 лет (средний возраст 30,7 лет): 1) матери, имеющие детей от 0 до 1 года (76 женщин); 2) матери, имеющие детей от 1 года до 3 лет (77 женщин); 3) матери, имеющие детей от 3 до 7 лет (75 женщин).

Результаты и их обсуждение. Посредством контент-анализа были проанализированы 4304 качества матери: 2220 положительных (730 качеств матерей младенцев, 750 качеств матерей детей раннего возраста, 740 качеств матерей дошкольников) и 2084 отрицательных качеств (728 качеств матерей младенцев, 616 качеств матерей детей раннего возраста, 740 качеств матерей дошкольников).

Определены качества, которые наиболее часто встречаются в ответах матерей. На основании их перечня составлены словесные портреты матерей детей разных возрастов. В перечни качеств включались только те качества, которые встречались не менее чем у 10% матерей. Словесный портрет представлен в таблице 1.

Большинство качеств повторяется всеми матерями вне зависимости от возраста детей, но есть различия в порядке их предъявления, который указывает на представленность и значимость данных качеств у матерей, имеющих детей разного возраста. Среди женщин по всей выборке положительные качества матери, которые встречаются чаще всего, — это «заботливая», «добрая», «любящая», «терпеливая». Для матерей младенцев «забота», «доброта» стоят на первом месте, для матерей детей раннего и дошкольного возраста — «доброта» и «любовь» (идеальные представления о положительных качествах). Желаемые качества, которые часто встречаются только среди матерей младенцев, — «поддержка» и «защита», среди матерей детей раннего возраста — «уважение» и «отзывчивость», среди матерей дошкольников — «принятие».

Среди матерей всей выборки нежелательные качества матери, которые встречаются чаще всего — это «безразличная», «раздражительная», «агрессивная», «злая». Нежелательные качества, которые часто встречаются только среди матерей младенцев — «постоянная критика» и «тревожность», среди матерей детей раннего возраста — «вредные привычки», среди матерей дошкольников — «физические наказания».

Таблица 1 — Сравнительный анализ портретов идеальной матери по возрастам детей (положительные качества матери)

Представления о положительных (желаемых, должных) качествах матери		
Мать должна быть		
Младенческий возраст	Ранний возраст	Дошкольный возраст
Заботливая	Добрая	Добрая
Добрая	Любящая	Любящая
Терпеливая	Терпеливая	Заботливая
Внимательная	Заботливая	Внимательная
Любящая	Внимательная	Терпеливая
Уравновешенная	Понимающая	Ласковая, нежная
Поддерживающая	Уравновешенная	Понимающая
Понимающая	Ласковая, нежная	Уравновешенная
Ласковая, нежная	Веселая	Ответственная
Умная	Ответственная	Умная
Ответственная	Уважающая	Принимающая
Веселая	Отзывчивая	
Защищающая		
Представления об отрицательных (нежелательных) качествах матери		
Мать не должна быть		
Безразличная	Безразличная	Безразличная
Раздражительная	Раздражительная	Злая
Агрессивная	Агрессивная	Раздражительная
Постоянная критика	Злая	Агрессивная
Безответственная	Безответственная	Физические наказания
Эгоистичная	Эгоистичная	Безответственная
Злая	Жестокая	Гиперопека
Ленивая	Вредные привычки	Ленивая
Гиперопека	Гиперопека	Грубая
Тревожная	Грубая	Эгоистичная

Примечание. Серым цветом выделены качества, часто встречающиеся только в этой возрастной группе.

Выделенные высказывания были объединены по признакам синонимичности в 130 категорий, которые были обобщены в соответствии со смысловой нагрузкой в 12 сфер. Каждая из сфер отражает представления о положительных и отрицательных качествах матерей в целом и представления о желаемых и нежелательных качествах матери: о внешности и психофизических качествах матери (ВК); о когнитивных качествах матери (КК); об эмоциональных качествах матери (ЭК); о эмоционально-волевых качествах (ЭВК); о нравственно-моральных качествах матери (НМК); о творческих качествах (ТК);

об отношении женщины-матери к себе (ОС); о матери как хозяйке (КХ); о качестве взаимодействия и общения с ребенком (ВОР); о способах воспитания и обучения ребенка (ВоспР); об отношениях с другими (ОД); об отношении матери к материальной стороне реальности (МК).

Каждая из сфер включает различное количество категорий: от 2 до 31. Наиболее дифференцированная сфера — это сфера, отражающая представления о качестве взаимодействия с ребенком и общения с ним (31 категория), на втором месте — сфера, включающая нравственно-моральные понятия (21 категория),

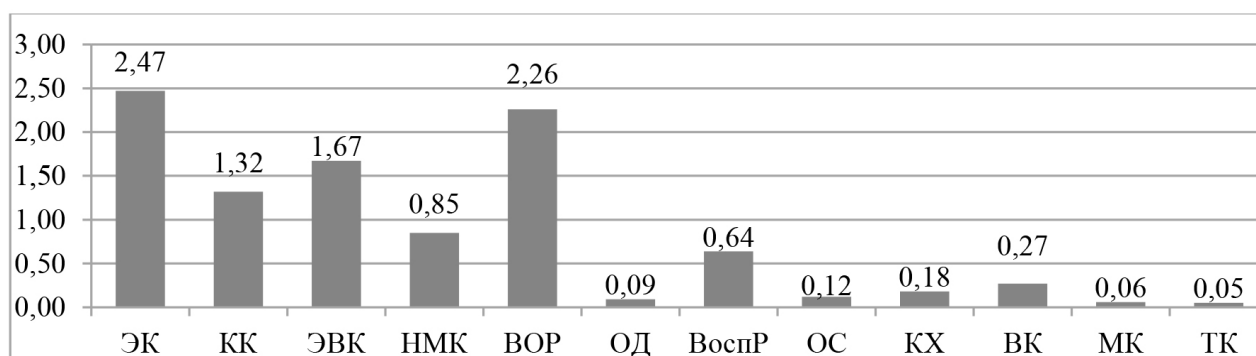

Рисунок 1 — Представления об идеальных положительных качествах матерей, средние значения частоты встречаемости

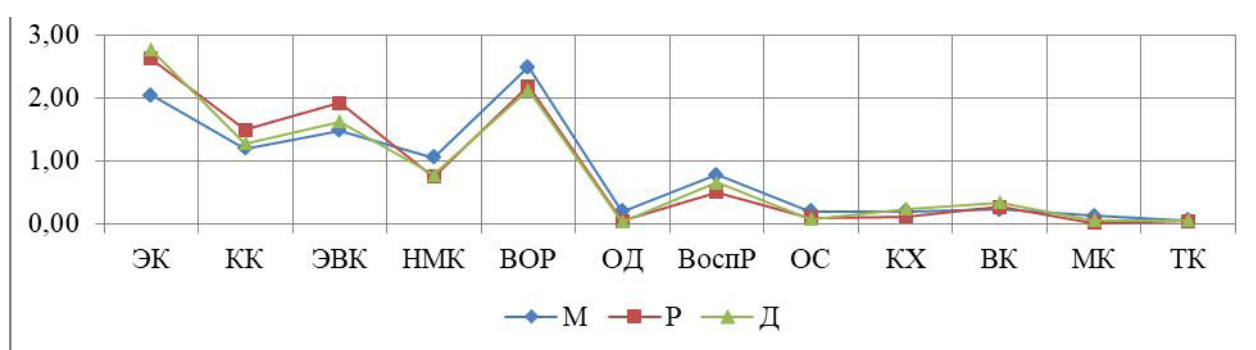

Рисунок 2 — Частота встречаемости представлений о положительных качествах матерей, имеющих детей разного возраста, средние значения

на третьем месте — сфера, отражающая представления о воспитании и обучении ребенка (16 категорий), сфера эмоциональных качеств матери (15 категорий) и сфера эмоционально-волевых качеств (13 категорий). Для каждой выделенной категории была определена частота ее упоминаний матерями, относительно общего количества названных качеств.

Представления о положительных (должных, желаемых) качествах матери. Наибольшее число представлений о положительных качествах матерей у всех участниц исследования (рисунок 1) составляют эмоциональные качества матери («добрая», «веселая») и качества взаимодействия и общения с ребенком («защита», «поддержка», «забота»), на втором месте по частоте — эмоционально-волевые качества («уравновешенная», «терпеливая») и когнитивные качества («умная», «внимательная»), на третьем месте — нравственно-моральные качества матери («ответственная», «воспитанная») и качества, необходимые для

воспитания и развития ребенка («развивает ребенка», «устанавливает правила»).

Посредством использования методов математической статистики (ранговая корреляция Спирмена) выявлена прямая корреляционная связь представлений о положительных качествах матери с возрастом матери ($r_s=0,161$; $p=0,017$): чем старше мать, тем чаще в ее понимании в идеальный образ матери включаются эмоционально-волевые качества. Среди перечня представлений о положительных качествах матери, названных матерями, имеющих детей разного возраста, выявлены различия. На рисунке 2 представлены результаты анализа частоты положительных качеств матерей, названных респондентами, в зависимости от возраста их детей.

Статистические расчеты значимости различий между группами матерей по критерию Крускала–Уоллиса представлены в таблице 2. Эмоциональные качества матери называются чаще матерями дошкольников, а реже всего — матерями младенцев,

Таблица 2 — Значимость различий частоты представлений о положительных качествах матери между группами матерей детей разного возраста

Представления о положительных качествах	χ^2	p
Представления об эмоциональных качествах матери	11,573	0,003**
Представления о эмоционально-волевых качествах	6,108	0,047*
Представления о качествах, проявляющиеся в отношениях с другими людьми	10,595	0,005**
Представления об отношении матери к материальной стороне реальности	6,28	0,043*

различия по данной категории подтверждены статистически.

Выявлены также статистически значимые различия (критерий Манна–Уитни) частоты встречаемости положительных качеств между матерями младенцев и детей раннего возраста ($U=2144,5$; $p=0,020$); между матерями младенцев и дошкольников ($U=1858$; $p=0,001$). Выявлена прямая корреляционная связь возраста детей и количества названных положительных эмоциональных качеств матери ($r_s=0,221$; $p=0,001$). Это означает, что чем старше ребенок, тем чаще женщины в своих высказываниях о хорошей матери называют эмоциональные качества.

Представления об идеальных когнитивных качествах матери чаще присутствуют в высказываниях матерей, имеющих детей раннего возраста, немного реже — у матерей младенцев. Статистически значимые различия выявлены между группами матерей, имеющих детей младенческого и раннего возраста ($U=2235$; $p=0,041$).

Представления о положительных эмоционально-волевых качествах матери также чаще присутствуют в высказываниях матерей детей раннего возраста, реже — матерей младенцев. Статистически значимые различия выявлены как по критерию Крускала–Уолиса (таблица 2), так и по критерию Манна–Уитни ($U=2125$; $p=0,014$).

Представления о нравственно-моральных качествах чаще называются матерями детей младенческого возраста, по сравнению с матерями более старших детей. Выявлена обратная связь представлений о положительных нравственно-моральных качествах и возраста ребенка ($r_s = -0,147$; $p=0,029$): чем старше ребенок, тем меньше упоминаний матери о положительных нравственно-моральных качествах.

Представления о качествах матери во взаимодействии и общении с ребенком чаще встречаются у матерей младенцев, а реже — у матерей дошкольников. Статистически значимые различия выявлены между высказываниями матерей

младенцев и детей раннего возраста ($U=2429,5$; $p=0,028$), между высказываниями матерей младенцев и дошкольников ($U=2328$; $p=0,005$).

Положительные качества матери, необходимые для продуктивного общения с другими людьми (с мужем, с семьей, с близкими, с родственниками и др.), чаще указывали матери младенцев по сравнению с матерями детей раннего и дошкольного возраста. Выявлены статистически значимые различия между матерями по возрасту детей (таблица 2), а также между представлениями матерей младенцев и матерей детей раннего возраста ($U=2429,5$; $p=0,028$); между представлениями матерей младенцев и дошкольников ($U=2328$; $p=0,005$). Чем старше ребенок, тем меньше матери идеализируют положительные качества, необходимые для общения и взаимодействия с другими людьми ($r_s = -0,206$; $p=0,002$).

Положительный образ матери как о хозяйке чаще встречается у матерей дошкольников, а реже — у матерей раннего возраста. Различия статистически значимы ($U=2443,5$; $p=0,037$).

Представления о положительных качествах внешности матери чаще называют матери детей дошкольного возраста, а реже — матери младенцев.

Представления о качествах матери, связанные с ее отношением к материальной стороне реальности, чаще встречаются в высказываниях матерей младенцев, а реже — у матерей детей раннего возраста ($U=2473,5$; $p=0,014$).

Представления об отрицательных (нежелательных) качествах матери. Наибольшая доля высказываний матерей об отрицательных качествах матери относится к эмоциональным качествам, таким как «злая», «тревожная», «холодная», «плаксивая», «скучная», «не любит», а также к представлениям о качествах взаимодействия и общения матери и ребенка: «грубая», «кричит», «не общается с ребенком», «игнорирует», «манипулирует» и др. На втором месте по частоте встречаемости — представления об отрицательных эмоционально-волевых качествах:

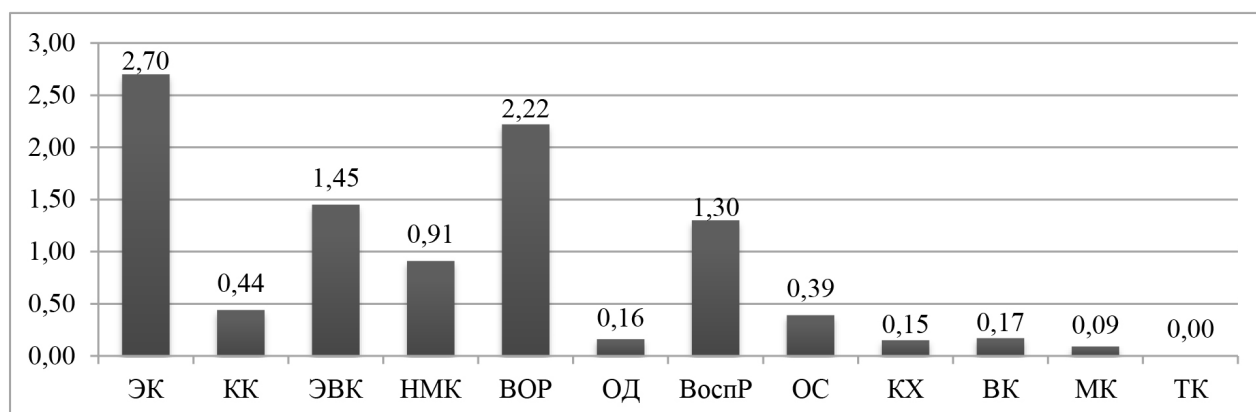

Рисунок 3 — Представления об отрицательных качествах матери, среднее значение частоты встречаемости

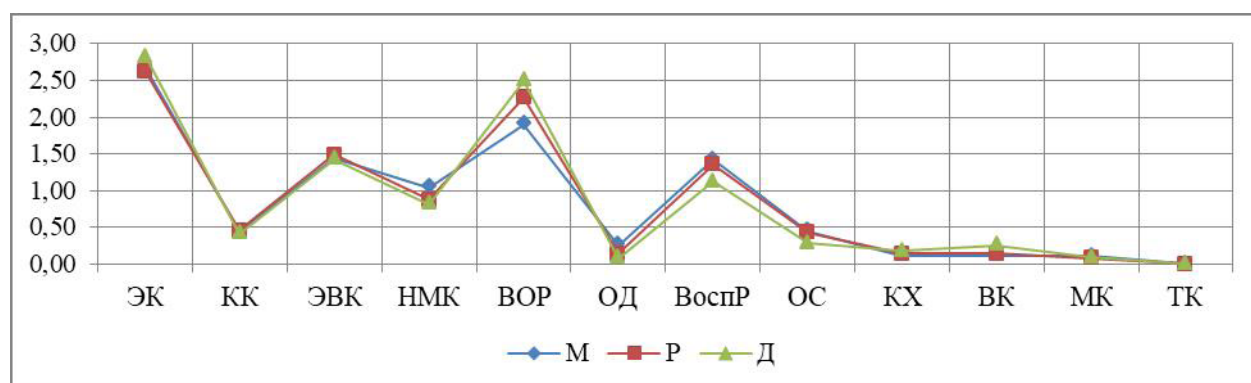

Рисунок 4 – Частота встречаемости представлений об отрицательных качествах матерей, имеющих детей разного возраста, средние значения

«импульсивная», «инфантильная», «несдержанная», «упрямая», «раздражительная» и др., а также представления о способах воспитания и развития ребенка: «диктатура», «повышенный контроль», «гиперопека», «детоцентризм», «строгость», «не занимается с ребенком». На третьем месте — когнитивные качества: «невнимательная», «глупая», «необразованная», «ограниченная», «безграмотная» и др., а также представления женщины об отношении к себе: «эгоизм», «нарциссизм», «самоедство». На рисунке 3 представлены результаты анализа частоты встречаемости категорий представлений об отрицательных качествах матери.

По критерию Манна–Уитни выявлены значимые различия частоты указания отрицательных эмоциональных качеств в зависимости от возраста матерей ($\chi^2=11,767$; $p=0,019$). Установлены корреляционные связи возраста матери и представлений об отрицательных эмоциональных

качествах матери ($r_s = -0,194$; $p=0,004$) и отрицательных эмоционально-волевых качествах ($r_s=0,149$; $p=0,027$): чем старше женщина, тем реже она упоминает отрицательные эмоциональные качества матери и чаще говорит о важности отсутствия отрицательных эмоционально-волевых качеств.

На рисунке 4 показано количество (средние значения) представлений об отрицательных качествах матери, в зависимости от возраста их детей.

Обнаружена прямая корреляционная связь встречаемости представлений об отрицательных качествах, проявляющихся во взаимодействии с ребенком ($r_s=0,151$; $p=0,024$), и обратная корреляционная связь возраста ребенка и частоты встречаемости качеств, проявляющимся в отношениях с другими людьми ($r_s = -0,135$; $p=0,045$). Эти связи означают, что чем старше ребенок, тем женщины более требовательны к качествам

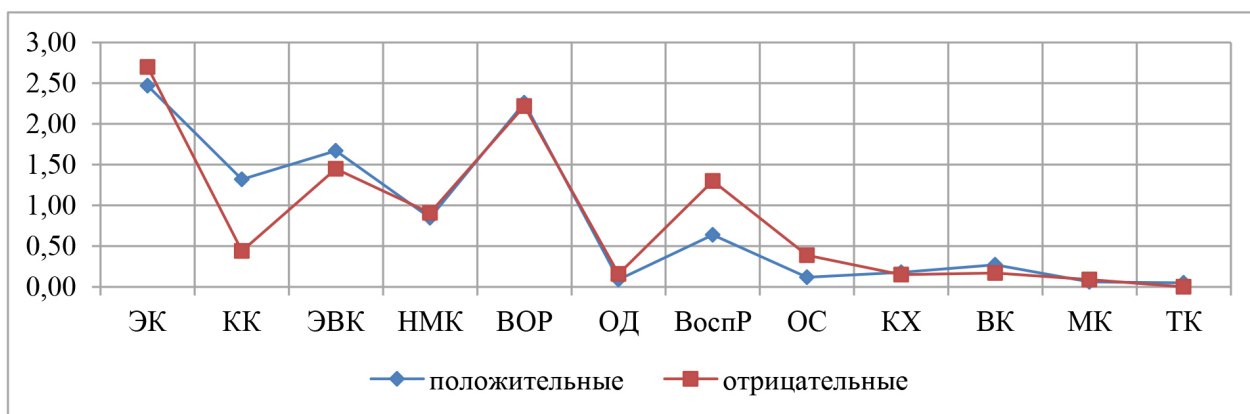

Рисунок 5 — Представления о положительных и отрицательных качествах матерей; средние значения частоты встречаемости

матери, проявляющихся в отношениях с ребенком, и тем реже уделяют внимание качествам, проявляющимся в отношениях с другими людьми. На рисунке 5 представлены сравнительные данные частоты встречаемости представлений о положительных и отрицательных качествах матерей.

По результатам корреляционного анализа выявлены значимые корреляционные связи между частотой встречаемости следующих положительных и отрицательных качеств: эмоциональные ($r_s=0,225^{**}$; $p=0,001$), эмоционально-волевые ($r_s=0,200^{**}$; $p=0,003$), взаимодействие и общение с ребенком ($r_s=0,324^{**}$; $p=0,000$), отношений с другими ($r_s=0,318^{**}$; $p=0,000$), воспитание и развитие ребенка ($r_s=0,331^{**}$; $p=0,000$), хозяйственные ($r_s=0,176^{**}$; $p=0,009$), внешность ($r_s=0,198$; $p=0,003$), материальные ($r_s=0,180$; $p=0,007$).

Чем чаще женщины имеют положительные представления об эмоциональных, эмоционально-волевых качествах, о положительных качествах взаимодействия и общения с ребенком, о качествах, проявляющихся в воспитании и развитии ребенка, о качествах, необходимых в общении с другими людьми, о качествах матери как хозяйки, о качествах внешности и материальных качествах матери, тем чаще эти же категории встречаются в представлениях о нежелательных, отрицательных качествах матерей.

Заключение. Таким образом, методика «Самооценка качеств матери» расширяет возможности анализа когнитивной составляющей самосознания матери. На основании анализа большого количества высказываний респондентов о качествах матери было выделено 12 сфер, в которые

вошли представления о положительных и отрицательных качествах идеальной матери.

Большинство представлений всех участниц исследования о положительных и отрицательных качествах матери относится к эмоциональной сфере и сфере взаимодействия и общения с ребенком, что свидетельствует о высокой ценности этих качеств.

Установлено, что с увеличением возраста матери, в представления о положительных качествах матери все чаще включаются эмоционально-волевые качества, а в представления об отрицательных качествах чаще включаются упоминания о важности отсутствия отрицательных эмоционально-волевых качеств и все реже указываются отрицательные эмоциональные качества матерей.

Среди представлений о положительных и отрицательных качествах у матерей, имеющих детей разного возраста, выявлены различия. Для матерей младенцев наиболее ценными являются нравственные качества, качества, обеспечивающие качественное общение с ребенком и его воспитание, а также забота матери о себе; для матерей детей раннего возраста — умения внимательного отношения к ребенку, понимания ребенка, умения регулировать свои эмоции и поведение. Для матерей дошкольников важны качества восприимчивости и чувствительности к ребенку, эмоциональности в отношениях с ним, удовлетворенность собой, своей внешностью и ролью хозяйки.

Установлена связь представлений женщин о положительных эмоциональных качествах матерей, эмоционально-волевых качествах,

качествах взаимодействия и общения с ребенком, его воспитания и развития, о качествах, необходимых в общении с другими людьми, качествах матери как хозяйки, качествах внешности и материальных качествах матери, с представлениями о нежелательных качествах матери. Представления матерей о положительных когнитивных качествах матери, нравственно-моральных и качествах, характеризующих отношение к себе, не связаны с представлениями об отрицательных качествах, по этим же категориям.

Исследование позволило обнаружить взаимосвязь возраста ребенка и содержания образа идеальной матери через представления о желаемых и нежелательных качествах матери. Установлены существенные различия в представлениях о качествах матери у женщин, имеющих детей младенческого и раннего возраста, раннего и дошкольного возраста, младенческого и дошкольного возраста. Исследование качеств матери как когнитивного компонента самосознания матери во взаимосвязи устраняет пробелы в теоретическом плане и позволяет специалистам, работающим с семьей, организовать помощь матерям, учитывая их имплицитные представления и ожидания в области материнства.

Литература

1. Киричик, Е.С. «Образ Я» в самосознании матери / Е.С. Киричик // Психологические проблемы современной семьи: материалы IX междунар. науч. конф., Москва, 24 окт. 2024 г. — М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2024. — С. 164–169.
2. Филиппова, Г.Г. Психология материнства: учеб. пособие / Г.Г. Филиппова. — М.: Изд-во ин-та психотерапии, 2002. — 240 с.
3. Улыбина, Е.В. Психология обыденного сознания / Е.В. Улыбина. — М.: Смысл, 2001. — 263 с.
4. Фрейд, З. Основной инстинкт / З. Фрейд. — М.: Олимп; ООО «Изд-во АСТ-ЛТД», 1997. — 656 с.
5. Bowlby, J. Maternal care and mental health / J. Bowlby. — Geneva: Claridge, 1987. — 321 p.
6. Badinter, E. Moth and reality / E. Badinter. — NY.: Macmillan, 1981. — 241 p.
7. Мид, М. Культура и мир детства / М. Мид. — М.: Прогресс, 1988. — 365 с.
8. Винникотт, Д.В. Мать и дитя / Д.В. Винникотт. — Екатеринбург: ЛИТУР, 2004. — 296 с.
9. Исенина, Е.И. О некоторых понятиях онтогенеза базовых качеств матери / Е.И. Исенина // Журнал практического психолога. Тематический выпуск: Перинатальная психология и психология родительства. — 2003. — № 4–5. — С. 49–63.
10. Самоукина, Н.В. Психология материнства / Н.В. Самоукина // Прикладная психология. — 1998. — № 6. — С. 70.
11. Микляева, А.В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе / А.В. Микляева, П.В. Румянцев // Женщина в российском обществе. — 2018. — № 1(86). — С. 67–77.
12. Пономарева, Е.В. Представления взрослых об образе материнства / Е.В. Пономарева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2014. — № 1(1). — С. 474–481.
13. Трушкина, С.В. Нормативные модели материнства у женщин с социально приемлемым и девиантным родительским поведением (на материале женщин с детьми раннего возраста): автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Трушкина Светлана Валерьевна; Рос. акад. наук. — М., 2012. — 26 с.
14. Валитова, И.Е. Детская психология: учеб. пособие для студентов психол. и пед. специальностей / И.Е. Валитова, И.В. Шматкова. — Минск: Народная асвета, 2017. — 445 с.

Поступила в редакцию 16.06.2025

Психологические факторы эффективного профессионального отбора кандидатов на службу в органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям

Гермацкая Е.И.

Государственное учреждение «Республиканский отряд специального назначения “ЗУБР”»
МЧС Республики Беларусь

Профессиональная деятельность работников органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям (ОПЧС) относится к тем видам работ, которые отличаются от остальных видов труда постоянным столкновением с опасностью и риском для жизни, экстремальными условиями деятельности. Данные виды деятельности требуют от работника: специальной психологической готовности, тем самым предопределяя ведущее значение личностных характеристик индивидуума (мотивы, потребности, целевые установки, характер, воля); наличия достаточно выраженных врожденных задатков (профессионально важных качеств); исключительно пластичной нервной системы, позволяющей в течение жизни формировать гибкие функциональные системы в головном мозге.

Цель работы – выявление ведущих факторов, определяющих эффективность профессионального психофизиологического отбора кандидатов на службу в ОПЧС, изучение профессионально важных качеств и умений, определяющих профессиональную успешность работников ОПЧС при ликвидации последствий природных и техногенных чрезвычайных ситуаций.

***Материал и методы.** Изучение выраженности отдельных профессионально важных качеств проводилось с помощью следующих методик: исследование волевой саморегуляции (методика А.В. Зверькова, Е.В. Эйдмана), опросник мотивации успеха и боязни неудач (методика А.А. Реана), исследование склонности к риску (опросник А.Г. Шмелева).*

***Результаты и их обсуждение.** Можно сделать вывод, что высокий уровень выраженности волевой саморегуляции и мотивации достижения успеха в процессе профессионального психофизиологического отбора кандидатов на службу в ОПЧС позволяет с высокой степенью достоверности сделать прогноз об успешной профессиональной деятельности кандидата.*

***Заключение.** Работники ОПЧС с высоким уровнем выраженности профессионально важных качеств быстрее находят правильные ответы на задачи в условиях дефицита временного ресурса, следовательно, они более эффективны на всех этапах обучения основам профессиональной деятельности (в процессе усвоения теоретических знаний, выработки практических навыков и умений), и соответственно, в условиях реальных боевых действий по ликвидации чрезвычайных ситуаций.*

***Ключевые слова:** профессиональный психофизиологический отбор, волевая саморегуляция, мотивация достижения успеха, мотивация избегания неудачи, оперативный интеллект, профессионально важные качества.*

Psychological Factors of Effective Professional Selection of Candidates to Serve in the Ministry of Emergency Situations Units

Germatskaya E.I.

State Establishment “Republican Special Purpose Detachment «ZUBR»
of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Belarus

Professional activities of employees of emergency response agencies and units (ERAU) are related to those types of work that differ from other types of work by constant exposure to danger and risk to life, extreme operating conditions. Such types of activities require from the employee: special psychological readiness for such types of activities, thereby predetermining the leading importance of the individual's personal characteristics (motives, needs, goals, character, will); the presence of sufficiently pronounced innate inclinations (professionally important qualities); an exceptionally flexible nervous system, allowing flexible functional systems to be formed in the brain during life.

The purpose of the paper is to find out the leading factors that determine the effectiveness of professional psychophysiological selection of candidates for service in the ERAU, to study professionally important qualities and skills that determine the professional success of ERAU employees in eliminating the consequences of natural and man-made emergencies.

***Material and methods.** The study of the expression of individual professionally important qualities was conducted using the following methods: the study of volitional self-regulation (A.V. Zverkov, E.V. Eidman method), the questionnaire of motivation for success and fear of failure (A.A. Rean method), the study of risk propensity (A.G. Shmelev questionnaire).*

***Findings and their discussion.** It can be concluded that a high level of expression of volitional self-regulation and motivation to achieve success in the process of professional psychophysiological selection of candidates for service in the ERAU allows us to make a forecast about the successful professional activity of the candidate with a high degree of reliability.*

Conclusion. ERAU workers with a high level of professionally important qualities find the right answers to problems faster in conditions of shortage of time resources, therefore, they are more effective at all stages of training in the basics of professional activity (in the process of acquiring theoretical knowledge, developing practical skills and abilities), and, accordingly, in conditions of real combat operations to eliminate emergency situations.

Key words: professional psychophysiological selection, volitional self-regulation, motivation to achieve success, motivation to avoid failure, operational intelligence, professionally important qualities.

Профессиональная деятельность работников органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям (ОПЧС) относится к тем видам работ, которые отличаются от остальных видов труда постоянным столкновением с опасностью и риском для жизни, экстремальными условиями деятельности. Такие виды деятельности требуют от работника: во-первых, специальной психологической готовности к деятельности в экстремальных условиях, тем самым предопределяя ведущее значение личностных характеристик индивидуума (мотивы, потребности, целевые установки, характер, воля); во-вторых, наличия достаточно выраженных врожденных задатков (профессионально важных качеств); в-третьих, исключительно пластичной нервной системы, позволяющей в течение жизни формировать гибкие функциональные системы в головном мозге [1].

М.А. Кремень, А.П. Герасимчик описывают деятельность начальников дежурных смен и пожарных-спасателей как сопровождающуюся постоянным воздействием неблагоприятных физических, химических, психологических и других факторов, вызывающих выраженный профессиональный стресс. Экстремальные условия деятельности характеризуются значительным психотравмирующим воздействием событий и обстоятельств чрезвычайной ситуации на психику сотрудника. Это воздействие может быть мощным и однократным при угрозе жизни и здоровью или многократным, требующим адаптации к постоянно воздействующим источникам стресса. Оно характеризуется различной степенью внезапности, может служить источником как объективно возникающего, так и субъективно воспринимаемого сотрудниками стресса [2; 3].

Цель работы — выявление ведущих факторов, определяющих эффективность профессионального психофизиологического отбора кандидатов на службу в ОПЧС, изучение профессионально важных качеств и умений, определяющих профессиональную успешность работников ОПЧС при ликвидации последствий природных и техногенных чрезвычайных ситуаций.

Профессиональный психофизиологический отбор осуществляется в виде дополнительного

психодиагностического обследования кандидатов работниками психологической службы МЧС Республики Беларусь, после прохождения ими психодиагностического обследования специалистами службы психологической диагностики (СПД) (Центральной) военно-врачебной комиссии (Ц)ВВК МВД Республики Беларусь.

Материал и методы. Предметом исследования является степень выраженности профессионально важных качеств обучающихся УГЗ МЧС на разных этапах обучения. Изучение выраженности отдельных профессионально важных качеств проводилось с помощью следующих методик: исследование волевой саморегуляции (методика А.В. Зверькова, Е.В. Эйсмана), опросник мотивации успеха и боязни неудач (методика А.А. Реана), исследование склонности к риску (опросник А.Г. Шмелева).

Профессионально важные качества работников ОПЧС. Изучение особенностей профессиональной деятельности работников МЧС и необходимых им профессионально важных качеств встречается в работах В.И. Дутова, И.Н. Ефановой, М.И. Марьина, А.В. Осипова, А.П. Самонова, А.В. Шленкова и др.

Качества человека, необходимые для успешного освоения конкретной трудовой деятельности и ее эффективного выполнения называются профессионально важными качествами (ПВК). По мнению В.Д. Шадрикова, профессионально важные качества выступают в роли тех внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия и требования деятельности. Они являются узловым моментом формирования психологической системы деятельности.

Профессионально важные качества представляют собой отдельные динамические черты личности, отдельные психические и психомоторные свойства (выражаемые уровнем развития соответствующих психических и психомоторных процессов), а также физические качества, соответствующие требованиям к человеку какой-либо определенной профессии и способствующие успешному овладению этой профессией. С одной стороны, профессионально важные качества являются предпосылкой профессиональной

деятельности, а с другой — они сами совершенствуются в ходе деятельности, являясь ее новообразованиями. Человек в ходе труда изменяет и самого себя [4; 5].

А.А. Ангеловским описана такая структура личности профессионала любого профиля деятельности:

- психологический, который обуславливается биологически заданными природными задатками и способностями, определяющие готовность и способность человека к реализации конкретной профессиональной деятельности. В качестве составляющих данного компонента выступают индивидуально-типологические особенности, которые детерминируют интересы, склонности, профессиональные возможности;

- гносеологический (когнитивный, интеллектуальный). Содержанием этого компонента являются общие и узкопрофессиональные знания, те навыки и умения, которые способствуют наиболее эффективной реализации профессиональной деятельности. В качестве центрального структурного элемента гносеологического компонента выступает профессиональное мышление и общий уровень интеллектуального развития личности, а в качестве отличительной особенности профессионального мышления — наличие рефлексии субъекта профессиональной деятельности;

- аксиологический (ценностный), включающий в свой состав профессиональную нравственность личности, узкопрофессиональную мораль и самооценку;

- эмоционально-волевой, который проявляется двояко: как чувственный компонент личности профессионала, выражающийся в способности к переживанию профессионального чувства долга, ответственности за результаты деятельности и в виде профессиональной направленности, предполагающей наличие представлений о мотивах, целях собственной профессиональной деятельности и профессиональных качествах [6].

В процессе профессионального развития специалиста экстремального профиля профессионально важные качества, являющиеся основой, на которой в совокупности с получаемыми теоретическими знаниями и практическими навыками происходит формирование профессионально важных умений.

В процессе обучения будущий работник МЧС приобретает набор профессиональных компетенций, которые могут быть представлены в самых разных вариантах и соотношениях, на различных уровнях. Основные компетенции, которые разви-

ваются в процессе освоения обучающей программы: знания, навыки, умения.

Результат обучения — итоговый результат, позволяющий оценить качество подготовки и соответствие полученных компетенций будущей профессиональной деятельности. Совокупность компетенций, представленных в образовательных стандартах, позволяют сформировать необходимые каждому специалисту умения.

Знания — теоретический набор сведений, относящийся к определенной сфере деятельности, включающие в себя термины и определения, научные факты, общие или специальные правила, теории, инструкции, алгоритмы, методики.

Навык — это действия, доведенные до автоматизма, являющиеся результатом превращения теоретических знаний в практическую деятельность, получение конечного результата.

Умение — это сочетание интеллектуальной и практической деятельности, действия, приводящие к конкретному итогу, решению поставленных задач в незнакомых условиях деятельности. Они представлены в виде операций, направленных на решение определенной проблемы [7].

Существующая в современной психологии и педагогике концепция «ЗУН» (знания, умения, навыки) постепенно теряет актуальность в современной образовательной системе. Навык понимается как итоговый результат обучения, действие, доведенное до автоматизма, являющееся высшей степенью профессионализма, а умение — как переходный этап между знанием (теорией) и навыком (практикой). Более точным является определение умения как сознательного действия по поиску оптимального решения новой для работника задачи в ситуации неопределенности, успешность которого определяется уровнем развития оперативного интеллекта.

Волевая саморегуляция и мотивационная направленность личности работников ОПЧС.

Одними из определяющих профессионально важных качеств работников ОПЧС можно представить волевую саморегуляцию и мотивационную направленность личности (мотивацию достижения успеха и мотивацию избегания неудач), которые в процессе профессионального становления, в совокупности с получаемыми знаниями и практическими навыками переходят в устойчивые умения, позволяющие работнику ОПЧС успешно решать задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций.

С.Л. Рубинштейн определяет понятие волевой саморегуляции таким образом: «Воля —

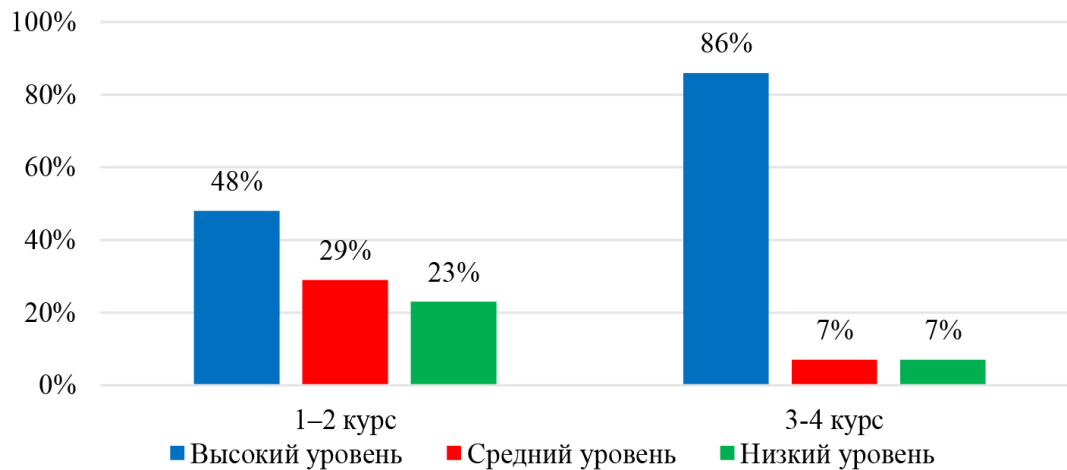

Рисунок 1 – Сравнительный анализ результатов изучения индекса волевой саморегуляции обучающихся

сознательное регулирование индивидом своего поведения (деятельности и общения), которое связано с преодолением внутренних и внешних препятствий. Это способность человека, которая проявляется в саморегуляции им своего поведения» [8].

Воля каждого отдельно взятого индивида находит свое выражение в том, насколько эффективно он преодолевает возникающие препятствия и трудности, в том числе в своей профессиональной деятельности, насколько он способен контролировать свое поведение в различных ситуациях, подчинять свои действия определенным целям и задачам. Таким образом, волевая саморегуляция — это психический процесс сознательной, целеустремленной регуляции человеком своих действий и поведения с целью достижения поставленных целей [8].

Волевою регуляцией любого вида деятельности можно описать как динамику психических состояний. У одних людей отдельные психические состояния бывают более устойчивыми, у других — менее устойчивыми. Таким образом, состояние инициативности и решительности может сочетаться с менее выраженным уровнем настойчивости. Все волевые состояния тесно связаны с волевыми качествами личности [9; 10].

Характеристиками уровня развития волевого самоконтроля являются настойчивость и самообладание. Посредством развитого волевого самоконтроля специалист способен ощущать большую ответственность за свои поступки. У работников с «сильной волей» есть склонность к регулированию своего поведения, поэтому им проще спра-

виться со стрессом. Обладая такой жизненной позицией, человек может положительно оценивать себя, осознавать свою уникальность. В стремлении узнать себя лучше он склонен к рефлексии, анализу своих чувств, мыслей.

Результаты и их обсуждение. Результаты по уровням выраженности волевой саморегуляции, полученные с использованием методики «Уровень развития волевой саморегуляции» (опросник А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана), в целом представлены на рисунке 1.

Как видно из рисунка 1, общие показатели индекса волевой саморегуляции (далее — ИВС) находятся на высоком уровне у 48% обучающихся 1–2 курсов, у обучающихся 3–4 курсов данный показатель составляет 86%. Для этой группы испытуемых характерны активность, самостоятельность, уверенность в себе, способность быстро принимать решения в ситуации неопределенности и дефицита информации. Как правило, они хорошо рефлексировать личные мотивы, планомерно реализуют возникшие намерения, умеют распределять усилия и способны контролировать свои поступки, обладают выраженной социально-позитивной направленностью.

Низкий уровень шкалы ИВС наблюдается у испытуемых чувствительных, эмоционально неустойчивых, ранимых, неуверенных в себе. Рефлексивность у них невысока, а общий фон активности, как правило, снижен. Им свойственна импульсивность и неустойчивость намерений, низкая результативность действий в условиях экстремальной деятельности, неспособность принимать на себя персональную ответственность.

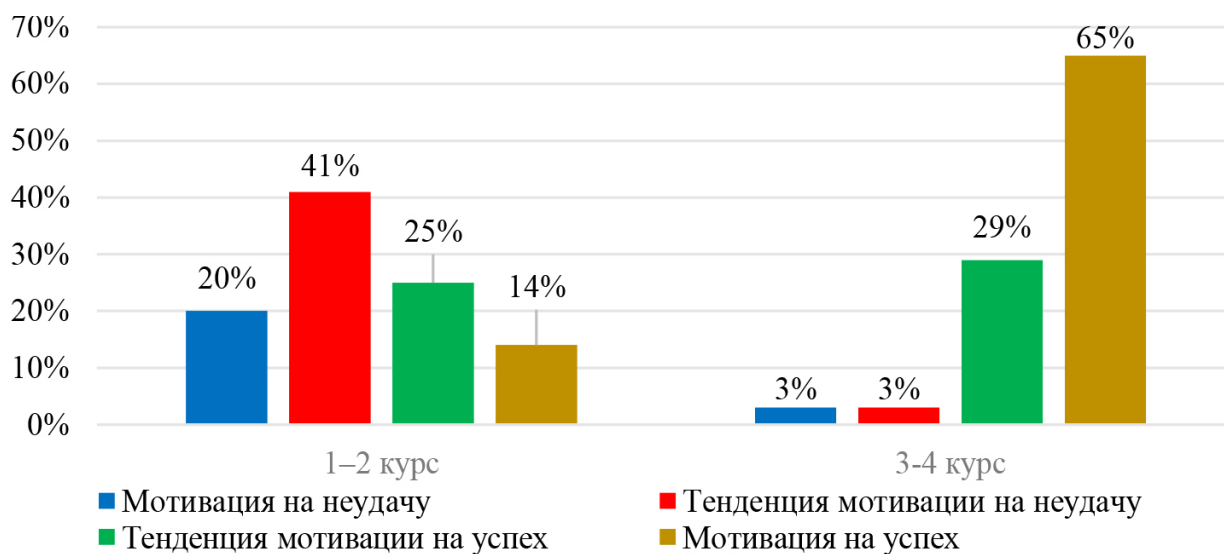

Рисунок 2 – Сравнительный анализ результатов изучения мотивационной направленности обучающихся

Такой результат показали 23% и 7% обучающихся соответственно 1–2 и 3–4 курсов.

Важным профессионально важным умением работников МЧС является мотивационная направленность личности — мотивация достижения успеха и избегания неудачи (далее — МДУиБН). Процессы принятия решений и способы достижения поставленных целей зачастую зависят от того, какие именно мотивы преобладают в деятельности. Специалисты, мотивированные на стремление к успеху, уверены в себе и своих силах, ответственные, инициативны и активны, их отличает настойчивость в достижении цели и целеустремленность [11].

Мотивация избегания неудачи – это выработанный психикой механизм избегания возможных ошибок и неудач, практически всегда это достигается любыми путями и средствами. Для специалиста с преобладающей мотивацией избегания неудачи главной целью деятельности является не допустить ошибку, даже если для этого необходимо полностью изменить основную цель действия. Мотивация на неудачу относится к неконструктивной мотивации, в основе которой заложена идея негативных ожиданий и их избегания. Специалисты, заранее замотивированные на неуспех, обычно отличаются повышенной тревожностью и низкой уверенностью в своих силах. Они пытаются избегать ответственных задач, а при необходимости их выполнения могут впадать в состояние, очень близкое к паническому,

ситуативная тревожность в этом случае становится максимально высокой [12; 13].

Мотивационная направленность обучающихся изучалась с помощью методики «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (опросник А.А. Реана). Данная методика позволяет диагностировать четыре варианта мотивации: мотивация на избегание неудачи, тенденция мотивации на неудачу, тенденция мотивации на успех и мотивация на достижения успеха.

Полученные результаты представлены на рисунке 2. Как мы видим из представленных на рисунке 2 результатов, у преобладающего большинства обучающихся (65%) 3–4 курсов диагностирована мотивация на стремление к достижению успеха, среди обучающихся 1–2 курсов такая мотивация выявлена у 14% испытуемых. Будущие специалисты с тенденцией к мотивации достижения успеха настойчивы в достижении целей, целеустремленны, способны находить решения сложных рабочих задач. Такая мотивация выявлена у 25% обучающихся 1–2 курсов и 29% — обучающихся 3–4 курсов.

Тенденция к мотивации на неудачу относится к неконструктивной мотивации, в основе которой заложена идея негативных ожиданий и их избегания. Будущие специалисты с такой мотивацией заранее настроены на негативный результат своей деятельности и прилагают усилия не на поиск оптимального решения, а на избегание ошибок, которые могут и не возникнуть в процессе

деятельности. Такие результаты показали 41% обучающихся 1–2 курсов и 3% респондентов 3–4 курсов обучения.

Оперативный интеллект как профессиональное умение работников ОПЧС. В условиях недостатка информации главным составляющим эффективной и безопасной деятельности выступает развитый оперативный интеллект. Именно оперативный интеллект как профессиональное умение специалистов экстремально-го профиля выступает способом восполнения информационных ресурсов, дефицит которых всегда присутствует в условиях экстремальной деятельности. Также важными представляются такие профессиональные умения работников ОПЧС, обеспечивающие успешность действий, как оперативное мышление, предвосхищение реакций (прогнозирование), умение принимать решения. Уровень развития оперативного интеллекта в профессиональной деятельности проявляется в эффективности действий специалиста в условиях недостатка временных и информационных ресурсов. Умения специалистов экстремальных профессий преодолевать сложности проблемных ситуаций проявляются в том, что он, обладая необходимыми знаниями, навыками и умениями, умеет их применять в соответствии со складывающейся рабочей обстановкой [13].

Исходя из этого, для повышения эффективности профессиональной деятельности специалистов экстремальных профессий необходимым является развитие оперативного интеллекта. С этой целью на базе УГЗ МЧС была реализована программа по развитию интеллекта и логического мышления обучающихся. Уровень полученных знаний и навыков, степень сформированности оперативного интеллекта определяют дальнейшее развитие профессиональных умений.

Для проведения эксперимента были выбраны 50 задач, направленных на развитие интеллекта, логического и нестандартного мышления. Все задачи разбиты на 10 этапов по 5 заданий, для решения которых выделялось 15 мин. Задачи подбирались таким образом, чтобы каждый последующий этап был сложнее предыдущих. Перед началом и по окончании решения испытуемым проводилось измерение частоты сердечных сокращений, для определения психической энергии, затраченной для действия, поиска решения новой для специалиста задачи в условиях ограниченного временного ресурса. Каждый раз предлагались

новые задачи, с которыми испытуемые ранее не сталкивались. Именно решение неизвестных ранее заданий способствует развитию оперативного интеллекта и позволяет оценить уровень этого развития.

Предполагалось, что в результате проведенных занятий обучающиеся научатся применять полученные навыки и умения в неопределенных ситуациях профессиональной деятельности, овладеют умением быстрого переключения от привычных алгоритмов действий к новым, оригинальным способам решения проблемных задач.

Результаты проведенного исследования можно увидеть на рисунке 3: показательным является результат по времени решения. Именно время решения неизвестных ранее задач можно считать показателем успешности работников ОПЧС при решении служебных задач в условиях информационного и временного ресурса. Количество ответов также можно принимать за показатель успешности. Незначительное различие выявлено по показателю частоты сердечных сокращений до и после решения задач, который представляет собой энергетические затраты на поиск правильного решения.

Для исследования взаимосвязей между ответами на задачи и уровнями выраженности профессионально важных качеств применялся метод таблиц сопряженности с критерием отношения правдоподобия. Были установлены значимые статистические взаимосвязи на уровне доверия 82–97%.

На примере количества верных ответов обучающихся на 1 этапе исследования можно увидеть следующие результаты, представленные на рисунке 4.

Установлена значимая статистическая взаимосвязь между уровнями волевой саморегуляции и ответами на задачи на 1 этапе на уровне доверия 84% ($p=0,16$). Как видно из рисунка 4, высокий уровень ИВС влечет более высокое (23,21% — 3–4 ответа, 35,7% — 5 ответов) число ответов на задачи. Для низких и средних показателей ИВС 4–5 ответов всего у около 2%.

Аналогичные результаты можно увидеть и по показателям мотивационной направленности личности, представленные на рисунке 5.

На 1 этапе 4–5 правильных ответов получились у 32,14% испытуемых с выявленной мотивацией на успех, 4 правильных ответа у 5,36% и 5 правильных ответов у 1,79% — с тенденцией мотивации на успех.

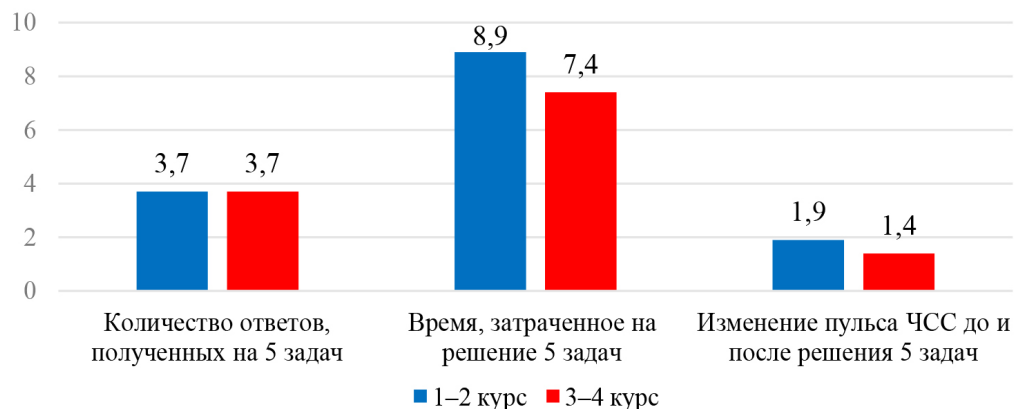

Рисунок 3 – Показатели количества ответов на задачи, времени, потраченного на решение предлагаемых задач и изменения ЧСС до и после решения поставленных задач (средние арифметические значения) по 10 этапам

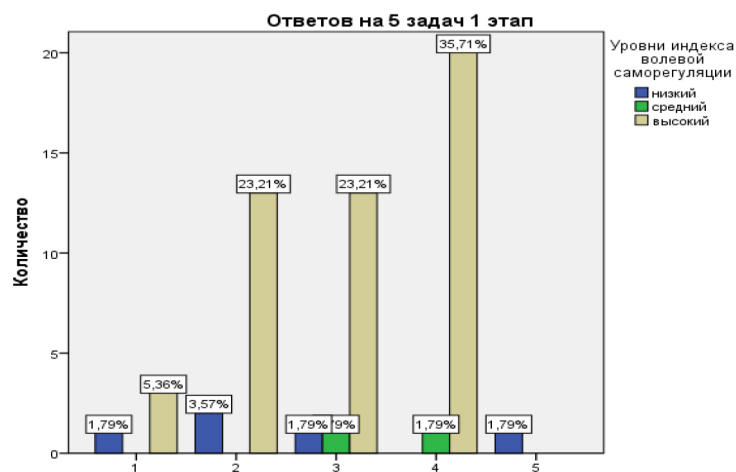

Рисунок 4 – Выявленные взаимосвязи между ответами на задачи на 1 этапе и уровнем индекса волевой саморегуляции

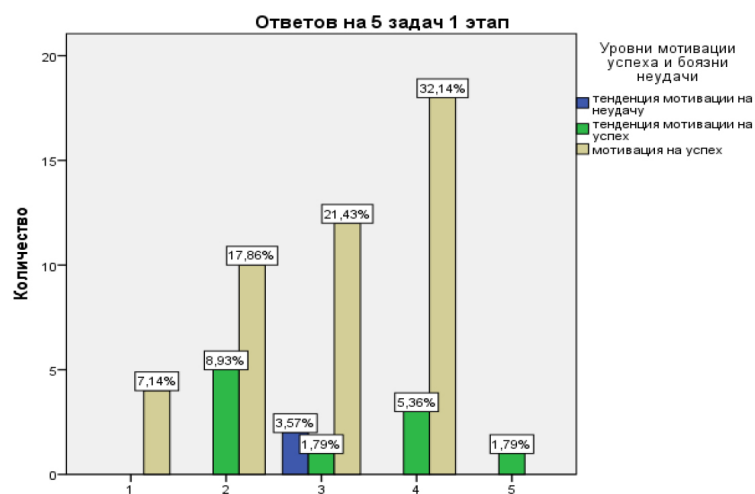

Рисунок 5 – Выявленные взаимосвязи между ответами на 5 задач на 1 этапе и уровнем мотивации успеха и боязни неудачи

Развитие оперативного интеллекта в совокупности со знаниями и навыками становится одним из определяющих аспектов формирования профессиональных умений будущих специалистов экстремального профиля.

Заключение. Выявлены статистически значимые зависимости уровней выраженности отдельных профессионально важных качеств будущих специалистов экстремального профиля (индекса волевой саморегуляции, мотивации достижения успеха и избегания неудач) и эффективностью деятельности в условиях необходимости быстрого поиска решения незнакомых ранее задач. Работники ОПЧС с высоким уровнем выраженности профессионально важных качеств быстрее находят правильные ответы на задачи в условиях дефицита временного ресурса. Следовательно, они более эффективны на всех этапах обучения основам профессиональной деятельности (в процессе усвоения теоретических знаний, выработки практических навыков и умений), и соответственно, в условиях реальных боевых действий по ликвидации чрезвычайных ситуаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что высокий уровень выраженности волевой саморегуляции и мотивации достижения успеха в процессе профессионального психофизиологического отбора кандидатов на службу в ОПЧС позволяет с высокой степенью достоверности сделать прогноз об успешной профессиональной деятельности кандидата.

Диагностические методики «Исследование волевой саморегуляции (методика А.В. Зверькова, Е.В. Эйдмана)» и «Опросник мотивации успеха и боязни неудач (методика А.А. Реана)» могут быть рекомендованы для использования при проведении дополнительного психодиагностического обследования кандидатов на службу работниками психологической службы МЧС Республики Беларусь.

Литература

1. Евдокимов, В.И. Качество жизни специалистов экстремальных профессий: библиографический реферативный указатель 1993–2003 гг. / В.И. Евдокимов, И.Б. Ушаков. — Воронеж: Исток, 2004. — 208 с.
2. Кремень, М.А. Спасателю о психологии / М.А. Кремень. — Минск: Изд. центр БГУ, 2003. — 136 с.
3. Герасимчик, А.П. Образ динамического объекта в профессиональном психологическом отборе специалистов по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций: дис. ... канд. психол. наук: 05.26.03 / Герасимчик Александр Петрович. — Минск, 2009. — 198 л.
4. Марьин, М.И. Исследование влияния условий труда на функциональное состояние пожарных / М.И. Марьин, Е.С. Соболев // Психологический журнал. — 1990. — Т. 11, № 1. — С. 102–108.
5. Дежкина, Ю.А. Развитие профессионально важных качеств сотрудников государственной противопожарной службы МЧС России в процессе профессионализации: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 / Дежкина Юлия Александровна. — СПб.: РГПУ, 2008. — 23 с.
6. Ангеловский, А.А. Анализ понятий «профессия», «профессиональное сознание», «профессиональная деятельность», «профессионализм» / А.А. Ангеловский // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2010. — № 5(2). — С. 306–314.
7. Селиверстова, Н.А. Знания, умения, навыки как элементы образовательного опыта молодежи / Н.А. Селиверстова // Научные труды Московского гуманитарного университета. — 2015. — № 4. — С. 28–34.
8. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. — Питер, 2013. — 713 с.
9. Мильман, В.Э. Побудительные тенденции в структуре деятельности / В.Э. Мильман // Вопросы психологии. — 1982. — № 3. — С. 5–14.
10. Самоукина, Н.В. Психология и педагогика профессиональной деятельности / Н.В. Самоукина. — М.: Тандем, 1999. — 351 с.
11. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу; пер. с англ. — СПб.: Питер, 2019. — 3-е изд. — 400 с.
12. Хекхаузен, Х. Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен. — СПб.: Речь, 2001. — 256 с.
13. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. — СПб.: Питер, 2006. — 512 с.
14. Никифоров, Г.С. Психологическое обеспечение профессиональной деятельности / Г.С. Никифоров. — СПб., 1991. — 152 с.

Поступила в редакцию 25.11.2024

Социально-психологическая подготовка военнослужащих на начальном этапе становления обучающихся учебных заведений специальной направленности

Голованов Р.А.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники»

Работа посвящена анализу социально-психологической адаптации студентов на начальном этапе становления обучающихся учебных заведений специальной направленности. Рассматриваются теоретические основы адаптации, включая воздействия личностных характеристик обучающихся, социальной среды и психологической поддержки. Описаны основные теории адаптации, такие как теория социального научения, стрессовой реакции и социальной идентичности. Особое внимание уделено факторам, влияющим на успешность интеграции в коллектив обучающихся: мотивации, стрессоустойчивости, поддержке со стороны учебного заведения специальной направленности и семьи. Важность адаптации для работоспособности обучающихся учебных заведений специальной направленности и их психологического благополучия подчеркивается через анализ практических аспектов процесса адаптации в специальных условиях.

Цель статьи – изучить способы и методы социально-психологической подготовки обучающихся на начальном этапе становления в учебных заведениях специальной направленности.

Материал и методы. *Исследование проводилось в образовательных учреждениях с особой направленностью с использованием методов анализа, интерпретации и обработки данных. В последние годы понятие «адаптация» приобрело особое значение в психолого-педагогической науке. Это отражает стремление ученых к всестороннему изучению личности в процессе овладения новыми социальными и профессиональными ролями, анализу поведения в сфере образования и воспитания.*

Результаты и их обсуждение. *Личностные качества студентов, включая психологическую устойчивость, мотивацию к выполнению служебных обязанностей и самоуважение, оказывают существенное влияние на восприятие новой среды и скорость адаптации. Чем выше их способность к саморегуляции и стрессоустойчивости, тем легче им справляться с трудностями, связанными с изменением условий обучения.*

Заключение. *Социально-психологическая адаптация обучающихся – сложный и многогранный процесс, затрагивающий как личностные, так и социальные аспекты их жизни. Освоение новых правил и регламентаций, поддержание профессиональной дисциплины и налаживание эффективного взаимодействия с коллегами и преподавателями требуют значительных усилий и внутренней готовности. Однако процесс адаптации не всегда проходит гладко, так как зависит от многих факторов: личностных особенностей, социально-психологической атмосферы в коллективе, уровня поддержки со стороны администрации и влияния семейного окружения.*

Ключевые слова: *социальная адаптация, психологическая адаптация, стрессоустойчивость, мотивация, социальное окружение, психология адаптации, коллектив, психологическая поддержка.*

Social and Psychological Training of Military Personnel at the Initial Student Maturation Stage at Special Education Establishments

Golovanov R.A.

Education Establishment "Belarusian State University of Information Science and Radioelectronics"

The work is concerned with the analysis of social and psychological adaptation of students at the initial maturation stage at special education establishments. The theoretical foundations of adaptation are considered, including the effects of personal characteristics of students, the social environment and psychological support. The main theories of adaptation, such as the theory of social learning, stress response, and social identity, are described. Special attention is paid to the factors influencing the success of integration into the student team: motivation, stress tolerance, support from a special educational institution and family. The importance of adaptation for the performance of students of special education establishments and their psychological well-being is emphasized through an analysis of the practical aspects of the adaptation process in special conditions.

The purpose of the article is to study the ways and methods of social and psychological training of students at the initial stage of their education at special education establishments.

Material and methods. *The research was conducted at special education establishments using methods of data analysis, interpretation and processing. In recent years, the concept of adaptation has acquired special significance in psychological and pedagogical science. This reflects the desire of scientists for a comprehensive study of the personality in the process of mastering new social and professional roles, for analyzing behavior in the field of education and upbringing.*

Findings and their discussion. Students' personality qualities, including psychological stability, motivation to perform official duties and self-esteem, have a significant impact on the perception of a new environment and the speed of adaptation. The higher their ability to self-regulation and stress tolerance, the easier it is for them to cope with the difficulties associated with changing learning conditions.

Conclusion. Social and psychological adaptation of students is a complex and multifaceted process affecting both personal and social aspects of their lives. Mastering new rules and regulations, maintaining professional discipline and establishing effective interaction with colleagues and teachers require significant efforts and internal readiness. However, the adaptation process does not always go smoothly, as it depends on many factors: personality characteristics, the social and psychological atmosphere in the team, the level of support from the administration and the influence of the family environment.

Key words: social adaptation, psychological adaptation, stress resistance, motivation, social environment, psychology of adaptation, team, psychological support.

В последние годы в Республике Беларусь активно развивается правовая информатизация, что привело к необходимости подготовки новых специалистов, способных эффективно и профессионально выполнять свои обязанности в современных условиях. Для специализированных учебных заведений это означает внедрение передовых методов профессиональной подготовки с акцентом на повышение уровня социально-психологической адаптации студентов. Данный аспект включает в себя процесс интеграции в образовательную среду и новый коллектив, что требует детального изучения динамики адаптации и разработки соответствующих методов.

Резкие перемены в жизненных обстоятельствах и новая система обучения приводят к значительным изменениям в устоявшихся привычках и поведении. Психологический стресс, сопровождающий эти преобразования, может спровоцировать неудачи, ослабление интереса к выбранной области и снижение мотивации к учебному процессу. Среди негативных последствий — нарушения дисциплины, потеря инициативы, безразличие к учебным предметам и ухудшение физического состояния студентов. Это, в свою очередь, оказывает влияние на социальные взаимодействия в коллективе, создавая предпосылки для межличностных конфликтов и дополнительных трудностей [1].

Социально-психологическая адаптация студентов в специализированных учебных заведениях рассматривается как ключевой фактор успешной профессиональной подготовки нового поколения специалистов. Автор статьи отмечает, что особенности адаптации обусловлены строго регламентированными образовательными процессами, которые накладывают определенные ограничения на развитие привычек и моделей поведения обучаемых. Изменение условий жизни влечет за собой перестройку восприятия окружающей среды и профессиональных

ориентиров, что может негативно сказаться на уровне подготовки будущих специалистов. Снижение мотивации, возникающее в результате трудностей адаптации, оказывает существенное влияние на качество профессионального становления обучаемых. Именно поэтому обучение в учебных заведениях должно учитывать не только теоретическую и практическую подготовку, но и поддержку процесса адаптации, обеспечивая максимальную психологическую устойчивость студентов перед лицом вызовов новой образовательной среды [2].

Цель статьи — изучить способы и методы социально-психологической подготовки, обучающихся на начальном этапе становления в учебных заведениях специальной направленности.

Материал и методы. Исследование проводилось в образовательных учреждениях с особой направленностью с использованием методов анализа, интерпретации и обработки данных. В последние годы понятие «адаптация» приобрело особое значение в психолого-педагогической науке. Это отражает стремление ученых к всестороннему изучению личности в процессе овладения новыми социальными и профессиональными ролями, анализу поведения в сфере образования и воспитания.

При изучении адаптации первокурсников в специализированных учебных заведениях были выявлены многочисленные трудности, связанные не только с возрастными особенностями обучаемых, перестройкой их системы ценностных ориентаций и формированием новых когнитивных стратегий, но и с резким изменением условий жизни. На протяжении многих лет специалисты в различных областях — ученые, психологи, педагоги и врачи — изучали процесс адаптации человека к изменяющимся условиям жизни. Эти исследования проводились как в Беларуси, так и в других странах мира.

Современные информационные технологии позволяют формализовать технологические

процессы, создавая на этой основе методическую и техническую поддержку. Однако простой перенос таких методов в образовательную сферу пока не привел к ожидаемому улучшению качества образования. Электронные учебники, видеоматериалы и обучающие программы, несмотря на их широкое распространение, не оказали существенного влияния на эффективность учебного процесса. Это связано с тем, что в преподавании основным продуктом является не просто информация, а знания, навыки и умения, формирование которых требует глубокого взаимодействия с преподавателем и специальных методических подходов.

Результаты и их обсуждение. Совершенствование образовательного процесса остается одной из ключевых задач, особенно в условиях растущей информатизации образовательных учреждений [2]. Искусство преподавания всегда играло важную роль в жизни общества. Еще древнегреческий философ Григорий Назианзин говорил, что воспитание человека — это высшее искусство. Сегодня образование постепенно превращается в формализованную и управляемую технологию, что влечет за собой создание и развитие информационных образовательных сред.

В то время как роль преподавателя претерпевает изменения. Он больше не воспринимается студентами как основной источник знаний — эту роль частично берут на себя технические средства. Такой подход порождает мнение о возможности автоматизации процесса обучения, что, в свою очередь, приводит к ошибочному представлению о том, что качественное образование не требует особых педагогических качеств и компетенций.

Анализ полученных данных показал, что офицеры демонстрируют высокий уровень сознательной саморегуляции, используя различные стратегии преодоления стресса [3]. Среди них преобладают проблемно-ориентированные стратегии преодоления и избегания, в то время как эмоционально-ориентированные методы используются реже. Для поддержания своего функционального состояния обучаемые часто прибегают к общению с офицерами и звонкам друзьям [2]. Их хроническая усталость минимальна, а активные формы преодоления напряжения способствуют снижению накопившегося стресса.

Термин «совладание» впервые появился в 1962 году в исследованиях кризисов детского развития. В 1966 году Лазарус описал управление стрессом как процесс адаптации

к стрессовым обстоятельствам, включающий психические и поведенческие методы преодоления трудных ситуаций [4]. Современные методы управления стрессом включают в себя такие подходы, как конфронтация, самоконтроль, поиск поддержки, избегание проблем, планирование, позитивное переосмысление и приверженность делу.

Одной из наиболее распространенных стратегий психологической защиты является «избегание», которое заключается в том, чтобы избегать стрессовых обстоятельств, избегать активного взаимодействия или перекладывать ответственность на других. Проявления стратегии совладания «избегание» могут быть различными:

Физическое избегание — это смена учебного заведения, профессии, окружения или даже переезд в другое место, чтобы избежать сложных ситуаций.

Эмоциональная отстраненность — это отказ обсуждать проблему, подавление эмоций и попытка игнорировать негативные переживания.

Погружение в другие занятия — это отвлечение от хобби, просмотра фильмов, компьютерных игр, чрезмерной социальной активности или даже вредных привычек.

Использование фантазий и грез — это уход в мир фантазий, идеализация будущего и погружение в размышления о нереалистичных решениях проблемы.

Хотя стратегия бегства может временно снизить уровень тревожности, она не решает проблему в долгосрочной перспективе. Постоянное избегание сложных ситуаций приводит к накоплению нерешенных проблем, ухудшению психоэмоционального состояния и даже социальной изоляции.

Чтобы свести к минимуму негативные последствия этой стратегии, важно осознавать причины, по которым вы хотите избавиться от стресса, и постепенно искать конструктивные пути решения проблем. Адаптивные стратегии могут включать планирование действий, поиск поддержки или позитивную переоценку ситуации.

Анализ также показал, что ограниченные возможности влиять на инновационные процессы приводят к преимущественному использованию стратегии «избегания» как субъективно приемлемого выхода из сложных ситуаций. Результаты регрессионного анализа подтверждают, что для достижения удовлетворенности работой важно не только проявлять инициативу в решении проблем, но и полагаться на внутренние ресурсы уверенности, избегая поспешных решений.

Кроме того, важным фактором, способствующим успешной адаптации, является наличие хорошо сформированной мотивации к профессиональной деятельности. В процессе освоения специальности студенты сталкиваются с необходимостью перестройки привычного образа мышления, что требует значительных волевых усилий и устойчивого желания достигать поставленных целей. Поддержка учителей, офицеров и сверстников играет важную роль в создании положительного эмоционального фона, который помогает снизить тревожность и повысить уверенность в себе.

В современной образовательной среде возрастает важность индивидуального подхода и учета личностных особенностей учащихся. Использование диагностических методик позволяет не только выявить потенциальные трудности в процессе адаптации, но и спрогнозировать эффективность различных стратегий преодоления психоэмоционального стресса. Использование интегративных методов, сочетающих традиционные педагогические технологии с элементами психологической поддержки, способствует созданию комфортной и безопасной образовательной среды.

Особое внимание следует уделить формированию компетенций, необходимых для успешного взаимодействия в социокультурной и профессиональной сферах. На данном этапе развития образования важно не только передавать знания, но и развивать способность к критическому мышлению, самоанализу и рефлексии. Это, в свою очередь, позволяет будущим специалистам более эффективно адаптироваться к изменяющимся условиям профессиональной деятельности, формировать стабильную мотивацию и достигать высоких результатов.

Таким образом, изучение адаптационных процессов в образовательных учреждениях с особым акцентом демонстрирует сложную природу этого явления. Только системный подход, включающий взаимодействие педагогов, психологов, социальных работников и технических специалистов, может обеспечить устойчивое развитие учащихся, их успешную интеграцию в профессиональную среду и повысить качество образования в целом.

Наряду с психологической поддержкой, важную роль в адаптации играет развитие коммуникативных навыков, которые позволяют учащимся эффективно взаимодействовать с окружающими в различных жизненных и профессиональных ситуациях. Умение выражать свои мысли, слушать собеседника, вести конструктивный диалог

и разрешать конфликты способствует формированию стабильных межличностных отношений и позитивного социального климата в образовательной среде. Данные навыки приобретаются как в процессе обучения, так и за его пределами — в групповых проектах, во внеклассных мероприятиях и волонтерской работе. Таким образом, коммуникативная компетентность становится неотъемлемой частью личностного и профессионального роста студентов.

Личностные качества студентов, включая психологическую устойчивость, мотивацию к выполнению служебных обязанностей и самоуважение, оказывают существенное влияние на восприятие новой среды и скорость адаптации. Чем выше их способность к саморегуляции и стрессоустойчивость, тем легче им справляться с трудностями, связанными с изменением условий обучения [5].

Важную роль играет социально-психологическая атмосфера в коллективе. Поддержка со стороны старших товарищей, преподавателей и ровесников помогает снизить уровень тревожности, укрепляет уверенность в себе и создает чувство принадлежности к группе. Эффективное взаимодействие с коллективом создает комфортные условия для интеграции, ускоряет процесс адаптации и создает позитивную образовательную среду.

Таким образом, сочетание внутренних личностных факторов и внешней социальной поддержки играет решающую роль в успешной адаптации обучаемых, помогая им преодолевать стресс, поддерживать мотивацию и достигать высоких результатов.

Заключение. Социально-психологическая адаптация обучающихся — сложный и многогранный процесс, затрагивающий как личностные, так и социальные аспекты их жизни. Освоение новых правил и регламентаций, поддержание профессиональной дисциплины и налаживание эффективного взаимодействия с коллегами и преподавателями требуют значительных усилий и внутренней готовности. Однако процесс адаптации не всегда проходит гладко, так как зависит от многих факторов: личностных особенностей, социально-психологической атмосферы в коллективе, уровня поддержки со стороны администрации и влияния семейного окружения.

Самооценка обучающихся в формальных и неформальных отношениях может снижаться по разным причинам, включая несоответствие ожиданий реальности и повышенные требования к успеваемости. Когда человек присоединяется

к новой команде, у него обычно формируются определенные ожидания: желание стать лидером, завести друзей или зарекомендовать себя как успешный обучающийся. В начальный период учебного процесса положение обучаемых в группе остается нестабильным и недостаточно структурированным, что может способствовать высокой степени удовлетворенности. Однако через полгода социальные роли становятся более определенными: у преподавателей формируются четкие представления о каждом ученике, а внутри коллектива складывается стабильная система взаимодействий. На этом этапе самооценка своего положения может снизиться, поскольку некоторые из первоначальных ожиданий не оправдываются.

Анализ научной литературы и педагогического опыта свидетельствует о растущем интересе к проблеме профессиональной подготовки будущих специалистов. Однако в современной педагогике недостаточно разработаны организационно-педагогические условия, обеспечивающие совершенствование профессиональной подготовки узкоспециализированных кадров. Вопросы, связанные с содержанием образовательной деятельности и внедрением эффективных образовательных технологий, требуют дальнейших исследований. Критерии готовности выпускников к выполнению поставленных перед ними задач все еще недостаточно четко определены, и методы оценки уровня профессиональной готовности нуждаются в совершенствовании.

Проблема также заключается в отсутствии целостного подхода к подготовке специализированных кадров. Не сформулированы основные технологические этапы, принципы и методы, способствующие развитию необходимых компетенций. Практический опыт показывает, что процесс профессиональной подготовки будущего специалиста должен быть системным и непрерывным на протяжении всего периода обучения, предоставляя ему возможность успешно адаптироваться к своей профессиональной деятельности.

Литература

1. Кротова, М.Н. Специфика социально-психологической адаптации на начальном этапе профессионализации курсантов военного вуза: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 / Кротова Мария Николаевна. — Ярославль, 2017. — 274 л.
2. Бунин, С.В. Совершенствование профессиональной подготовки будущих офицеров к выполнению служебно-боевых задач: на материале военного института внутренних войск МВД России: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Бунин Сергей Викторович. — Новосибирск, 2005. — 222 л.
3. Водопьянова, Н.Е. Ресурсное обеспечение противодействия профессиональному выгоранию субъектов труда (на примере специалистов субъект-субъектных профессий): дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 / Водопьянова Наталия Евгеньевна. — СПб., 2014. — 460 л.
4. Лазарус, Р. Психологический стресс и процесс совладания / Р. Лазарус. — Нью-Йорк, 1966. — 466 с.
5. Семянищева, П.А. Профессионально-обусловленные особенности саморегуляции функционального состояния военнослужащих: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.03 / Семянищева Полина Андреевна. — М., 2017. — 219 л.

Поступила в редакцию 14.07.2025

Уважаемые читатели и авторы!

***От имени многочисленного коллектива
Витебского государственного университета
имени П.М. Машерова
поздравляем Вас с Днем учителя!***

Учитель – профессия, к которой мы всегда относимся с особым почтением и уважением. Ведь именно педагоги передают жизненный опыт, сеют зерна добра, учат мудрости, помогают познать этот удивительный мир, найти нравственные и духовные ориентиры. Каждый педагог выполняет благородную миссию, закладывая основы завтрашнего дня, формируя интеллектуальный потенциал нации.

Позвольте выразить глубокое уважение за Ваш деятельный труд, направленный на развитие и совершенствование системы образования! Пожелать крепкого здоровья, благополучия, новых побед и профессиональных свершений!

Богатырёва Валентина Васильевна – ректор ВГУ имени П.М. Машерова, доктор экономических наук, профессор.

Ван Цзяньбо – аспирант кафедры «Экономика и право» Белорусского национального технического университета.

Гермацкая Екатерина Игоревна – старший инспектор-психолог ГУ «Республиканский отряд специального назначения “ЗУБР”» МЧС Республики Беларусь, центр кризисной психологической помощи.

Голованов Роман Антонович – аспирант кафедры инженерной психологии и эргономики Белорусского государственного университета информатики и радиоэлектроники.

Капусто Анна Владимировна – доцент кафедры аналитической экономики и эконометрики Белорусского государственного университета, кандидат физико-математических наук, доцент.

Киричик Елена Станиславовна – психолог ГУ «Брестский областной центр медицинской реабилитации для детей с психоневрологическими заболеваниями “Тонус”», аспирант кафедры социальной педагогики и психологии БрГУ имени А.С. Пушкина.

Костюкова Светлана Николаевна – проректор по идеологической и воспитательной работе ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент.

Крестьянинова Татьяна Юрьевна – доцент кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат биологических наук, доцент.

Никитенко Полина Андреевна – студентка 4 курса факультета социальной педагогики и психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Пастушеня Александр Николаевич – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”» (Минск), доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь.

Побяржина Татьяна Павловна – заведующий кафедрой экономики и информационных технологий ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”», кандидат экономических наук, доцент.

Сабуни Рами Мустафа – магистр юридических наук, соискатель, Витебск.

Сухарев Андрей Александрович – доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Трацевская Людмила Фёдоровна – доцент кафедры информационных технологий и управления бизнесом ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат экономических наук, доцент.

Трищенко Анастасия Владимировна – студентка гуманитарного факультета ВФ УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”».

Янч Валерий Вацлавович – декан факультета обучения иностранных граждан ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат философских наук, доцент.

Bogatyreva Valentina Vasilyevna – Rector of Vitebsk State P.M. Masherov University, Dr.Sc. (Economics), Professor.

Wang Jianbo – postgraduate student of the Department of Economics and Law of the Belarusian National Technical University.

Germatskaya Ekaterina Igorevna – Senior Psychology Inspector of State Establishment “Republican Special Purpose Detachment «ZUBR»” of the Ministry of Emergency Situations of the Republic of Belarus, the Crisis Psychological Center.

Golovanov Roman Antonovich – postgraduate student of the Department of Engineering Psychology and Ergonomics of the Belarusian State University of Information Science and Radioelectronics.

Kapusto Anna Vladimirovna – Assistant Professor of Belarusian State University Department of Analytical Economics and Econometrics, PhD (Physics and Mathematics), Assistant Professor.

Kirichik Elena Stanislavovna – State Institution “Brest Regional Center for Medical Rehabilitation of Children with Psychoneurological Diseases «Tonus»”, psychologist, postgraduate student of the Department of Social Pedagogy and Psychology of the Brest State A.S. Pushkin University.

Kostiukova Svetlana Nikolayevna – Vice-Rector for Ideological and Educational Work of Vitebsk State P.M. Masherov University, PhD (Economics), Assistant Professor.

Krestyaninova Tatyana Yuryevna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Biology), Assistant Professor.

Nikitenko Polina Andreyevna – fourth year student of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Social Pedagogy and Psychology.

Pastushenia Alexander Nikolayevich – Head of Education Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus “International University MITSO” (Minsk) Department of Social and Humanitarian Disciplines, Dr.Sc. (Psychology), Professor, Honorable Worker of Education of the Republic of Belarus.

Pobiarzhina Tatyana Pavlovna – Head of International University MITSO Vitebsk Branch Department of Economics and Information Technologies, PhD (Economics), Assistant Professor.

Sabuni Rami Mustafa – Master of Law, applicant, Vitebsk.

Sukharev Andrei Aleksandrovich – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law, PhD (Education), Assistant Professor.

Tratsevskaya Liudmila Fedorovna – Assistant Professor of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Information Technologies and Business Management, PhD (Economics), Assistant Professor.

Trishchenkova Anastasiya Vladimirovna – student of International University MITSO Vitebsk Branch Humanitarian Faculty.

Yanch Valeri Vatslavovich – Dean of Vitebsk State P.M. Masherov University Faculty of Foreign Citizens Training, PhD (Philosophy), Assistant Professor.

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белом, русском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «Материал и методы» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список литературы должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1; 2]. Список литературы оформляется в со-

ответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:

- реферат (200–250 слов), который должен полностью передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

- ключевые слова на языке оригинала;
- название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

- номер телефона, адрес электронной почты автора;

- рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

- экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

Scientific and practical journal "Law. Economics. Psychology" publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year postgraduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section "Material and methods";
- section "Findings and their discussions";
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section "Material and methods" includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section "Findings and their discussion" the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section "Conclusion" must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. References should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1; 2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are

indicated, as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows.

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200-250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;
- key words in the original language;
- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;
- the author's phone number, e-mail address;
- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;
- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat.VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews - at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 11.09.2025. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 8,57. Тираж 70 экз. Заказ 108.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.